

Карлтон Стивенс Кун

Расы Европы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6298224

Карлтон Стивенс Кун. Расы Европы: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-074710-8, 978-5-271-36415-0

Аннотация

Впервые на русском языке публикуется классический фундаментальный труд известного американского антрополога Карлтона С. Куна. В книге обзревается антропологическая история европеоидной расы, предлагается авторская классификация антропологических типов, рассматривается антропологический состав современного европеоидного населения.

Содержание

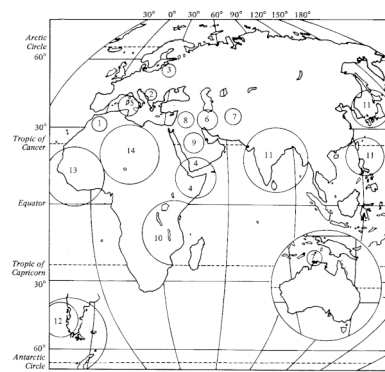
Предисловие	7
Введение	23
Глава первая	26
1. О целях и планах	26
2. Теория и принципы понятия «раса»	28
3. Материалы и техники остеологии[21]	36
Глава вторая	39
1. Представляя Homo sapiens	39
2. Климат плейстоцена	42
3. Люди вида sapiens в среднем плейстоцене	44
4. Ископаемые несапиентные люди плейстоцена	47
5. Неандерталоидные гибриды из Палестины	49
6. Верхнепалеолитический человек в Европе: общие свидетельства	52
7. Хронологическая и географическая дифференциация европейской ориньякской группы	56
8. Верхнепалеолитические охотники Северной Африки	61
9. Ориньякцы в Восточной Африке	65
10. Мадленцы	67
11. Верхнепалеолитический человек в Китае	70
12. Выводы и заключения	71
Глава третья	74
1. Историческое окружение	74
2. Мезолитическое население Африки	76
3. Натуфийцы Палестины	79
4. Население культуры кухонных куч Тежу	81
5. Мезолитический человек во Франции	83
6. Захоронения голов в Офнете	85
7. Мезолитический человек в Крыму	87
8. Сохранившееся палеолитическое население на северо-западе	88
9. Заключение и выводы	95
Глава четвертая	97
1. Введение	97
2. Неолит и средиземноморская раса	100
3. Иран и Ирак	103
4. Египетская цивилизация	107
5. Северная Африка в неолите	113
6. Неолит Испании и Португалии	114
7. Восточные источники: юг, центр и север	115
8. Носители дунайской культуры	118
9. Население культуры шнуровой керамики или боевых топоров	120
10. Неолит Британских островов	122
11. Западная Европа и альпийская раса	125
12. Неолитическая Скандинавия	131
13. Неолитические обитатели северных лесов	135

14. Выводы	137
Глава пятая	140
1. Введение	140
2. Бронзовый век в Западной Азии	143
3. Минойцы	147
4. Греки	149
5. Медный и бронзовый век в Западном Средиземноморье	152
6. Баски, финикийцы и этруски	157
7. Медный век в Европе к северу от Средиземноморья: передвижения дунайцев и культура колоколовидных кубков	159
8. Бронзовый век в Британии	162
9. Бронзовый век в Центральной Европе	166
10. Бронзовый век на Севере	169
11. Бронзовый век на восточных равнинах	171
12. Конец бронзового века и кремация	173
13. Заключение и выводы	175
Глава шестая	177
1. Расы, языки и европейские народы	177
2. Иллирийцы	183
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Карлтон Стивенс Кун Расы Европы

География экспедиций Карлтона С. КУНА

REGIONS VISITED PROFESSIONALLY IN PEACE AND WAR*

1. Morocco, 1924-28, 1942-44, 1962
2. Albania, 1929-30
3. Russia, 1933, 1964
4. Ethiopia, S. Arabia, 1933-34
5. Tunisia, Corsica, Bari, 1943-44
6. Iraq-Iran, 1948-51
7. Afghanistan, Australia, 1954
8. Syrian Desert, 1955
9. Saudi Arabia, 1955
10. East Africa, 1955
11. E. & S. Asia, 1956-57
12. S. E. Chile, 1958
13. Sierra Leone, Ghana, Nigeria, 1965
14. Chad, Cameroon, Tibesti, Acaus, Libya, 1965-66

Предисловие Владимир Авдеев & Михаил Диунов Карлтон Стивенс Кун – классик американской антропологии

*«Антрополог – труженик естествознания»
Прасковья Николаевна Тарновская, русский антрополог*

У истоков каждой научной дисциплины стоят личности, которые налагают отпечаток на всю национальную школу развития, становясь символами нации, в концентрированной форме отражающими суть научного мировоззрения. Если говорить о такой важной области естествознания, как физическая антропология, то ее специфику и стиль в Америке XX в. можно понять непосредственно сквозь призму жизнедеятельности такого подлинно выдающегося ученого, как **Карлтон Стивенс Кун, Carleton Stevens Coon (1904–1981)**. Без преувеличения можно сказать, что это был человек «номер один» той эпохи, который сумел сделать контуры американской науки узнаваемыми и понятными во всем мире. Но главная его заслуга состоит в том, что он развил подлинно гуманистический аспект физической антропологии. Не дух милитаризма, гедонизма и безоглядного практического освоения действительности, которые ассоциируются сегодня в массовом общественном сознании с американской ментальностью, но плодотворный прогрессивный синтез точных, естественных и гуманитарных наук был осуществлен Куном в его трудах. Именно такие люди, как он, начали стремительно менять в XX в. представления о США как стране нуворишей, показывая всему миру, что, помимо гангстеров, банкиров, ковбоев и чернокожих люмпенов, здесь присутствует также значительный по численности класс интеллектуалов и людей одухотворенных, не заикленных на проблемах сиюминутной выгоды, но выстраивающих свою жизненную стратегию поведения по подлинно классическим канонам европейского идеализма. Вот в этом, на наш взгляд, и есть ключ к пониманию исторической значимости ученого Карлтона Стивенса Куна. В таком ракурсе рассмотрения данный вклад в развитие науки становится понятным и объяснимым.

Его принципиальным нововведением явился первый в своем роде уникальный и плодотворный синтез трех направлений исследований, которые до него развивались вполне самостоятельно, а именно: культурной антропологии, доисторической археологии и физической антропологии. Это был настоящий прорыв во всем комплексе наук по изучению человека, окончательно прекратив бесполезную конкуренцию точных, естественных и гуманитарных наук в этом вопросе и вышеозначенные дисциплины обрели подобавшие им границы компетентности. Синтез наук о человеке стал действительно гармоничным и внутренне непротиворечивым.

Научная карьера Карлтона С. Куна в области культурной антропологии началась с 1924 по 1928 г. во время его экспедиций и полевых исследований в Марокко, кульминацией которых стало опубликование этнографических работ о племенах данного региона. Продолжая начатую линию исследований, позднее Кун изучал население Албании, Эфиопии и Йемена. До Второй мировой войны он написал книгу «Принципы антропологии», которая была издана в 1942 г. В ней Кун дал анализ человеческого поведения в социуме на основе принципов правовой системы. Его интересовало также развитие соответствующей терминологии в обществе и ее адаптирование к повседневным потребностям людей. Эти положения своих исследований он обобщил позднее в книге «Лекции по основам антропологии» (1948).

Задумываясь о причинах возникновения войн в этот судьбоносный момент истории, Кун пришел к выводу, что энергетические возможности организмов всецело проецируются на всю структуру их социального поведения в виде предсказуемой нормы, которая с легкостью распознается во всех социальных проявлениях, ими создаваемых. Таким образом биологические потенции неизбежно формируют социокультурные взаимосвязи на любой ступени развития живых существ во всей иерархии бытия. Карлтон С. Кун неустанно пропагандировал эту идею, как во время чтения лекций студентам, так и в процессе организации богатейшей коллекции музея Университета Пенсильвании, и позднее при написании своей монографии «История человека» (1954).

По его мнению, даже осознанное воздействие человека на природу не способно поколебать этот базовый биологический закон Вселенной, действие которого с легкостью распознается на всех стадиях развития нашего общества: от начала добывания огня до эпохи изобретения атомного оружия. Сам принцип борьбы заложен в энергетической неравноценности организмов, это и есть принцип мировой эволюции, впервые всесторонне рассмотренный Ч. Дарвином. Карлтон С. Кун, конечно же, был последовательным дарвинистом. Свои взгляды по этому вопросу наиболее полно он изложил в работе «Эволюция человека и лавина культуры» (1970).

Его вклад в развитие археологии был основан на изучении пещер и впадин, богатых останками ископаемых форм человека почти по всей территории ойкумены. В Марокко и Индии он изучал историю эпохи неолита; в Иране – артефакты железного века. В Афганистане и Сирии обнаружил следы мезолитической культуры, которые оказались древнее западноевропейских. В Африке, в Сьерра-Леоне, он исследовал исторические остатки эпохи плейстоцена.

В области физической антропологии Кун обессмертил свое имя фундаментальным гигантским исследованием «Расы Европы» (1939), не потерявшим своего значения до сих пор из-за поистине энциклопедического обобщения информации по данному региону. В 1950 г. в соавторстве с С.М.Гарном и Дж.Б. Бёрдселлом он опубликовал еще одну работу «Расы», в которой наглядно и систематизированно точно изложил основные принципы расовой дифференциации среди людей.

Наконец, он одним из первых в мировой антропологической практике начал применять радиоуглеродный метод для установления исторического возраста ископаемых останков.

Как и каждый по-настоящему крупный антрополог, Кун создал свою оригинальную расовую теорию, которая получила название – **«мультирегиональная концепция» («multiregional model»)**. На основе анализа разнообразных данных ученый пришел к выводу, что различные современные расы произошли от пяти основных самостоятельных предковых форм в пяти географических зонах и в разное время. Так, в частности, Европа представляет собой результат длительной истории эволюционного прогресса основных ветвей Белой расы. То же самое наблюдается и в других очагах расообразования. В соответствии с традициями американской школы антропологии, Кун в своих работах для определения дефиниции европеоидной расы применял такие понятия, как «Белая раса» и «Кавказская раса». Последний термин в европейской системе научных координат в настоящее время не используется.

Но при этом он достоверно указал на основе сведений о миграционных процессах процентную концентрацию генетического вклада выходцев из Северной Европы в различных регионах земного шара. Ранние этапы эволюции человека, согласно его изысканиям, характеризуются параллельным существованием неандерталоидных форм с предшественниками современных рас человека во всех обитаемых регионах, на что собственно и указывают результаты последних раскопок.

По мысли Куна, обитавшие каждая на своей территории расы могли находиться на разных стадиях эволюционного пути и преодолевать критический барьер между примитивным и разумным состояниями в разное время. Оценивая наблюдаемые различия в объеме черепа и в культурных достижениях, Кун предположил, что африканские популяции отстали от других рас и что нынешние австралийские аборигены все еще сохраняют черты примитивных *Homo erectus*. Из его теории сами собой вытекают и предсказуемые следствия. Поскольку каждая раса имеет собственную популяцию предков, несмотря на смешение и миграции в процессе эволюции, должны встречаться люди исходного биологического типа. Так, жившего 800 тысяч лет назад эректуса яванского человека и его потомков, австралийских аборигенов, объединяют такие общие признаки, как мощный сагиттальный гребень на верхней части черепа и чрезвычайно массивные надбровные дуги. Обитавший в Китае от 500 до 200 тысяч лет назад так называемый «пекинский человек» имел такие общие с современными монголоидами черты, как плоское лицо и лопатовидные резцы передних зубов и т.д. Свои взгляды на эволюцию Кун как расовый теоретик окончательно оформил в фундаментальной работе «Происхождение рас» (1962).

Обобщив огромный археологический материал, Кун наглядно показал, что во всех древних очагах культуры при раскопках на гигантских просторах Евразии, за исключением Восточной и Юго-Восточной Азии, обнаружена высокая концентрация черепов нордического, долихоцефального типа. Из этого следует простейший вывод, что именно этот биотип с древнейших времен обладал повышенным культуроросозидательным потенциалом. Характерно, что даже советская археология и антропология не опровергли это свидетельство биологической истории человека. Так, в частности, на побережье Каспийского моря во время экспедиции в Иране Кун обнаружил останки женского черепа, датированного 11 000 лет до нашей эры. После реконструкции лица по черепу было констатировано, что он принадлежал молодой девушке чистого нордического типа, которую условно назвали «мисс Хоту». Этот биотип соответствует территории зарождения древней арийской цивилизации.

Теперь после перечисления основных научных заслуг американского ученого обратимся к фактам его биографии, которая может быть интересна не только для историков науки, но и для всех, интересующихся жизнью известных людей.

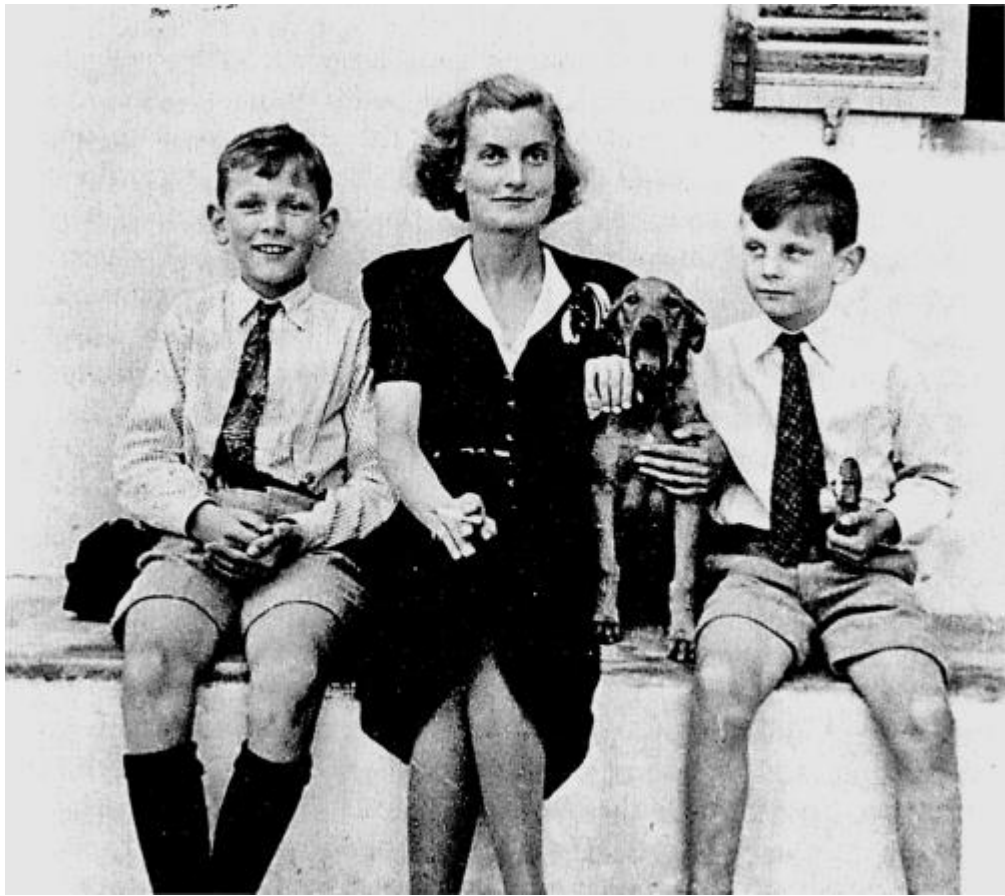

«Мисс Хоту» – бюст, изображающий девушку нордического расового типа, созданный Карлтоном С. Куном по костным останкам, найденным на берегу Каспийского моря. Приблизительный возраст находки 11 000 лет до н.э.

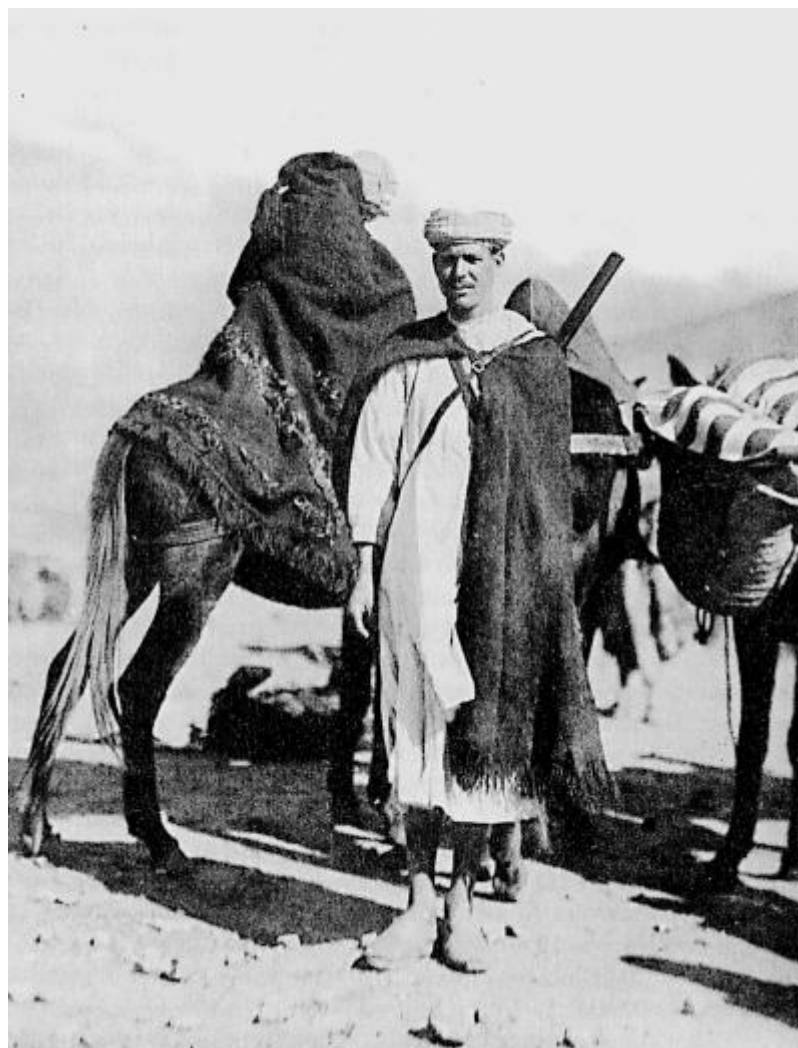
Карлтон Стивенс Кун родился 23 июня 1904 г. в небольшом провинциальном городе Уэкфилд, штат Массачусетс, где и прожил до 1919 г. Уже в школе он проявил свои незаурядные дарования, ибо весьма основательно увлекся изучением истории античной Греции и древнего Египта. Поступив в Гарвардский университет, К.С. Кун существенно углубил свои познания в этих областях науки и, кроме того, самостоятельно выучил арабский язык. Затем началось его увлечение антропологией. Его учителями в данной области явились мировые светила первой величины **Эрнст Хутон, Earnest Hooton (1887–1954)** и **Роланд Бёррэдж Диксон, Roland Burrage Dixon (1857–1934)**.

Первая экспедиция К.С. Куна состоялась в 1924 г. в Марокко, в ходе которой ему помогала его молодая жена Мэри, как в сборе археологического материала и данных о популяционном распределении групп крови, так и в обобщении этих факторов со всевозможными социальными характеристиками исследуемого общества. Изыскательская деятельность проводилась здесь ученым первоначально до 1928 г. В 1929–1930 гг. Кун изучал горцев Албании для проверки своих положений о происхождении динарской расы, а также о том, что

существует взаимосвязь между ростом человека и содержанием кальция в обрабатываемой земле. В 1925 г. Кун получил свою первую научную степень.

Жена Мэри с сыновьями Карлом (слева) и Чарльзом (справа)

Карлтон С. Кун в Марокканской пустыне. 1926–1927 гг.

В 1933 и 1934 гг. он работал в экспедициях в Эфиопии и Йемене. В 1933 г. в рамках обмена межбиблиотечными фондами СССР и США он посетил нашу страну. Чтобы освоить гигантский пласт информации по антропологии населения восточной Европы, он специально нанял помощницу со знанием русского и польского языков и консультировался в Ленинграде у известного гематолога Бориса Вишневского, а в Москве у крупнейшего антрополога Георгия Дебеца.

Именно так у Карлтона С. Куна и созрела идея создания всестороннего сочинения по исследованию происхождения антропологического состава Европы. Как это не окажется парадоксальным с точки зрения истории науки, но первое глубокое исследование антропологии европеоидного населения с характерным названием «Расы Европы» появилось в Америке в 1899 г. и принадлежало перу известного ученого **Уильяма Зебина Рипли, William Zebina Ripley (1868–1941)**.

Факт данной публикации вызвал немалую ревность со стороны европейских антропологов, но Рипли был прежде всего социологом, поэтому Кун решил развить и укрепить успехи американской научной школы и хотел подробно описать историю возникновения и развития европейских рас именно с позиций физической антропологии. Кроме того, в своей работе «Расы Европы» Кун впервые дал системный анализ распространения групп крови, пигментации кожи и краниологических параметров населения Европы. Мало того, представитель западной научной школы впервые столь подробно и непредвзято описал расовый

состав населения Восточной Европы, ибо до этого многие академические ученые не брезговали откровенными мифами с ярко выраженной расистской окраской, когда рассуждали о славянах и «Востоке» вообще.

В своей автобиографической книге «Приключения и открытия» (1981) Карлтон Стивенс Кун описывал свое посещение СССР таким образом. Прилетев из Берлина в Ленинград на самолете, он посетил Эрмитаж, а также ряд других музеев, где ознакомился в том числе и с рядом антропологических коллекций. После этого он отправился в Москву по железной дороге, в одном из самых комфортабельных, по его словам, спальных вагонов, которые ему доводилось видеть. В Большом театре он посмотрел оперу «Борис Годунов» и отправился с коллегами – советскими антропологами в ресторан. После традиционного русского застолья Кун оказался ночью в центре Москвы без единой копейки в карманах и совершенно не зная русского языка. Неожиданно его выручила группа гуляющих людей, которые на очень сносном языке объяснили ему, как добраться до гостиницы.

Именно после посещения СССР у Куна завязалась дружба с крупнейшим советским антропологом **Георгием Францевичем Дебецем (1905–1969)**.

С 1934 по 1939 г. Кун работал над своей огромной монографией. По поводу идеи и структуры он консультировался у уже пожилого Уильяма З. Рипли, а также у известного американского антрополога **Франца Боаса, Franz Boas (1858–1942)**, и английского этнолога **Бронислава Малиновского, Bronislaw Malinovsky (1884–1942)**. Авторы ведущих антропологических журналов почитали за честь снабдить Куна новейшей теоретической информацией. Огромное трудолюбие ученого в совокупности с его богатейшим экспедиционным опытом обеспечили закономерный успех у читателей, когда книга «Расы Европы» увидела свет.

Карлтон С. Кун в форме офицера Британской армии (в центре). 1941 г. Марокко

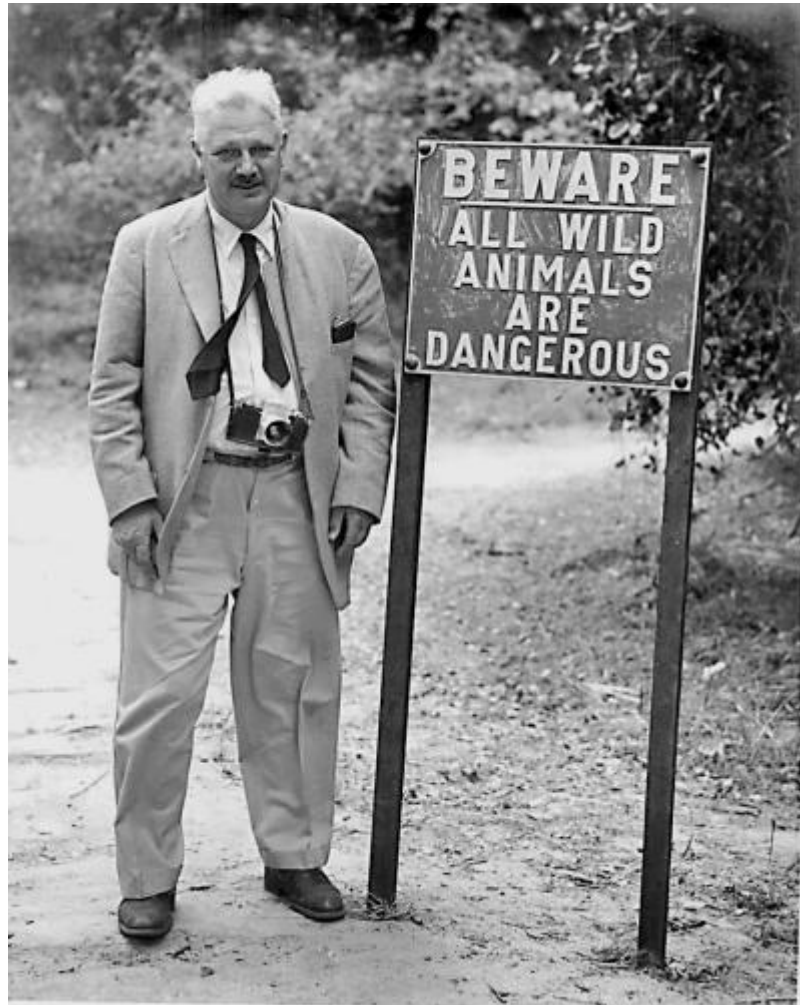
Когда началась Вторая мировая война, Кун не укрылся за мантией академического ученого, доказав в полной мере свою гражданскую позицию. В 1941 г. по секретному заданию американского правительства он был откомандирован в Северную Африку, в Марокко, с целью установления контактов с местными племенами, поскольку уже тогда здесь планировалось создание плацдарма для американских войск с перспективой их участия в войне на европейском континенте. Выбор пал на ученого не случайно, так как он хорошо владел арабским языком и уже имел богатейший опыт работы полевых исследований в этой местности, когда был здесь в 1924–1928 гг. По его мнению, в расовом отношении население Марокко представляло собой сложную амальгаму из арабов, евреев и испанцев, во взаимоотношениях которых было довольно сложно разобраться неспециалисту, не знакомому с особенностями психологии данного контингента.

По инициативе самого президента США Франклина Рузвельта в Касабланке был открыт Центр Стратегических исследований, к которому Кун и был прикомандирован с правом ношения военной формы офицера британской армии. Его должность называлась «Исполнитель секретных операций». Успешно зарекомендовав себя на этом поприще, был переведен уже как реальный разведчик в Тунис, на территорию, оккупированную итало-германскими войсками. Его официальная «легенда» была весьма экстравагантной: он скрывал задание, но не скрывал своего имени, так как оно было хорошо известно во всем мире. Несмотря на то, что США и Национал-социалистическая Германия юридически уже находились в состоянии войны, независимый международно признанный американский антрополог Карлтон Стивенс Кун пребывал на территории, оккупированной немецкими войсками, для антропологического обследования коренного населения Северной Африки. Немцам весьма льстило, что даже ученые противоборствующих с ними стран так или иначе поддерживают развитие классической расовой теории. Что и было использовано. Прагматичные американцы в целях сбора информации задействовали не только местное коренное население, но даже бывших русских белогвардейцев, осевших после гражданской войны в Северной Африке. По словам самого Куна, на этом театре военных действий наибольшее неудобство доставляли итальянские войска, которые воевали круглые сутки как партизаны и без всякой системы, в то время как немецкие войска из экспедиционного корпуса Эрвина Ромеля воевали строго методично и в пределах стандартного «рабочего» дня, принятого в Европе.

В 1943 г., когда итало-германские войска были разгромлены, а англо-американские осуществили высадку из Северной Африки в Италию, Кун был откомандирован с новым секретным заданием в Албанию для установления связи с местными партизанами. И вновь руководство спецслужб предпочло прибегнуть к его услугам, так как он уже проводил здесь археологические и этнографические исследования в 1929 и 1930 гг.

Вообще с этой точки зрения биографию Куна можно рассматривать как идеальный пример использования квалификации гражданского специалиста в военных целях. Американский ученый широкого профиля Карлтон Стивенс Кун блестяще справился со всеми возложенными на него военным временем обязанностями.

Между тем, с окончанием Второй мировой войны Кун, практически не отдохнув после своих напряженных военных приключений, вновь вернулся к своей непосредственной деятельности. В 1948–1951 гг. он исследовал культуру каменного века в Иране и Ираке. В 1954 г. открыл и исследовал пещеры эпохи каменного века в Афганистане, после чего посетил Австралию. В 1955 г. работал в Сирии и Центральной Африке. В 1959 г. принимал участие в экспедиции на юге Чили. В 1965 г. посетил Сьерра-Леоне.

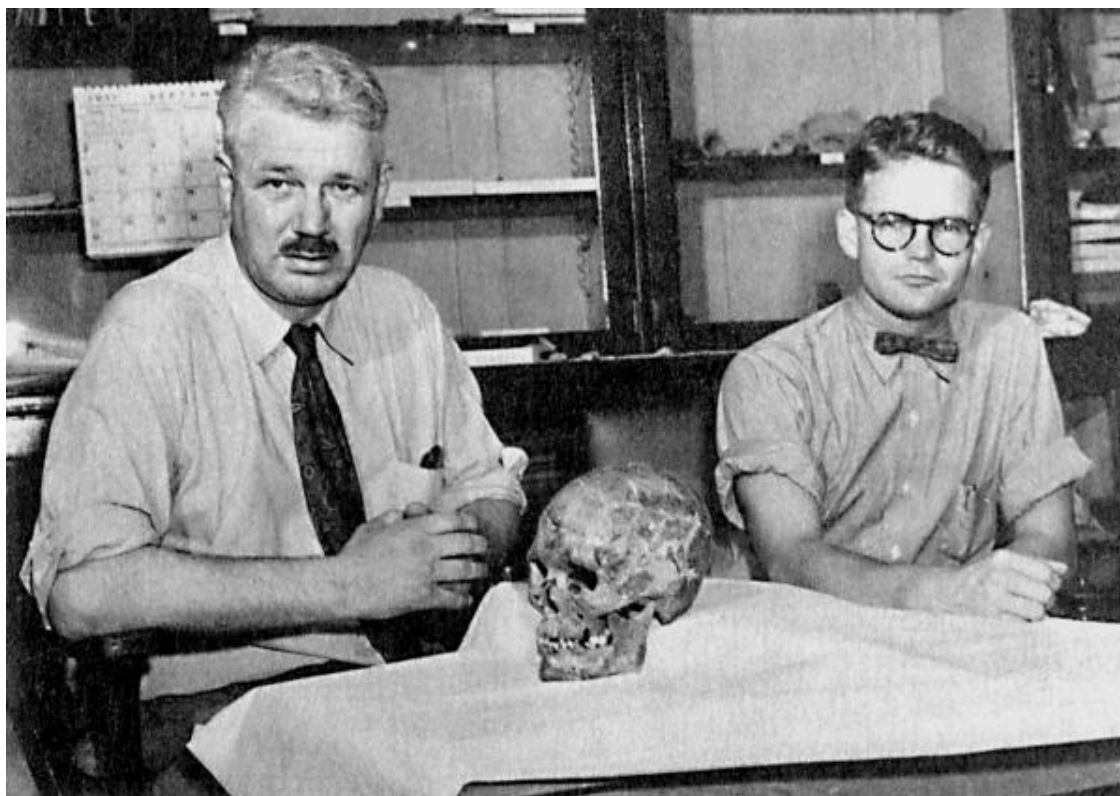

Карлтон С. Кун в Индии, 1957 г.

За свои очевидные заслуги в области науки Карлтон Стивенс Кун в 1948 г. был удостоен звания профессора антропологии в Университете Пенсильвании. В 1952 г. он стал академиком Национальной Академии наук, а в 1961–1962 гг. был также председателем Американской Ассоциации Физических антропологов. В 1950-е гг. он опубликовал множество научных работ, чтобы популяризировать принципы антропологии в американском обществе.

Исследование пещер

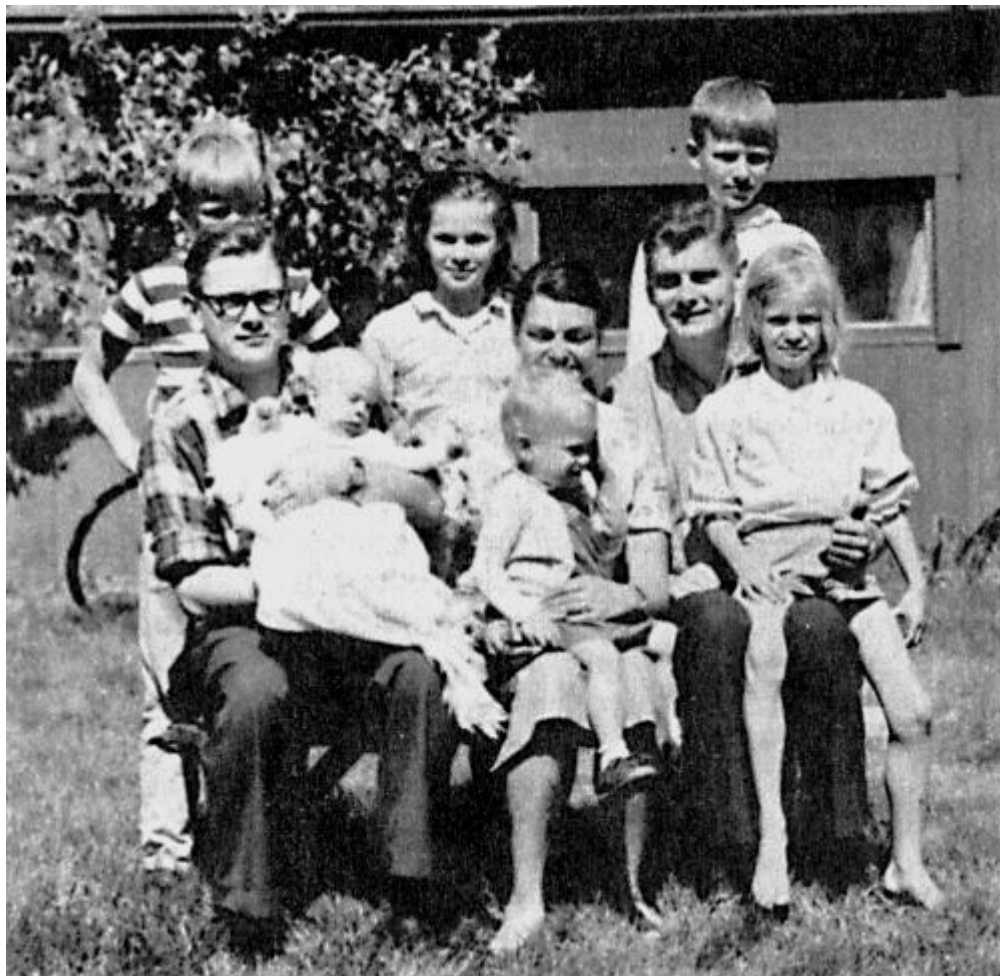
Карлтон С. Кун в краниометрической лаборатории

В 1964 г. Кун по приглашению советского правительства вновь посетил СССР в составе американской делегации и выступил на Седьмом международном конгрессе антропологических и этнографических наук, который проходил в Москве с 3 по 10 августа.

Его особые заслуги перед Отечеством в военное время также не были забыты. Как специалист высочайшего класса, объездивший с экспедициями весь мир, Кун с 1954 по 1957 г. по заданию штаба Военно-воздушных сил занимался фотографированием территорий Кореи, Цейлона, Индии, Пакистана, Саудовской Аравии, Японии, Тайваня, Непала и Филиппин, которые в случае необходимости могли быть подвергнуты массированным бомбардировкам со стороны США. Он выступал в качестве основного эксперта по определению целей для бомбометания на основе проведенной им аэрофоторазведки. Именно так, в кабине тяжелого стратегического бомбардировщика возникла и окончательно сформировалась его концепция мультирегионального происхождения рас.

Выдающийся американский ученый скончался 6 июня 1981 г. в городе Глочестер, штат Массачусетс.

Творческая автобиография Куна «Приключения и открытия», вышедшая в печати незадолго до его смерти, представляет собой один из интереснейших и ценнейших источников по истории науки. В ней автор живым, образным языком показал, что жизнь настоящего ученого не состоит из сплошной рутины, но дает возможность испытать всю палитру полнокровных человеческих эмоций.

Семья Карлтона С. Куна. 1965 г.

Теперь рассмотрим значение книги «Расы Европы» в контексте общего развития антропологии.

Появление слова «раса» связывается с праиндоевропейским языком, есть оно и в латинском языке, где «ratio» обозначает «подсчет», «метод», то есть имеет прямое отношения к понятию классификации. Термин «раса» в Европе впервые появляется в эпоху великих географических открытий, в XIV в. – в Италии и Испании – в первых странах, которые наиболее активно контактировали с жителями заморских земель, относящимися к другим расам, непривычным европейцам, а это требовало от рационально настроенных жителей Европы описания и классификации. В конце XVI в. слово «раса» появляется во Франции, в XVII в. оно появляется в Англии, а в XVIII в. в Германии. Его значение приобретает смысл универсального термина для выявления общностей биологических объектов, в том числе людей, и начинает широко использоваться в научном обиходе.

В таком качестве термин «раса» уже использовал основоположник универсальной биологической классификации К.Линней, который классифицировал и человеческие расы, выделив четыре расы: белую, желтую, красную и черную. Причем он дал не только антропологические, но и психологические характеристики отдельных рас (люди Америки – холерики, Европы – сангвиники, Азии – меланхолики и Африки – флегматики). Впоследствии учение о расах было развито крупнейшими учеными Ж.Бюффоном и И. Блюменбахом. Но завершил оформление расовой антропологии как науки русский ученый И.Е. Деникер, который в 1900 г. издал книгу «Человеческие расы». В этой работе, до сих пор считающейся классикой антропологии, впервые были сформулированы основы оценки различий между

различными расами. В антропологии возникла расовая классификация, основанная на научной методике, включающей комплексный сравнительный анализ антропометрических данных человека.

Физическая антропология с самого начала ее оформления в качестве научной дисциплины основной целью имела максимально точную фиксацию всех особенностей человеческого вида, прежде всего его скелета как наиболее точного и неизменного носителя антропологических признаков человека, а также внешних особенностей: цвета кожи, волос, глаз, строения лица, телосложения. Надо отметить, что значительную роль в становлении физической антропологии и сборе антропологических данных сыграли русские ученые: Д.Н. Анучин, А.П. Богданов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, И.Е. Деникер, А.А. Ивановский, И.А. Сикорский, С.М. Хомяков и многие другие, зачастую незаслуженно забытые исследователи. На основании этих данных антропологи создавали различные системы классификации человека, были предложены различные варианты деления на расы. В целом к началу XX в. наука накопила огромный объем данных по физической антропологии, который нуждался в обработке и классификации.

Одним из наиболее заметных и выдающихся исследователей, изучивших и классифицировавших накопленный материал, стал американский антрополог К.С. Кун, который в своей фундаментальной работе «Расы Европы» создал всеобъемлющую классификацию всех европейских рас на основании имеющегося краниологического материала и иных антропологических данных. Надо отметить, что именно благодаря Куну были окончательно установлены терминология и описание европейских расовых типов, на которые в ходе эволюции разделилась большая белая раса. Вообще стоит отметить, что работы Куна, написанные до Второй мировой войны, в Советском Союзе не воспринимались как нечто идеологически чуждое, ведь до того, как германскому национал-социализму удалось серьезно испортить репутацию физической антропологии, исследования рас широко велись во всем мире и в СССР.

Но начиная с завершения Второй мировой войны антропология и изучение рас стали не то чтобы запретной, но очень неудобной темой, которую вроде бы и замалчивать не получается, но и полноценный разговор о ней не выходит. Тесная связь расовых исследований с политикой Третьего рейха обусловила то, что расовые исследования в массовом сознании ассоциируются с тематикой измерения черепов и лагерей смерти. А каждый исследователь, проявляющий интерес к вопросам исследования человеческих рас, может быть легко заподозрен в тайном желании «измерить череп» для выявления неполноценных «унтерменшей» среди окружающих.

В результате расовые исследования в СССР (да и в современной России) были существенно урезаны, а предмет научного интереса антропологов стал казаться подозрительным. Научная цензура обратила пристальное внимание на расовые исследования и в результате приведения науки в соответствие с требованиями политики трансформации подверглась даже терминология. Так, негласное табу в советской науке было наложено на термин «арии» и «арийский», его старались употреблять только в контексте исследования истории завоевания в древности Индии европеоидными племенами, во всех же других случаях подчеркивалась связь термина с политической практикой нацистской Германии, само же слово всегда сопровождалось дополнительным определением «антинаучное» или «устаревшее».

Серьезный ущерб изучению расового вопроса нанесла утвердившаяся в советское время доктрина автохтонности славянского населения на территории России, что мешало проводить сравнения с археологическими культурами, открытыми за пределами СССР, а локальные вариации общеевропейских культур, тесно связанных с расовым типом их носителей, приходилось описывать как отдельные культуры.

Такому же фактическому запрету подвергся термин «нордический», что особенно обидно для русской антропологической науки, так как этот термин был введен в научный обиход русским ученым И.Е. Деникером. Причем если термин «арии» еще сохранился в сугубо научных книгах и статьях, то нордическая раса была изгнана, и во всех послевоенных книгах по археологии, антропологии и расовым исследованиям, везде, где необходимо было говорить о северной европеоидной расе длинноголовых блондинов, использовался совершенно не соответствующий реальности термин «средиземноморцы». Например, располагавшаяся на территории России Фатьяновская археологическая культура описывалась советскими археологами как средиземноморская, хотя она относилась к общеевропейской культуре «боевых топоров», которая была создана племенами, впоследствии вероятно ставшими родоначальниками всех североевропейских народов, в том числе германцев и славян.

Однако не только в СССР антропология оказалась в положении науки, подчиненной политике. Так, в США в ходе насаждения политкорректности и культа расплаты «белых» за годы рабовладения оформился и пышно расцвел своеобразный «расизм наоборот». В результате черная раса провозглашалась едва ли не источником древнейших цивилизаций. Политика стала причиной афроцентристской исторической школы Соединенных Штатов, представители которой, вопреки всем собранным наукой данным, утверждают что, к примеру, египетская цивилизация была создана неграми, и упорно ищут следы влияния негров в других древнейших цивилизациях, отрицая при этом гигантское число краниометрических данных, текстовых описаний, иконографической информации. Отсюда же происходит и обостренное желание современных ученых найти некую працивилизацию в Африке, в поисках которой бесследно пропал труд множества ученых.

Несмотря на воздействие политического фактора, в СССР расовые исследования продолжались и после Второй мировой войны. В 1964 г. выходит книга В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца «Краниометрия. Методика антропологических исследований», где подробно описывалась теоретическая часть измерения человеческих черепов и приводилась детальная информация по практической краниометрии. Кстати, возвращаясь к работе Куна «Расы Европы», надо отметить тот факт, что автор очень активно использовал в своих исследованиях работы русских антропологов и данные, собранные русской краниометрикой.

«Европеиды – представители европеоидной расы, распространенной в Европе, Северной Африке (до Сахары), Ближнем Востоке, Средней и Центральной Азии, Северной Индии. Характерные признаки населения: цвет кожи, волос и глаз варьирует от очень светлых оттенков у северных групп до очень темных у южных и восточных, волосы прямые или волнистые, мягкие, лицо ортогнатное, в горизонтальной плоскости (при взгляде сверху) заметно выступает вперед, надбровные дуги часто большие, орбиты низкие, угловатые, разрез глаз всегда широкий, но глазная щель может быть небольшой, эпикантуса нет, нос обычно крупный, резко выступает, ноздри ориентированы сагиттально, переносье высокое, рот неширокий, толщина губ небольшая или средняя, рост бороды и усов сильный, телосложение среднее, кисть и стопа широкие. На краях ареала европеоидная раса образует плавные переходы к уральской, южносибирской, монголоидной, негроидной, эфиопской и дравидийской расам» – это определение европейской расы, данное в курсе «Введение в антропологию» современными русскими антропологами Д.В. Богатенко, С.В. Дробышевским и Т.И. Алексеевой, в значительной мере основывается на работе, проведенной К.С. Куном более 70 лет назад. То есть научное значение фундаментального труда американского антрополога не утрачено по сей день.

Карлтон С. Кун на Седьмом Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук. Москва. 1964 г.

Работа К.С. Куна также окончательно дала ответ на вопрос о расовой неполноценности русских и других народов Восточной Европы, часто муссировавшийся в русофобски настроенных кругах Запада. Как указывал русский антрополог В.В. Бунак: «В целом по своему антропологическому составу народы европейской части СССР очень сходны с народами средней и северной областей Западной Европы. Все попытки некоторых зарубежных антропологов противопоставить «запад» и «восток» в историко-культурном и в расовом отношении находятся в противоречии с фактами. На северо-западе у русского, белорусского, литовского, латышского населения прослеживаются черты беломорско-балтийской малой расы; эта же раса отчетливо представлена и у финноязычных народов этой территории – у карелов, вепсов, некоторых групп коми-зырян. У латышей и эстонцев преобладают черты, сближающие их со скандинавским вариантом атлантико-балтийской расы (высокий рост, светлая пигментация). В центральной области Восточно-Европейской равнины для русского и североукраинского населения, мордвы, отчасти для татар Поволжья характерны черты среднеевропейской расы». То есть расовые типы населения России и прилегающих территорий представлены основными европейскими расами, преимущественно северного происхождения.

Конечно, советская (и впоследствии современная российская) антропологическая школа несколько отошла от терминологии, используемой К.С.Куном, и вместо понятий нордиды, альпиниды, балтиды, борребиды и др. использовала собственную терминологию, к примеру: беломоро-балтийская и атлантико-балтийская расы. Но это связано не столько с тем, что такая терминология была с точки зрения советских антропологов более точной, сколько с необходимостью по политическим мотивам отделить терминологию советской школы от «буржуазной антропологии», а затем уже скорее по традиции и чтобы избежать обвинений в расизме. Тем более что на западе, особенно в США, в последние десятилетия научному миру навязывают абсолютно антинаучную, но зато исключительно политкорректную концепцию, которая говорит об отсутствии рас как таковых либо классифицирует расы на основе абстрактных признаков, например по группе крови человека.

Поэтому в наши дни сложно переоценить значение книги К.С. Куна, в которой рассматривается история, происхождение и связи малых рас, на которые в Европе разделилась большая белая раса. Собранный и обработанный автором огромный краниологический материал, охватывающий период от эпохи плейстоцена до наших дней, является зримым доказательством существования рас Европы, их взаимосвязи и различия.

В заключение мы хотели бы выразить искреннюю благодарность Карлу Куну – сыну прославленного ученого, который любезно подарил автору проекта права на издание всех сочинений своего отца на русском языке.

Введение

Данная книга предлагается студенческой аудитории как исследование в рамках особого направления физической антропологии. В ней представлена попытка проследить расовую историю европеоидной ветви *Homo sapiens* от ее зарождения в плейстоцене до современности. Хотя изучению скелетного материала следующих друг за другом культурных периодов специально посвящены шесть глав, главное внимание уделяется расовой идентификации современных европеоидных народов. Если можно было бы выделить основную мысль этой книги, то это была бы та идея, что физическую антропологию нельзя рассматривать в отрыве от ее культурно-исторических связей и что такой вещи, как «чистая» биология, не существует – по крайней мере, по отношению к человеку.

При написании книги подобного характера невозможно было обойтись без использования некоторых технических терминов: читатель найдет их определения в глоссарии. Статистические таблицы сознательно опущены в самом тексте, но так как многие выводы и идентификации, сделанные в главах по скелетной истории, являются новыми, целесообразно подкрепить их табличным материалом. Поэтому 53 столбца основных средних значений черепных серий представлены в приложении I.

Ссылки на все источники как антропометрического материала, так и материала иного рода, даны в сносках в тех разделах, в которых упоминаются эти данные. Хотя в ходе работы над этой книгой приходилось обращаться к более чем четырем тысячам книг, автор не претендует на то, что обозрел всю литературу по данному предмету. Некоторые не имеющие особого значения ссылки были опущены сознательно, а многие другие (без сомнения, к сожалению) упущены. За исключением материалов, использованных с разрешения автора до их публикации, к данным, появившимся позже июля 1938 г., обращения не производилось.

По достаточно веским причинам избежали внимания две вспомогательные области физической антропологии: это изучение групп крови и вопрос расового интеллекта или расовой психологии. Исследования групп крови к 1938 г. породили необозримую библиографию, и скоро эти исследования будут рассмотрены проф. Уильямом Бойдом из Бостонского университета. Пока что, как определили специалисты в этой области, между группами крови и антропометрическими явлениями не существует генетической связи. С другой стороны, тема взаимосвязи расы и интеллекта пока что недостаточно разработана, чтобы включить ее в общую работу по расовой истории: к тому же ее очень легко использовать в политических целях. В данной книге исследование рас проводится без каких-либо выводов об их неполноценности или превосходстве.

В финансировании этой работы, в сборе данных и в подготовке рукописи участвовало много людей. Начальная работа по сбору и подготовке на протяжении двух лет была профинансирована щедрыми грантами Фонда Мильтона и наследия Джона Г. Кларка Гарвардского университета. Дальнейшее финансирование, позволившее завершить этот труд, было обеспечено моим отцом Джоном Льюисом Куном, компанией «Макмиллан» и г-ном Ллойдом Кэботом Бриггсом. За само предложение о написании данной книги, за поддержку в получении первоначального финансирования и за постоянные советы и ободрение я глубоко признателен своему учителю проф. Эрнесту А. Хутону, посвятившему меня в физическую антропологию, и я хочу выразить здесь свое уважение ему не только как своему личному наставнику, но и как духовному отцу американской физической антропологии.

Среди многих помощников в моем утомительном труде по переводу, выборке, подсчету, рисованию, проверке и набору четверо заслуживают особого внимания: г-жа Мэри Руби Гарднер, г-жа Анна Шугзда, г-н Юджин К. Уорман и г-н Йенс Айд. Сотрудничество с г-ном Элмером Райсингом, со своим опытом подготовившим все карты, схемы и рисунки,

сделало задачу иллюстрирования несложной. Г-н Фредерик П. Орхард и г-жа Марион Ламберт помогали в подготовке фотографий.

Г-жа Констанс Ашенден, библиотекарь Музея Пибоди в Гарвардском университете, под чьим руководством все имевшиеся в библиотеке статьи из научной периодики были отдельно каталогизированы автором, предоставила в мое распоряжение свои обширные познания библиографии антропологии, а также свое время и терпение. Я хочу выразить особую признательность ей, а также ее помощнику г-ну Фрэнсису Гоулду.

На использование мной их неопубликованных антропометрических материалов согласились следующие лица: д-р Гордон Т. Боулз, г-н К. Уэсли Дюпертью, г-н Роберт В. Эрих, д-р Генри Филд, г-н Джеймс Гол, г-н Герберт Р. Глодт, д-р Эрнест А. Хутон, д-р Байрон О. Хьюз, д-р Фредерик П. Халс, д-р У. Марион Крогман, г-н Гомер Х. Киддер, г-н Мартин Лютер, д-р Теодор У. Маккаун, д-р Джеффри М. Морант, д-р Карл К. Зельтцер, д-р Уильям Шенклин, проф. Борис Н. Вишневский, г-жа Рут Сотел Уоллис, проф. Франц Вейденрейх. На каждого из них будет дана ссылка при использовании соответствующего материала. Я надеюсь, что беглое упоминание их данных в этой книге стимулирует интерес к их будущим более тщательным исследованиям. Не стоит и говорить, что никто из них не несет ответственности за ошибочные или непозволительные интерпретации своих материалов. Я также хочу здесь поблагодарить тех людей и те учреждения, которые позволили мне сделать копии фотографий и рисунков. О людях я упомяну в каждом конкретном случае. Однако большинство фотографий, использованных в этой книге, были сделаны автором с помощью многих людей. Это особенно относится к г-же Марион Блэкуэлл, директору Международного института в Бостоне, и ее помощнице г-же Ольге Ст. Ивановой, а также к г-ну Артуру Мегердичиану, г-ну Филиппу Уэю и г-ну Мерико Петролати из Ludlow Manufacturing Company, Лудлоу, Массачусетс, г-ну Брору Тамму, г-ну Х.У. Джонсону и владельцам судостроительной компании «Джордж Лоли и сын», г-ну Яну Драйсдэйлу из A.C. Lawrence Leather Company, Пибоди, Массачусетс, г-ну Майклу Абурджейли, Бостон, г-ну Дюма из книжного магазина Дюма, Бостон, г-ну Гейнриху Вольфу, управляющему Gundlachs Hofbrauhaus в Бостоне, отцу Яну Козицкому, г-ну Джону Брюнsvику и офицерам Чехословацкого клуба в Бостоне, г-ну Джеймсу Страгунасу и многим другим, включая всех тех, чьи фотографии появились на вклейках, иллюстрирующих расовые типы.

За помощь и советы я особенно благодарен следующим лицам: проф. Гловеру Аллену – за советы, касающиеся фауны; д-ру Гордону Т. Боулзу – за подготовку карты № 16 и за информацию по населению Ирана, Афганистана и Индии; проф. Кирку Брайану – за информацию по плейстоценовому и послеплейстоценовому климату; проф. В. Гордону Чайлду – за прочтение рукописи (глав II–VII) и за предложение многих важных изменений; д-ру Владимиру Дж. Фьюксу – за подготовку карт №№ 2 и 3 и множество советов по европейской археологии неолита, бронзового и железного века, а также за данные и советы по вопросам славянской истории; д-ру Х. О’Нейл Хенкену – за советы по археологии железного века, и особенно Британских островов; г-ну Габриэлю Ласкеру – за помощь в подготовке глоссария; д-ру Ж.Р. де ла Маретту – за мысли по вопросу человеческой эволюции; проф. Уильяму М. Макговерну – за разрешение прочитать рукопись его «Древних царств Средней Азии» и за советы по вопросам истории Средней Азии; д-ру Халламу Л. Мовиусу – за помощь в подготовке карты 1 и рисунка 16, а также в написании глав II и III; д-ру Роберту В.Пфайфферу – за данные по древнееврейской истории; проф. Дж. Дайнли Принсу – за мнение специалиста по вопросу шумерского языка; проф. Джорджу Сартону – за советы по работе с ссылками; г-ну Вилхьялму Стефанссону и Чарльзу Хардингу – за советы и данные по древним скандинавам; г-ну Лористону Уорду, г-ну Джеймсу Голу и г-ну Д.У. Локарду – за помощь в вопросах ближневосточной археологии; проф. Гарри Вольфсону – за консультирование по еврейской истории и помощь в подготовке раздела, посвященного евреям. К этому списку нужно доба-

вить имена проф. М.Ф. Эшли-Монтагю, проф. В.М. Крогмана и д-ра Х.Л. Шапиро, которые прочитали книгу в гранках и благодаря которым появились многие необходимые изменения и добавления.

Как легко заметит читатель, вышеперечисленные специалисты, большинство из которых уже являются известными учеными, сыграли немалую роль в подготовке этой книги. У всех из них – как по отдельности, так и в общем – я нахожусь в неоплатном долгу, и я выражаю им свои извинения, если я злоупотребил их великодушием и познаниями.

Я также хочу выразить свою благодарность Их Величествам королям Йемена и Албании, а также Его Высочеству султану Мукаллы за позволение и помощь в собирании данных, которые здесь представлены в первый раз.

Наконец, я глубоко признателен служащим Macmillan Company за их великодушие, сотрудничество и терпение.

Карлтон Стивенс Кун,
Садбери, Массачусетс,
февраль 1939 г.

Глава первая

Введение в историческое исследование белой расы

1. О целях и планах

Настоящая книга является учебником для студентов колледжей, уже изучивших или только изучающих вводный курс антропологии. Однако большая ее часть написана неспециальным языком, чтобы ее могли использовать и изучающие смежные дисциплины. Материал для изучения состоит из собранного антропологами всего мира корпуса статистического материала, относящегося к телесным качествам людей, принадлежащих к белой расе. Этот материал можно разделить, во-первых, на скелетный материал и, во-вторых, на метрические данные по живым людям и наблюдения за ними.

Используя этот материал, мы предлагаем взглянуть на историю белой расы, начиная с ее истоков в плейстоцене¹ и до настоящего времени, и обеспечить классификацию подрас в соответствии с фактами, известными нам на сегодняшний день. Мы разделяем утверждение, что человек как «домашнее животное» крайне разнообразен и что в своих странствиях по всей планете он сам подвергался воздействию окружающей среды, и, следовательно, изменялся в несравнимой с любым другим видом степени. Далее, мы полагаем, что телесные характеристики человека на протяжении развития человеческих культур изменялись из-за собственно человеческих приспособлений.

Во время плейстоцена существовали несколько видов приматов, которые, овладев каменными орудиями, огнем и речью, достигли некоторой степени человеческой культуры. В текущую послеледниковую или межледниковую эпоху в соответствии с общим сокращением разнообразия фауны человек сократился до одного вида, уникального в своем роде. В плейстоцене в качестве фетализированной наземной обезьяны появился как минимум один вид – и именно этот вид сегодня является главным стволом рода *Homo sapiens*. Другие виды, включая ископаемого яванского и пекинского человека, а также неандертальца, превратились в более тяжелые, гипермаскулинные эндокринные формы с роскошными челюстями, зубами и костяными гребнями.

Мы намереваемся продемонстрировать, что эти нефетализированные виды не вымерли полностью, но по крайней мере один из них во время среднего плейстоцена или в начале позднего плейстоцена был ассимилирован главным человеческим видом. Из этого смешения произошла верхнепалеолитическая группа населения Европы, Северной Африки и Северной Азии, принадлежащая к большому, грубому и относительно нефетализированному физическому типу. Этот тип человека в начале послеледниковых времен, если не ранее, пересек Берингов пролив, составив основной генетический ствол, из которого в сочетании с более поздними переселенцами появились американские индейцы. Из одной из ветвей этой гипербореической группы в Северной Азии образовался предковый тип всей монголоидной семьи.

Мы предполагаем, что предки европеоидов в своей главной форме во время плювиальных периодов плейстоцена появились на территории от Сахары до северной Индии, сегодня являющейся засушливой зоной. В послеледниковые времена многим людям пришлось поки-

¹ Термин «плейстоцен» используется здесь для указания промежутка времени, который в Европе начался с первого четвертичного оледенения и закончился с отступлением вюрма-II.

нуть свои дома из-за засухи, и некоторые из них положили начало земледелию и животноводству в северо-восточной Африке и юго-западной Азии. Из этих центров пионеры земледелия следовали за послеледниковыми зонами климата в Европу, постепенно вторгаясь в земли, ранее занятые ледником. В большинстве заселяемых ими областей они значительно превосходили по численности потомков охотников и рыболовов, чьи предки оставались здесь со времен ледника. Многие из этих предков последовали за отступлением льда к его последним тающим центрам.

Занятие всех пахотных и подходящих для пастбищ земель не закончилось за один век или тысячелетие. Этот процесс был постепенным, и отступление более древнего населения в естественные крепости было таким же постепенным. Движение населения с производящим хозяйством из Азии и Африки не происходило по одному пути и не затрагивало один-единственный народ: оно было сложной последовательностью миграций по нескольким путям вторжения. Разные типы производителей смешивались со встречавшимися им собирателями и друг с другом до тех пор, пока уже в наше время на территории, занятой белыми людьми, не осталось ни одной из групп совершенных собирателей.

Эти производители, видимо, принадлежали к разным вариантам одного центрального расового типа – базового средиземноморского. Этот базовый средиземноморский тип был изменчив во многих отношениях, особенно по росту и пигментации, но по своим существенным качествам, отличавшим его от неевропеоидов, он был вполне единообразным. Мы не знаем, были ли европеоидами по морфологии мягких тканей остатки собирателей, которых ассимилировали производители-средиземноморцы. Существуют некоторые свидетельства, что некоторые из них начали развиваться в монголоидном, а другие, возможно, в негроидном направлении. Подобные вариации можно видеть в современном составном европеоидном расовом сплаве.

Во всяком случае, главный вывод этого исследования таков: *современные расы Европы происходят от смешения производителей из Азии и Африки, в основном средиземноморского расового типа, и потомков собирателей межледникового и ледникового периода, произошедших в свою очередь из смешения базового типа **Homo sapiens**, родственного дальним предкам средиземноморцев, с некоторыми несапиентными видами общего неандерталоидного типа. Действие и взаимодействие окружающей среды, отбора, миграций и человеческой культуры на разные составляющие этого сплава произвели белую расу во всей ее нынешней сложности.*

Принимая во внимание эти обстоятельства, нет необходимости приводить здесь точную классификацию современной белой расы на подрасы – такие как нордическую, альпийскую, динарскую и так далее. Сначала в главах со II по VII мы исследуем историю белой расы и дадим общий обзор современных рас в главе VIII. В главах с IX по XII мы рассмотрим современных европейцев тщательнее, дополнив предыдущие главы.

2. Теория и принципы понятия «раса»

Перед тем как приступить к тщательному рассмотрению истории или техническим вопросам, кажется целесообразным подробнее, чем в предыдущем разделе, обозначить некоторые принципы, которые, как мы полагаем, управляют формированием человеческих рас. Прежде всего, возникает вопрос «Что такое раса?», и не следует избегать проблемы этого определения. В курсе этого исследования автор выработал определенную точку зрения на этот вопрос, которую можно выразить следующим образом: понятие «раса» является общим, и любая попытка привязать его к более конкретному значению представляет собой слишком упрощенный таксономический подход. Использование при строгих определениях таких условных терминов, как подраса, тип, разновидность, местный (локальный) тип и т.д., подразумевает классификацию категорий в духе Линнея, чуждую фактам человеческой биологической дифференциации.

В такой группе животных, как человеческая, определенно можно назвать и классифицировать главную группу, к которой принадлежат все индивиды. Все современные разновидности людей дают между собой потомство, а других животных, с которыми можно было бы скрестить человека, не существует. Хотя тест на способность к воспроизведению потомства не обязательно является диагностическим показателем, *Homo sapiens* в современном смысле составляет, без сомнения, один вид, даже если при формировании современного человека он вобрал в себя один или больше родственных ему видов, сейчас уже не встречающихся в чистой форме².

Таково наше мнение о самой большой группе. Внутри нее существует множество разновидностей, значительно отличающихся друг от друга по своей внешности. Существуют пигмеи со средним ростом менее 150 см, но существуют и люди-гиганты, чей средний рост составляет более 180 см. Также существуют черные и белые люди, люди с курчавыми и прямыми волосами, люди с бородой и без нее, и так далее. Их разнообразие намного больше, чем среди волков, тигров или любых видов мышей. Тем не менее, оно не такое большое, как у собак, которые, опять же, принадлежат к одному виду и в свою очередь могут включать примесь волка или шакала.

Мы снова должны повторить, что человек – это домашнее животное, и в качестве такового он подвергается действию законов, управляющих животными при одомашнивании. Будучи менее зависим напрямую от заданной среды, чем дикое животное, он гораздо более разнообразен. Став многочисленным в результате этого частичного освобождения, он распространился по разным типам окружающей среды, и поэтому влияние среды на него было очень разным. В то же время законы, управляющие его размножением, отличаются от таковых у диких животных. Более того, при этом существует некоторая степень отбора, но меньшая, чем у собак, так разнообразившая их.

Все вышеупомянутые принципы произвели поразительную дифференциацию внутри человеческого вида, которая, должно быть, происходила с потрясающей скоростью. В то же время произошло почти такое же значительное смешение народов под влиянием обстоятельств, которые едва ли могли случиться у животных. Например, смешение белых и негров чаще всего вовлекало белых мужчин и черных женщин, и только изредка наоборот. При смешении часто происходил отбор на основе разной социальной ценности разных сочетаний расовых черт. В результате действия этих факторов не стоит полагать, что получение простой и упорядоченной системы при расовой классификации человека может быть легким делом.

² См. гл. II, раздел 5.

Мы уже признали правомерность применения в отношении к человеку понятия «вид». Существует и другое понятие, совершенно теоретическое для практических соображений, которое можно принять как аналогичное определение. Это «чистый тип» (pure strain) – результат поколений межродственного скрещивания и отбора рецессивных черт. Без радикального изменения нашей общественной системы чистый тип у людей получить невозможно. У крыс, морских свинок и дрозофил он был получен. На крысах, морских свинках и дрозофилах биологи в результате медленной и кропотливой работы открыли законы, управляющие наследственностью. Они почти единогласно согласуются с менделевскими, и не может быть больших сомнений, что законы Менделя прилагаются и к человеку. Но человек – это генетически сложное животное, и черты, которые мы измеряем, очевидно, не являются единицами по Менделю. Если бы мы измеряли правильные вещи, мы бы теоретически обнаружили, что закон Менделя всегда выполняется. Принцип наследования через смешение, из которого выводится формула $(A + B) / 2$, зависит от множества сбалансированных признаков по Менделю. То, что они не всегда многочисленны и не всегда сбалансированы, демонстрируется определенными примерами, в которых в результате смешения не получался смешанный тип.

Например, высота черепного свода и высота лица и носа часто не соответствуют ожиданиям. У гибридов черной и белой расы в Соединенных Штатах длинные лица и носы³, таковы же они и у эфиопов⁴. У жителей острова Питкэрн более выпуклые носы, чем у англичан и таитянцев⁵. Множество других примеров человеческой наследственности не демонстрируют смешанного характера. Они могут служить только примерами. Однако само по себе смешение не может создать и сохранить новую расовую форму, хотя оно может породить новые комбинации. Но смешение в сочетании с отбором, направленным на подчеркивание новых черт и уничтожение старых, может создать решающее изменение⁶.

Учитывая сложность человеческого вида как результат культурных особенностей, отделяющих его от животного мира, дать определение понятия «раса» является нелегкой задачей. Так как человек является древнейшим домашним животным, его разнообразие и отбор существовали на протяжении гораздо более длительного промежутка времени, нежели у других видов, за чью теперешнюю форму он ответственен. Любая попытка классифицировать его по жесткой схеме является крайне сложной, и чтобы эта схема работала, она должна быть гибкой. Следовательно, и само понятие «раса» должно быть гибким. При желании мы можем признать определенные большие расы Старого Света – такие как койсанскую (бушмено-готтентотскую), пигмейскую, австралоидную, негроидную, монголоидную и белую (европеоидную). Внутри каждой из этих больших расовых групп существуют меньшие общности, которые могут заслуживать определения расы в меньшем смысле. Эти меньшие общности состоят в большинстве своем из относительно изолированных групп людей, ставших локальными физическими анклавами под воздействием трех обычно взаимосвязанных процессов – *смешения*, *отбора* и *влияния среды* (в общем смысле, включая и культуру). Не всегда возможно сказать, когда такая общность становится большой расой.

Давайте рассмотрим три эти силы – *смешение* (amalgamation), *отбор* и *влияние среды*. Мы уже упоминали первую из них, обычно называемую расовым смешением (race mixture). Мы уже видели, что, хотя смешение кажется обычным результатом, по некоторым критериям можно видеть обычное действие законов Менделя или взаимодействие доминантных или рецессивных признаков. Далее, смешение может привести к различному доминирова-

³ Hooton, E. A., HAS, vol. X, part II, 1932, pp. 42–107.

⁴ Неопубликованные данные в распоряжении автора.

⁵ Shapiro, H. L., The Heritage of the Bounty, pp. 229–233.

⁶ Baur, Fischer, and Lenz, Human Heredity, p. 176.

нию в зависимости от возраста; например, доминирование светлых волос в раннем детстве в сочетании с потемнением волос в юности и взрослом возрасте связывает светлую пигментацию с инфантильными чертами. Это не относится к светлому цвету глаз, который с годами становится только немного более отчетливым. В то же время монголоидные морфологические черты у гибридов ярче выражены в раннем детстве, чем во взрослом возрасте; обратное верно для наиболее отчетливых европеоидных черт в сочетании с таковыми негроидов или монголоидов. Различное доминирование в зависимости от возраста, за исключением светлой пигментации, – это наследуемая эндокринная функция, связанная с относительной степенью инфантилизма у каждой из главных расовых групп.

Отбор у человека труден для изучения – по крайней мере, в научном смысле. Но, вне всякого сомнения, он играет очень важную роль. Половой отбор, вероятно, имеет и всегда имел определенное приложение, что можно видеть по текущим стандартам красоты в разных странах. Стандарты одной группы могут передаваться посредством культуры другой группе. Но так как в любом обществе, кроме промышленного и цивилизованного, не так уж много холостяков и старых дев, то половой отбор, должно быть, в большинстве случаев действовал медленно, по крайней мере в смысле устранения, а не изоляции. Опять же, войны уничтожают некоторую группу мужчин, а celibат, связанный с принятием религиозных обетов, может сделать отдельный элемент популяции генетически бесплодным.

Возможно, самый важный тип отбора – это отбор, связанный с изменением окружающей среды, из-за чего фактор отбора может являться физиологической экономией в ответ на новые типы недостатка минералов. Этот тип отбора мог сыграть очень важную роль в эволюции человека как вида, а также различных рас⁷. Маленькие, фетализированные, относительно слабые расы могут быть более умелыми и, следовательно, более приспособленными для выживания в определенных типах среды, чем большие, более мускулистые и менее инфантильные. Маленькие, фетализированные и относительно беззащитные млекопитающие выработали общественные механизмы, при помощи которых солидарность группы компенсировала недостаток индивидуальной агрессивности; человек в целом – это общественное животное, сравнимое в этом отношении с капуцинами. Средовой отбор, постулированный Мареттом, мог иметь очень важное значение в эволюции как человека как вида, так и различных рас.

Другая форма отбора тесно связана со сложностью структуры общества. Когда общество стратифицировано по общественным слоям, такая культурная дифференциация часто является результатом объединения двух или более социальных и, следовательно, этнических групп из двух или более географических источников. Смешение культур и людей требует некоторого времени, и если в то же время считается, что одна из этих групп по своей социальной ценности является высшей, а другая – низшей, то общественный механизм часто пытается увековечить этого разделение. Таким образом, процесс смешения будет заторможен, и в то же время может возникнуть различие в темпах воспроизводства этих двух социальных расово идентифицируемых слоев.

Как правило (по крайней мере, в наше время), группа, считающаяся низшей, размножается с большей скоростью, чем аристократия. Таким образом, или аристократия постепенно исчезнет, или же низшие постепенно станут высшими при помощи социальной мобильности и общественное разделение сохранится, но оно уже не будет связано с расой. Следовательно, различный темп воспроизводства имеет свою ценность для отбора, и одна популяция может постепенно смениться другой. Является ли это замещение полным или нет, относительная количественная доля двух генетических типов изменится.

⁷ Marett, J. R. de la H., Race, Sex, and Environment.

Значительные различия в цвете кожи, запахе тела и форме лица являются более активными средствами, препятствующими такой мобильности, чем различия, важные для антропологов, а не для общества, – такие как головной указатель и другие параметры формы головы. Различия первого класса не дали американским неграм полностью раствориться среди белых из-за расоводиагностических черт: пока негроидный элемент в индивидуальной наследственности не разбавлен, его легко обнаружить. С другой стороны, различия по форме головы обычно не замечаются, и брахицефальная белая популяция может сменить долихоцефальную при помощи социальной мобильности.

Пока что мы рассматривали отбор внутри географически неподвижной группы, или, скорее, отбор в рассматриваемой географической точке. Но есть и другой очень важный тип отбора – это мобильный отбор (*mobile selection*), действующий при эмиграции – источнике популяционного снабжения. При исследовании доисторических расовых передвижений в Европе мы увидим⁸, что дунайские земледельцы раннего неолита принесли производящее хозяйство в Центральную Европу с востока. Они увековечили в новом европейском окружении физический тип, который позднее был вытеснен на своей родине. Несколькими веками позднее население культуры шнуровой керамики таким же образом пришло из южной России – но мы сначала обнаруживаем, что они смешаны с другими народами, и культурные черты, о которых мы говорим как об отличительных чертах этой культуры, включены в более широкий культурный комплекс. Следовательно, население культуры шнуровой керамики, покинувшее южную Россию и отправившееся на запад в центральную и северо-западную Европу, было отдельной группой людей из большей и более разнородной человеческой общности. Эта ситуация ясным образом описывает принцип, согласно которому *люди, мигрирующие на новое место жительства, в большинстве случаев не представляют собой общей или типичной физической формы своей родины, при условии, что новое место жительства отличается от старого, а представляют собой особую группу, отобранную на основе своей пригодности и возможности мигрировать*. Этот принцип можно ясно видеть при изучении современных миграций.

Поляки, прибывшие в Соединенные Штаты в XIX в. и в первые десятилетия двадцатого, не представляли собой срез польского населения⁹, а были более высокими, более светлыми, более длинноголовыми по сравнению с поляками в общем. Другими словами, существовал определенный отбор особого физического типа, в результате действия которого некоторые поляки уезжали в Америку, а другие оставались дома. Д-р Шапиро обнаружил, что японцы, эмигрировавшие на Гавайские острова, по многим метрическим и морфологическим характеристикам значительно отличаются от своих родственников, оставшихся дома¹⁰. Это было определено не изучением репрезентативных выборок, а непосредственным измерением родственников на Гавайях и в Японии.

Таким же образом американцы как потомки британских колонизаторов непохожи на англичан в широком смысле слова. Англичане, отправившиеся в Америку в колониальный период, были определенно отобранной на основе религии, общественного и экономического положения и географического распределения группой. В Америке под влиянием новых условий, относительной изоляции и интенсивного скрещивания относительно небольшого количества семей эта дифференциация усилилась. Когда пахотные земли Новой Англии и штата Нью-Йорк были очищены и возделаны, фермеры, отправившиеся на запад в плодородную долину Огайо и далее в Индиану, Иллинойс и Айову, уже не являлись типичными предста-

⁸ Гл. IV.

⁹ Rosinski, B., PAn, vol. 8, 1934, pp. 42–44.

¹⁰ Shapiro, H. L., SM, vol. 45, 1937, pp. 109–118; также *Migration and Environment*.

вителями населения своей родины. Отбор среди населения Скалистых гор и первых бродячих скотоводов прерий был еще более заметным.

Пока что мы рассматривали отбор при миграции по отношению к новой стране, заселяемой иммигрантами, но этот отбор в равной степени влияет и на их родину, независимо от степени миграции. Депопуляция Ирландии и Швеции из-за эмиграции в Америку, должно быть, повлияла на расовый состав этих стран, так же как и массовый исход несколько сотен тысяч германцев во время Великого переселения народов, должно быть, также повлиял на северную Германию и Скандинавию.

Отбор меньшего масштаба, но не менее важный в принципе и по своему эффекту – это отбор городских популяций из сельских источников. Многочисленные европейские исследования выяснили, что молодые мужчины и женщины, покинувшие свои деревни для поиска новой жизни в городах, в расовом отношении нетипичны для деревенского населения в целом, а поток таких людей из плодородных сельских районов в относительно богатые города изменяет физический тип сельского населения¹¹.

Различия в отборе при эмиграции и иммиграции существуют как в культурном, так и в расовом смысле. Завоеватели культуры шнуровой керамики, переселившиеся на запад в Европу, не принесли с собой все черты азиатской и южнорусской культуры; они брали только те вещи, которые они сочли полезными в новой обстановке и которые можно было легко заменить из местных материалов. Таким же образом ранние жители американских равнин и трапперы не наполняли свои рюкзаки кружевными рукавами, бокалами для вина и серебряными пряжками для туфель, а несли только такую одежду, оружие и другое снаряжение, которое, как они знали, принесет им пользу. *Позднее, после освоения земли, также могли последовать и более роскошные вещи – при условии, что они сохранили контакт с родным домом.*

Опять же, этот последний принцип справедлив как для расы, так и для культуры. Поселенцы, пришедшие в новые земли позднее, уже после освоения земли, часто принадлежат к иному сегменту общества и могут представлять иную расовую общность с иными культурными связями и склонностями по сравнению с первопроходцами.

Разобравшись со смешением и отбором, мы пришли к оставшемуся принципу *влияния окружающей среды*. Нельзя отрицать, что человеческая эволюция продолжается с первоначального приобретения отличительных человеческих черт – таких как речь, использование огня и изготовление орудий. Человек не остановился в своей эволюции с того момента, когда он стал человеком. Мы видели, что человек плейстоцена, какого бы типа он ни был, был более примитивным в некоторых отношениях, чем современный цивилизованный человек. Например, одна из наиболее заметных и распространенных активных тенденций человеческой эволюции – это уменьшение размеров лица и особенно жевательного аппарата¹².

Существуют и другие влияния, которые, впрочем, не обязательно являются эволюционными, но которые нужно рассматривать как прямые реакции на изменения среды в широком смысле. Изменения типа и структуры цивилизации, действуя преимущественно при помощи пищевых факторов, могут являться стимулами среды и производить соматические изменения. Эти влияния, как замечается сегодня, принимают форму широких тенденций. Увеличение роста, так сильно повлиявшее на северную и западную Европу и большую часть Нового Света, как раз является подобной тенденцией. Как показано исследованиями трех поколений гарвардских переселенцев Боулзом, который учитывал только реальные генетические линии дедов, отцов и сыновей, это поистине массовое влияние, а не только процесс

¹¹ Примером может служить Bryn and Schreiner, *Somatologie der Norweger*, pp. 342–344.

¹² Ashley-Montagu, M. F., QRB, vol. 10, 1935, pp. 32–59.

отбора¹³. Нельзя отрицать, что, каков бы ни был его механизм, оно вызвано культурой, так как встречается только в тех странах, которые в этот период прошли стремительный и основательный процесс модернизации.

Должно быть, самое поразительное современное увеличение роста – это увеличение роста у английских колонистов в Квинсленде, которое достаточно очевидно, но по которому нет доступных научных данных. Квинслендцы единообразно с немногими исключениями выросли до огромной высоты, приобретя долговязое, лептосомное телосложение. Так как квинслендцы являются первопроходцами, живущими в основном не на плодородной земле, то причины этого явления следует искать в прямой стимуляции средой в географическом смысле.

Увеличение роста можно сопоставить с его равно выраженным уменьшением. В Средние века со времени колонизации до XVI в. исландцы, первоначально такие же высокие, как и их норвежские предки, уменьшились в росте до уровня южных итальянцев¹⁴. Климатологи сегодня утверждают, что это уменьшение сопровождалось понижением среднегодовой температуры и увеличением влажности¹⁵. Исландская история добавляет, что это был период, близкий к голоданию. Гренландцы, страдавшие еще сильнее от этого изменения климата, стали еще меньше исландцев, перед тем как вымерли¹⁶. Тем не менее, исландцы, пережившие это время упадка, быстро выросли и в настоящее время составляют одну из самых высоких групп в Европе. Население Исландии не прибавлялось за счет миграций со времени первоначального заселения.

Один из лучших примеров обусловленной средой физической остановки роста можно наблюдать в бедной области в холмах Лимузен в центральной Франции¹⁷. Без всяких сомнений, здесь причинами этого являются изоляция, бедность и зависимость от продукции неплодородной гранитной почвы. Дефицит минералов в том смысле, в котором его использует Маретт, также может влиять на рост наряду с недоеданием. Другой пример условий среды может быть виден в общем уровне низкого роста (в большинстве своем меньше 160 см), распространенном в приполярной зоне по всему миру.

Если среда может оказывать такое явное влияние на рост и действовать с такой высокой скоростью (обитатели Новой Англии выросли на 7 см за 100 лет), то более чем вероятно, что она может влиять и на другие расовые критерии, включая форму головы. Чрезвычайная брахицефализация, охватившая Европу в Средние века и особенно затронувшая южную Германию и Богемию, следовала той же схеме, что и изменение роста. Оба процесса происходили как упорядоченное возрастание с постоянной скоростью. Отбор мог вносить большую лепту в этот процесс при помощи проникновения иных типов и различной рождаемости. Простое доминирование брахицефалии по Менделю, которое никогда не было явным, не может быть сброшено со счетов, но оно не может быть единственным фактором. Но даже если мы предположим проникновение брахицефального населения, дифференцирующий отбор и непосредственное действие законов Менделя, трудно объяснить изменение головного указателя в южнонемецком и альпийском регионе выше того уровня, которого он достигал в древности – исторической или доисторической, – если мы не признаем реакцию на стимулы среды в качестве по крайней мере одной из причин этого изменения. Собиратели Западной и Центральной Европы, видимо, испытали более древнюю и в равной степени обширную брахи-

¹³ Bowles, Gordon T., *New Types of Old Americans at Harvard*.

¹⁴ Seltzer, C. C., неопубликованная рукопись в Музее Пибоди. С разрешения автора

¹⁵ Brooks, C. E. P., *QRMS*, vol. 47, 1921, pp. 173–190.

¹⁶ Hansen, Fr. C. C., *MOG*, vol. 67, 1924, pp. 291–547.

¹⁷ Ripley, W. Z., *Races of Europe*, pp. 168–171, по изданию: Collignon, R., *MSAP*, ser. 3, vol. 1, 1894, pp. 3–79. Collignon, R., *AG*, vol. 5, 1896, pp. 156–166.

цефализацию в мезолите – периоде сильного изменения климата; и параллельное изменение спустя тысячелетия среди цивилизованных производителей могло по неизвестным пока причинам следовать параллельному механизму изменения.

В конце концов, все это приводит нас обратно к тому, с чего мы начали, рассматривая значение слова «раса». В свете этого обсуждения расой можно назвать группу людей, вместе обладающих большинством своих физических характеристик. Чистая раса, если нужно использовать этот термин, – это такая раса, в которой несколько элементов так сильно перемешались, что по корреляциям нельзя определить их первоначальные комбинации¹⁸. В то же время процессы отбора и влияния среды придают результату этого смешения четкий характер.

Чем дольше такая человеческая общность остается изолированной, тем более четкой она может стать в расовом смысле. Она может расширяться численно, разделяться и стать большой группой, в то время как другие, когда-то более многочисленные группы, почти вымрут или будут совершенно поглощены. Но еще более важно в связи с расой то, что эта общность, как бы нечетко она ни была определена, всегда находится в процессе изменения.

Если, как выше, мы определяем расу как группу людей, относительно однообразных в физическом смысле и живущих в одном месте, то могут возникнуть трудности. Как мы проведем границу между этим местом и соседним? Где заканчивается одна раса и начинается другая? Некоторые утверждают, что раса – это просто искусственный конструкт на гладкой и прозрачной поверхности географического континуума¹⁹, так как то, что может быть точкой концентрации крайнего состояния по одному критерию, будет промежуточной точкой для другого. Это утверждение в определенном смысле истинно. Если мы посмотрим на современные расы на двумерной карте, мы можем только согласиться с тем, что раса в этом смысле – это только относительно однородная группа людей, занимающих данную произвольно выбранную точку на земном континууме. В областях с гладкой поверхностью одно состояние плавно и в больших масштабах переходит в другое; в областях, разрезанных географическими барьерами – такими, как пустыни или горы, – контрасты являются более резкими и перепады более крутыми.

Пока мы будем ограничивать наш взгляд поверхностью, мы будем сталкиваться с этой дилеммой. Но решение приходит с применением третьего измерения – исторического. При помощи исторической реконструкции, с численно корректным и соответственно документированным скелетным материалом возможно определить, что происходило в большинстве регионов, занятых белой расой, почему образовалось нынешнее состояние и какова подходящая классификация существующих рас, построенная на двойной основе прошлого и настоящего.

Эта классификация, конечно, должна соответствовать существующим обстоятельствам и не являться отражением одной только истории или национальных идеалов. Помощью подобной классификации мы можем надеяться ответить на возражение о континууме и продемонстрировать, какие участки на карте на самом деле представляют собой центры расового распространения и смешения в соответствии с принципами, которые сейчас начинают пониматься²⁰.

Но в то же время мы должны помнить, что промежуточные зоны и зоны смешения могут неожиданно менять свою функцию и демонстрировать роль поставщика расового материала в другие регионы. Взаимодействие этих функций в соответствии с принципами, уже обрисованными в этой главе, произвело расовое разнообразие, характеризующее боль-

¹⁸ Scheidt, W., ZFMA, vol. 27, pp. 94–116.

¹⁹ Я признателен д-ру Джорджу Вудбери за это понятие.

²⁰ Keiter, F., ZFRK, vol. 3, 1936, pp. 40–46.

шую область земли, и особенно области, занятые более активными, энергичными и многочисленными типами – негроидами, монголоидами и белыми.

3. Материалы и техники остеологии²¹

Материалы, использованные при расовом изучении европейцев, естественным образом делятся на два класса: а) скелетный материал, включая череп, длинные кости и другие кости – такие как позвонки, тазовые кости, предплюсны и т.д., б) измерения и наблюдения живых людей. Оба класса могут быть подвергнуты статистическому анализу, и оба они должны быть задействованы, если мы хотим добиться успеха в наших попытках проследить расовую историю белого человечества. В следующих шести главах мы будем иметь дело почти исключительно с материалом первой категории.

Как общественные, так и частные музеи почти в каждой стране как Европы, так и Америки содержат тысячи черепов и длинных костей, представляющих собой костные останки людей каждой расы. Многие из них (без сомнения, большинство) принадлежат к белой расе. Для целей настоящего исследования эти скелеты имеют весьма различное значение в зависимости от обстоятельств. В первую очередь, нам могут быть полезны только измеренные и описанные вещи, так как автор не имеет возможности путешествовать по музеям, измеряя и наблюдая неопубликованный материал. Большинство коллекций все еще не опубликованы, и, следовательно, большинство этих данных так же бесполезно, как если бы они все еще лежали в земле. Подобное путешествие по коллекциям с целью их измерить, возможно, заняло бы лучшие годы жизни исследователя.

Таким образом, в первую очередь важно то, был ли материал описан в публикациях. Во-вторых, был ли он должным образом связан с полом, происхождением и культурой. Некоторое количество старых черепных серий было опубликовано без разделения по полу, что делает измерение изменчивости малоценным, а использование средних величин – рискованным. Другие серии включают в себя черепа из разных мест, непонятно как помеченные и каталогизированные, которые никогда не стоило бы объединять в одну серию. Многие другие были выкопаны в то время, когда у археологов не было техники для установления их культурных и хронологических связей. Другие были принесены в музеи любителями, не уделявшими никакого внимания археологии.

Во многих случаях в свете современных знаний возможно сделать общий обзор, особенно когда существуют иллюстрации, идентифицирующие могильную утварь и типы погребения. Следовательно, количество черепов и других костей, которые можно разложить на географические, культурные и хронологические уровни, не так уж мало по сравнению с тем, что могло бы быть, если бы этот материал собирался без помощи этого процесса. Это вышеупомянутое переразложение является тем принципом, на основании которого были написаны следующие шесть глав. Он включает в себя отдельные черепа и их небольшие серии, с сопутствующими длинными костями или без них, и суммирование полученных таким образом данных в статистические ряды, основанные на отождествлении места, времени и культурной среды. В некоторых случаях более ранние исследователи уже проделали эту работу по собиранию материала в приемлемом виде, что сэкономило нам массу труда.

Таким образом, материал, на котором основаны главы со II по VII, состоит из некоторого количества серий черепов, иногда с другими костями, и каждая из этих серий представляет культурную, хронологическую и географическую общность, существование которых полностью оправдано в свете наших сегодняшних археологических и исторических знаний.

²¹ См. всестороннее исследование предмета в стандартном изложении физической антропологии *Lehrbuch der Anthropologie* Рудольфа Мартина, в 3-х томах, 2-е издание. Настоящий раздел предназначен только для краткого изложения некоторых базовых случаев применения остеометрических техник, а также источников и количества материалов, использованных в данном исследовании.

Опубликованные материалы, которые не могут быть в приемлемой степени подтверждены документально, были проигнорированы или использованы с осторожностью.

Череп, соответствующие этим требованиям и представляющие предковые типы белой расы, достаточно многочисленны, чтобы позволить проделать разумную реконструкцию расовой истории белых народов; но они недостаточно многочисленны, чтобы позволить нам быть уверенными в том, что наша реконструкция – единственно возможная в каждом месте и случае. Следовательно, мы с некоторой уверенностью представляем главный тезис нашей реконструкции, но мы не уверены, что он верен в каждый период, в каждом регионе и в каждом культурном сообществе.

Например, весь период палеолита в Европе представлен не более чем сотней опубликованных и документированных черепов, а мезолит представлен не лучше. Определенные выборки по неолиту, особенно в Египте, состоят из нескольких сотен черепов, и то же самое верно для бронзового и железного веков. Ни одна из опубликованных серий не превышает тысячу взрослых единиц одного пола, хотя некоторые из них приближаются к этой цифре.

Скелетный материал людей и окологеловеческих приматов с культурных уровней раннего и среднего палеолита происходит из случайных находок незахороненных ископаемых костей. В Европе неандертальцы сначала хоронили своих мертвецов таким образом, что для антропологов сохранялись целые скелеты. В различные моменты истории появлялась кремация, сбивающая с толку расовых историков; главная мода на этот тормозящий науку обычай появилась во время позднего бронзового века в Европе, и она длилась до железного века.

В нашу эру появилась другая сила, препятствующая использованию скелетного материала, – это практика захоронения тел на христианских и мусульманских кладбищах, которые сохраняются невредимыми по религиозным основаниям. Даже там, где они не являются невредимыми, отсутствие могильной утвари в могилах этих последователей религии откровения делает эти трофеи археологов бесполезными. Единственные сколько-нибудь массовые собрания скелетов христианских времен взяты из средневековых склепов или крипт, особенно в южной Германии и Австрии, и из определенных английских соборов.

С точки зрения статистики наши скелетные материалы находятся в пограничном положении. Немногие из серий достаточно большие, чтобы допустить применение всех статистических коэффициентов современной биометрии. Большинство из них, однако, так ограничены по количеству, что единственные методы, которые кажутся оправданными – это простой подсчет средних величин, простое определение разнообразия и однообразия и неформальное сравнение и обсуждение²². Слишком сильная механизация сделала бы эти серии негибкими и уничтожила бы большую часть их интерпретативной ценности. Чтобы компенсировать их статистическую слабость, их использование в качестве контекстного материала для культурной и хронологической плоскостей обеспечивает определенное подтверждение. Любая серия, независимо от ее размера, говорит нам о том, что присутствует, но умалчивает о том, что может присутствовать или что отсутствует. Степень, в которой небольшие серии могут быть ценными для интерпретации, должна зависеть от обстоятельств.

Количество критериев, по которым измеряются черепа, используемые в этом исследовании, варьируют от одного – почти всегда черепного указателя – до пяти тысяч у фон Тёрока. Сочетая и перераспределяя эти серии, я не придерживался четкого правила, какие критерии стоит использовать, а какие исключать, а использовал казавшееся разумным количество, особо уделяя внимание тем из них, которые имеют параллели у современных людей. Например, я обычно принимал три главных измерения свода черепа – глабелло-затылочную длину, наибольший бипариетальный диаметр и высоту базион-брегма; обычные длины окружностей и дуги черепного свода; наименьшая и наибольшая ширины лба и скуловые

²² Более подробное обсуждение использования статистики в расовых измерениях см. в гл. VIII, разделе 2.

диаметры; межорбитальное и биорбитальное расстояния и высоту и ширину орбит; высоту и ширину носовой кости, диаметры нёба и большого седалищного отверстия; высота лица от назиона до альвеона; главные размеры нижней челюсти – такие как высота подбородка, ширина восходящей ветви и двухмышечковый и бигониальный диаметры. Для остального скелета я практически везде использовал наибольшие длины главных костей – таких как бедро, большая берцовая кость, малоберцовая кость, плечевая кость, лучевая кость и локтевая кость, почти полностью для единственной цели вычисления роста, используя формулу Пирсона²³.

Другими словами, я использовал то, что смог найти, таким образом, чтобы извлечь максимум полезной информации; я не занимался методами или процедурами, слабо затрагивающими данную проблему. Меня мало заботили технические расхождения из-за различий в методологии измерения; там, где это было возможно, я следовал методам, проверенным Морантом, и, где это возможно, я делал допущения для таких легко обнаружимых различий. Однако я не думаю, что технические отличия в краниологическом материале столь важны, чтобы создавать заметную разницу в моих выводах – как частных, так и общих. Использование материала велось так широко, что такие детали неважны. Краниология – это более точная наука, чем измерение живых людей; когда мы подойдем к более поздним главам, нас может коснуться вопрос методов, но пока что он относительно неважен.

²³ См. Martin, *Lehrbuch der Anthropologie*, second edition, vol. 2, pp. 1020–1021.

Глава вторая Белые люди плейстоцена

1. Представляя *Homo sapiens*

Человек – в таком виде, в каком он известен нам по изучению современных рас, – произошел от одного или нескольких видов одного биологического рода, выделившегося из группы родов приматов Старого Света, которые ранее в физическом и, следовательно, культурном отношении сделали первые шаги по направлению к человеку. Члены некоторых этих родов обнаружили, что они могут резать острым, гладким лезвием, образующимся, когда раскалывается кремь; они научились использовать огонь и обсуждали эти и другие вопросы со своими товарищами при помощи речи. Но все из них, включая тех, кому суждено было принять участие в формировании современного вида *Homo sapiens*, как и меньшие человекоподобные приматы и другие животные, в своем существовании оставались зависимыми от природных пищевых ресурсов.

Из всех этих параллельных форм только человек сумел освободиться от природных ограничений – пищи и климата – при помощи нескольких различных способов. Одним из них было изобретение теплой одежды, которая позволила ему с удобством охотиться на многочисленных млекопитающих арктического и умеренного климата, чья плоть была богаче жирами, чем мясо тропических жертв. Но это не стало бóльшим преимуществом, чем развитие меха у животных, на которых он охотился. Другим было открытие принципов разведения животных и растений и обретение знания о том, как управлять этим разведением. Этот второй шаг, который Чайлд называет первой революцией, естественно, произвел земледелие и животноводство, и из этой двойной экономики развились цивилизации древнего и современного миров.

Эти два первичных шага, которые не были ни в каком смысле последовательными, хотя первый из них был, без сомнения, более древним, и которые не имели обязательной связи друг с другом, произвели различные эффекты с далеко идущими последствиями. Первый из них позволил человеку использовать земли, которые не могли поддерживать существование приматов, а также дал возможность перейти из Старого Света в Америку через арктический барьер. Второй сделал возможным интенсивное использование более благоприятных областей, подходивших для сельского хозяйства и разведения скота, а также увеличение населения, ставшее возможным благодаря последовательному изобилию пищевых ресурсов. Далее, эти два шага позволили человеческому роду сильно умножиться и занять все главные соединяющиеся области Земли, не покрытые льдами или безводными пустынями и не отделенные от континентов двух полушарий обширными водными пространствами.

Задолго до того, как были предприняты эти шаги, большинство из родов и видов приматов, которые ранее также использовали речь, кремь и огонь, выбыли из состязания. Возможно, последним из исчезнувших был неандерталец (*Homo neanderthalensis*), который вымер как таковой в Европе, если также и не в других местах, во время последнего ледникового периода.

Таким образом, только *Homo sapiens* – такой, как мы его знаем, – остался иметь дело с результатами возрастающего управления природой, которое он сам и вызвал. Но все ответвления человеческого вида не принимали участия в получении этих результатов, а те, кто принимал, не делили их равным образом. На дальней периферии Южного полушария, до которой человек мог добраться на ранней стадии культуры, не встречая больших холо-

дов, обнаженные охотники и собиратели – такие, как африканские бушмены, тасманийцы, австралийцы и ведды, – смогли выжить в изоляции до последних лет. Одни из них – тасманийцы – сохранились только в смешанном виде²⁴, а другие вполне могут последовать за ними. Так наш вид повторяет в своих границах процесс отбора и уничтожения, стерший с лица земли в древние времена его нечеловеческих соперников.

На самом деле между этими двумя периодами вымирания нет реальных различий. Сегодня мы знаем, что, хотя в первый из них были вовлечены отдельные виды, по меньшей мере один из исчезнувших видов не исчез в полной мере, ибо, как и во втором периоде, его исчезновение завершилось поглощением одновременно с культурными изменениями, позволившим его скрытому генетическому типу сохраниться в смешанном виде. Человеческие генетические типы, сколь угодно древние и примитивные, очень трудно, если вообще возможно, уничтожить полностью по той простой причине, что все человеческие расы могут иметь общее потомство и все они относятся к одному человеческому виду.

Тем не менее, эти расы обладают весьма различными темпами воспроизводства в разных условиях. Постоянным феноменом человеческой истории является то, что небольшая группа людей на ограниченной области при помощи некоторых стимулов – возможно, как природных, так и культурных, – быстро возрастает в количестве, расширяет свои границы и заселяет новые части земной поверхности своим потомством. Например, численность белой расы со времени промышленной революции сильно увеличилась. Количество населения гораздо быстрее росло в странах с новым режимом по сравнению со странами, еще не внедрившими эти культурные инновации. Таким образом эмигранты из Европы распространились на другие континенты, ранее занятые менее экономичным²⁵ населением, пока их потомки не заполнили все возможное место, подходящее для использования. После этого темп роста упал. Новые условия и новые стимулы, при условии, что они благоприятны, приводят к большому росту населения. Неблагоприятные же условия приводят к ассимиляции и вымиранию.

Этот феномен не ограничивается людьми, а является базовым биологическим принципом, согласно которому происходит распространение всех растений и животных. Человек, чьи предки были горсткой рано развившихся биологически успешных приматов, умножился до сегодняшних миллиардов. Современное численное соотношение рас и национальностей не связано с прошлой численностью ранее существовавших групп людей, со значением этих разных групп в истории человеческого расового развития и тем более с их относительным количеством в будущем. На последующих страницах, обрисовывающих расовую историю белой части человечества, этот принцип нельзя забывать.

Эта история на основе сегодняшних знаний совершенно не ограничивается плейстоценом и современной геологической эпохой. Именно более древнему из этих двух периодов ценозоя²⁶ посвящена настоящая глава. В ней, как в последующих главах, будет предпринята попытка расположить изученные останки скелетов по соответствующим им хронологическим уровням. Что касается образцов из плейстоцена, то здесь датировка должна быть сделана в первую очередь геологическими средствами.

Так как первичное распространение зоологических видов является практически мгновенным, палеонтологи основывают свои датировки геологических ярусов на первом появлении ископаемых родов и видов. Таким образом они разделили плейстоцен на ранний,

²⁴ Немногочисленные смешанные остатки живут на островах между Австралией и Тасманией и в резервациях на австралийском материке.

²⁵ В смысле максимального использования земли; здесь не имеется в виду качественное сравнение.

²⁶ Разделение между плейстоценом и современной геологической эпохой сохраняется здесь только для доходчивости. Используя эту терминологию, нельзя полностью отрицать возможность того, что сегодня мы живем в плейстоценовом межледниковом периоде.

средний и поздний уровни²⁷. Геологи, занимающиеся вопросами оледенения, ограниченные относительно небольшой частью земной поверхности, покрытой одной или несколькими ледниковыми щитами плейстоцена, делят его соответственно на четыре или пять наступлений ледника. В незанятых ледником местностях во время плейстоцена происходили колебания влажного и сухого климата, возможно, соответствующие колебаниям ледника. Таким образом, третий способ датировки останков плейстоцена определяют плювиальный и засушливый периоды. В данный момент полная гармония между этими тремя системами еще не достигнута. Следовательно, относительная датировка ископаемых людей, найденных в различных частях мира, не является полностью возможной. Поэтому мы продолжим наше описание с оговорками и осторожностью.

²⁷ Hopwood, A. T., PGA, vol. 46, 1935, pp. 1, 46–60.

2. Климат плейстоцена

Трудно переоценить важность климата в человеческой истории, особенно в древние времена, когда человек был всего лишь численно несущественным паразитом среди общей фауны. С изменениями климата он был вынужден мигрировать вместе с животными и растениями, от которых зависела его жизнь, так как он жил охотой на животных и собирательством плодов растений. Единственной альтернативой было оставаться и приспосабливаться к новому пищевому обеспечению, что потребовало бы новых орудий и новых методов. Как правило, переселяться было легче, даже если некоторые колебания были, как и в недавние времена, достаточно быстрыми.

Медленное отступление и таяние ледников вызвало изменение климата, затронувшее весь мир. С собиранием больших масс льда на полюсах климатические зоны уменьшились, сходясь на экваторе. Во время максимального обледенения широкие пояса земли, граничащие с ледником, стали безлесными – замерзшей тундрой, как северные границы Сибири и Северной Америки сегодня. Во время последнего оледенения такая зона включала в себя всю Европу севернее Альп и Пиренеев и большую часть Сибири. За ними простирались умеренные леса с зонами ивы и березы, сосны и лиственных пород, умеренные травяные равнины, омываемые циклонными поясами дождей. Еще дальше, рядом с экватором, росли тропические леса. Современные пустыни сжались до узких клочков земли между лугами или исчезли.

По мере того как ледники отступали, тундровая зона следовала за ними, постоянно сокращаясь по мере того, как лед истончался. Лес вторгнулся в тундровый пояс, и таким же образом передвигались луга; в то же время сокращались тропические леса, и земля между двумя поясами лугов стала пустыней. Земля, что когда-то была наиболее благоприятным домом для собирателей, стала бесплодной и пустынной и оставалась практически незанятой до возникновения пастушеского кочевничества с ослами и верблюдами, которое сделало ее вновь обитаемой.

Центры плейстоценового оледенения не располагались непосредственно на полюсах. В Северном полушарии этот центр располагался в северной Атлантике с ядром в Скандинавии, северной Британии и Гренландии, так что северо-западная Европа и северо-восточная Америка были покрыты льдом, в то время как территории на более высоких широтах в Восточной Европе и Сибири и на западе Северной Америки были незаняты. В Европе лед покрывал в своем максимальном распространении все Британские острова, кроме юго-западного края Великобритании, большую часть Бельгии, Голландию, северную Германию, прибалтийские государства и Финляндию, а также, конечно, и Скандинавию. Вторичные центры оледенения, основанные скорее на долготе, чем на широте местности, лежали в Альпах, Пиренеях и на Кавказе, в Гималаях и на Памире, в горном хребте Сибири и в Атласских горах в Северной Африке.

Эти ледяные шапки и окружающие их холодные зоны были барьерами для нагих охотников раннего и среднего плейстоцена. В Европе не установлено никаких достоверных следов нижнего или среднего палеолита в ледяном окружении: до первого вюрмского оледенения люди и родственные им приматы избегали ледника.

Во время всего плейстоцена до четвертого, или вюрмского, оледенения группы людей, возможно, включающие как сапиентные, так и несапиентные формы, медленно перемещались с континента на континент с изменением климата. Во время четвертого оледенения части Европы и Азии, находящиеся непосредственно к югу от ледника и в тундровом поясе, впервые были заселены при таких условиях. Это сделал неандерталец, живший в пещерах, гревшийся у костра и, судя по его набору инструментов, одевавшийся в шкуры, хотя в отсут-

ствие иголок он, вероятно, был плохим портным. Европейская ветвь этого вида была маргинальной, примитивной формой, и едва ли она пережила четвертое оледенение. Во время лауфенского межледникового периода неандертальца в Европе сменили как чистые, так и смешанные люди вида *sapiens*, пришедшие с востока в несколько волн. С последним большим наступлением ледника – вюрм-II – люди рода *sapiens* остались на месте, ибо к этому времени они приобрели знания и умения, касающиеся создания теплой одежды, как подтверждают многочисленные инструменты для работы со шкурами и отличные костяные иглы.

В это же время другие люди, должно быть, жили в более благоприятном климате, богатом как овощной, так и мясной пищей. Некоторые из них выработали микролитическую технику, включавшую в себя вырубание небольших лезвий для составных инструментов, и распространились по Европе к северу от Пиреней только после отступления последнего льда. Эти люди, как мы увидим, сильно отличались от людей севера. Послеледниковые перемещения человеческих групп совершенно изменили расовую составляющую на большей части обитаемой земли.

3. Люди вида *sapiens* в среднем плейстоцене

Первое появление полноценных или зачаточно сапиентных людей в Старом Свете сейчас можно определенно отнести к среднему плейстоцену. В Европе это время второго, или большого, межледникового периода. Это определение сделал возможным экземпляр человека из селения Сванскомб, состоящий из теменной и затылочной кости одного индивида из запечатанного льдом среднеашельского отложения на второй насыпи в долине Темзы в Англии²⁸. Считается, что эти фрагменты напоминают черепной свод пилтдаунского человека²⁹, который тоже, вероятно, относится к роду *sapiens*, и, возможно, не древнее первого³⁰.

Другие остатки, сравнимые с остатками из Сванскомба, и также связываемые с ашельским культурным слоем, были найдены в различных местах в Западной и Южной Европе, но пока что не получили полного научного признания. Самый известный из них – это знаменитый скелет из Галлей-Хилл (Galley Hill), найденный на второй, или стофутовой, насыпи в долине Темзы. Другие из них включают в себя челюсть из Мулен-Киньон, скелет из Клиши и свод черепа из Олмо. Из них наиболее полным³¹ и наиболее подлинным кажется скелет из Галлей-Хилл, раскопанный в 1888 г.³² Хотя этот скелет был извлечен из почти самого нижнего слоя гальки людьми, полностью осознававшими важность его положения, большинство современных авторов до открытия в Сванскомбе отказывались признавать его подлинность, хотя вероятность того, что он младше гальки, из которой был извлечен, крайне низка. В свете свидетельств из Сванскомба образец из Галлей-Хилл можно наконец признать, чего он давно заслуживал.

Человек из Галлей-Хилл был невысокого роста – около 160 см. Его длинные кости, включающие плечевую кость, бедро и большую берцовую кость, хотя и твердые, не были тяжелыми. Длина большой берцовой кости составляет 77 процентов от длины плечевой кости, и эта пропорция является современной и европейской, в противоположность многим костям более поздних людей верхнего палеолита и неолита. По мышечным отметкам на их поверхности очевидно, что это был человек значительной силы, но в то же время легкого телосложения. Профили секций длинных костей, положение мышечков и небольших поверхностей суставов – все они свидетельствуют о жизни на открытом воздухе и о привычке сидеть на корточках.

Этот череп, в общем напоминающий некоторые современные разновидности европейцев, крайне долихоцефален, его черепной указатель равен 69; хотя и покоробленный давлением земли, он не изменил свою форму. Длина черепного свода, реконструированного Кисом, очень большая – 204 мм, а ширина относительно невелика. Высота черепного свода, известная только из ушной проекции, так как основной части черепа не хватает, скорее небольшая. У этого черепа крайне выступающий затылок с наибольшей длиной до самого дна, хорошо развитая лобная область, а сам лоб умеренно покатый. В то же время он очень широкий, что делает париетальные стенки практически параллельными. Надбровные дуги развиты в умеренной степени. К сожалению, как и у всех подобных образцов, у черепа из Галлей-Хилл отсутствует лицо. Тем не менее, височная часть правого скулового свода сохранилась, и она, хотя и тонкая, демонстрирует, что свод в целом был достаточно изогнутым.

²⁸ Swanscombe Committee of the RAI, JRAI, vol. 68, 1938, pp. 17–98. См. особенно Morant, G. M., *ibid.*, pp. 67–96.

²⁹ Пилтдаунский человек признан подделкой. – Прим. перев.

³⁰ Становится все менее вероятным, что челюсть пилтдаунского человека принадлежит тому же образцу, что и фрагменты черепа.

³¹ Скелет из Клиши может быть более полным, но он неудовлетворительно описан в публикациях.

³² Keith, Sir A., *The Antiquity of Man*, pp. 178–193.

К счастью, сохранилось больше половины нижней челюсти, и ее форма удостоверяет отсутствие прогнатизма. Корпус этой нижней челюсти довольно узкий и умеренной симфизной высоты; щека выступает в средней степени по современным стандартам. Восходящая ветвь челюсти широкая, а сигмовидная вырезка мелкая. Зубы, хотя и совершенно человеческие, сохраняют некоторые примитивные черты в развитии соединительных тканей пульпы зуба, в пропорциях длины к ширине моляров и в их относительном размере, так как третий моляр является самым большим.

Кроме этих особенностей зубов и отсутствия выраженной сигмоидальной вырезки, сам череп имеет определенные примитивные черты. Он толстый, а надбровные дуги, хотя не больше, чем у многих современных образцов, составляют непрерывный гребень. Сосцевидные отростки невелики, а область височной мышцы большая.

Человек типа Галлей-Хилл – это, без особых сомнений, крайне генерализованная форма древнего белого человека. Кости его черепа и тела сохраняют именно такую степень обобщения, которая необходима, чтобы сделать его логическим предком средиземноморской расы и всех подрас, с нею связанных.

Хотя пока что образцов этого типа больше всего найдено в Европе, чем в других местах, невозможно предположить, что тип Галлей-Хилл появился на европейской почве. Должно быть, он недолго находился в Европе, следуя за отступлением одного ледника и вновь уходя с наступлением следующего. Когда его потомки снова появляются в Европе, они появятся из другого источника, в который ранее отступили их предки.

За пределами Европы самой древней находкой является канамская нижняя челюсть из Восточной Африки. Нашедший ее Лики³³ датировал ее нижним плейстоценом, что, возможно, делает ее древнее любых известных ископаемых людей Африки, Азии и Европы. Канамская нижняя челюсть определенно человеческая, она содержит подбородок, а ее зубы вполне человеческие по своей форме, хотя и в чем-то примитивные³⁴, как и зубы образца из Галлей-Хилл. Невозможно с какой-либо точностью определить расовый тип, представленный этим фрагментом челюсти – особенно если она обладала приписываемым ей возрастом, то расы в современном смысле могли еще не появиться. Однако она, как и челюсть из Галлей-Хилл, вполне могла принадлежать генерализованному предку белого человека, так как у нее нет прогнатизма и она является современной по своей форме и размеру.

Четыре фрагментарных черепных свода, также найденные Лики в Восточной Африке в местечке Канжера, младше канамской челюсти: очевидно, они принадлежат к среднему плейстоцену. Они, как и канамская челюсть, были изучены Британским комитетом, который не был удовлетворен точным нахождением их источника. Однако, как показал Хопвуд, ископаемые останки как из Канамы, так и Канжеры принадлежат к периодам, о которых заявлял Лики – а именно, к нижнему и среднему плейстоцену.

Принимая во внимание их большую важность и тот факт, что их предполагаемый возраст не был опровергнут, было бы неблагоприятно игнорировать эти восточноафриканские образцы в теоретической реконструкции истории *Homo sapiens*, несмотря на неопределенность этой ситуации. Гораздо более разумно отнестись к ним со всем вниманием и назвать эту последовательность реконструкции пробной.

Эти четыре фрагментарных черепа, найденных в Канжере, находятся в таком плохом состоянии, что невозможно произвести точные измерения или другим способом определить типы, к которым они принадлежат. Тем не менее, сохранилось достаточно частей, чтобы можно было сделать общую оценку. Человек из Канжеры был крайним долихоцефалом с черепным указателем менее 70; стенки черепа, толстые в трех из четырех случаев, не

³³ Leakey, L. S. B., The Fossil Races of Kenya.

³⁴ Adloff, P., ZFRK, vol. 3, 1936, pp. 10–26.

покрыты сильными мышечными отметками, как в случае с ископаемыми несапиентными формами.

Их лбы выступают, лобные доли мозга хорошо развиты, как и в любой современной группе; вся затылочная область сильно выступающая, а затылочные доли сильно развиты и весьма симметричны. Этот факт наряду с другими чертами мозга, выведенными из изучения эндокраних (внутричерепных) слепков³⁵, приводит к заключению, что эти образцы принадлежали к весьма длинноголовой форме *Homo sapiens*, очень похожей на форму Галлей-Хилл, и, как и она, могут без затруднений быть предковой по отношению по крайней мере к одной части существующего белого человечества. Все, что осталось от лица этих четырех, – это один небольшой кусочек скуловой кости. Этот фрагмент включает хорошо развитую клыковую ямку, что еще раз является определенным доказательством его человеческого характера. Небольшой фрагмент бедра с сильно развитой шероховатой линией также совершенно человеческий, но не может служить указателем на какую-либо расовую группу.

³⁵ Elliot-Smith, Sir G., The Stone Age Races of Kenya, Appendix B.

4. Ископаемые несапиентные люди плейстоцена

Неясно, в какой степени останки довольно большого количества несапиентных образцов всех трех континентов Старого Света древнее, чем ископаемые люди плейстоцена, рассмотренные в предыдущем разделе³⁶. Они включают два отдельных рода – питекантропа (*Pithecanthropus*) и синантропа (*Sinanthropus*) – и четыре вида из рода *Homo* – солойского человека (*soloensis*)³⁷, гейдельбергского человека (*heidelbergensis*), неандертальца (*neanderthalensis*) и родезийского человека (*rhodesiensis*). Взаимосвязи между этими группами спорны, но очевидно, что их можно сгруппировать по крайней мере в два эволюционных уровня, и питекантроп с синантропом уйдут на нижний из них. Несмотря на их выделение в отдельные рода, они очень похожи во многих отношениях. Далее, родезийский человек и солойский человек напоминают друг друга, и вместе они не сильно отличаются от многочисленной и разнообразной группы неандертальцев.

Реставрация Макгрегором находки из Ла-Шапель-о-Сен, в шляпе, с волосами и одеждой. Хотя мы не знаем, насколько точна реконструкция мягких тканей, тем не менее, черты лица, вероятно, были в своей основе человеческими. Эта иллюстрация демонстрирует тот факт, что наши впечатления о расовых различиях внутри групп человечества часто находятся под влиянием стиля укладки волос, присутствия или отсутствия бороды и одежды.

Рис. 1. Неандерталец в современной одежде.

Эти ископаемые формы, независимо от их внутренней классификации, можно рассмотреть как отдельный класс высокоразвитых гуманоидных приматов. Внутри этого класса существуют различия в степени развития и в типе специализации. Однако в целом они отличаются как от раннего современного сапиенса, обладая приплюснутым горрилоидным сводом черепа с сильным надглазничным валиком, крайне покатым лбом, связанным с маленькой высотой свода, и сильно округленной мозговой коробкой, в которой у более примитивных видов наибольшая черепная длина проходит от глабеллы к затылочному валику, а наибольшая ширина лежит между сосцевидными отростками. Даже у более развитых видов, у которых размер мозга равен размерам мозга современного человека или превышает их, в определенном смысле сохраняется такая же горрилоидная структура. Лица тех немногих образцов, у которых они сохранились, большой длины и ширины, а подносовые доли очень велики по сравнению с мозговой коробкой; эти лица плоские, и на них нет отличительной человеческой черты – клыковой ямки. В случае наиболее известных неандертальцев моляры имеют объединенные корни и увеличенные соединительные ткани пульпы зуба, а границы зубов ровные и клыки не связаны друг с другом³⁸.

Датировка различных вышеупомянутых ископаемых в большинстве случаев является предметом споров, но нет реальных свидетельств того, что какой-либо из них младше среднего плейстоцена. Однако только неандерталец в некоторых из своих высокоразвитых форм

³⁶ Обильную литературу по этим группам ископаемых останков не стоит здесь цитировать. За исключением неандертальца, они не имеют большого отношения к теме этой книги.

³⁷ Также известен как явантроп. – Прим. перев.

³⁸ Обстоятельство, известное как тавродонтизм, не настолько необычно, как предполагалось, и оно не может считаться препятствием для обоснования родственной связи неандертальца с другими видами человека. Обсуждение вопроса тавродонтизма и библиографию см. в Galloway, A., *The Skeletal Remains of Mapungubwe*, pp. 127–174, в Fouché, L., *Mapungubwe*.

известен вплоть до позднего плейстоцена. Помимо любых биологических соображений, временного элемента достаточно, чтобы уничтожить гипотезу, что члены этой группы с сильными надбровными дугами могли эволюционировать в самые древние известные нам формы *Homo sapiens*. Возможно, что эти виды представляют остатки предковой стадии, через которую прошел *Homo sapiens* в более раннее время, и что они во время плейстоцена сами проходили через поздний процесс эволюции, но это объяснение не является единственно возможным. Половая дифференциация и богатство форм гориллоидных индивидов, которыми обладали эти виды, по-видимому, никогда не обнаруживались у прямого предка человека.

5. Неандерталоидные гибриды из Палестины

В Западной Европе неандерталоидный скелетный материал начинает появляться во втором межледниковом периоде, начиная с гейдельбергской челюсти³⁹, а затем во время начальной части возвращения ледника в рисском периоде следуют черепа из Штейнгейма и Эрингсдорфа. Весь третий межледниковый период и начало вюрма-I принадлежали неандертальцам, и в Европе не было найдено ни одного черепа человека разумного, датированного этим временем.

Неандертальцы очень разнообразны и демонстрируют ясное свидетельство эволюционных изменений по направлению к человеку. В общем, западноевропейские образцы составляют маргинальную и относительно примитивную географическую подгруппу всего вида. Центр ее рассеивания, возможно, лежит к востоку, как и, по многим предположениям, центр мустьерской культуры отщепов, с которой, как представляется, в основном связаны неандертальцы.

В Палестине, попадающей на периферию этого культурного диапазона, раскопки в пещерах рядом с Галилейским морем и горой Кармель выявили некоторое количество неандертальских скелетов, отличающихся от европейских. Другие из них являются неандертальскими лишь частично⁴⁰. Материалы из пещер горы Кармель, находящиеся в позднем слое среднего плейстоцена и соответствующие последней части третьего межледникового периода в Европе, были найдены в центре брекчии с орудиями культуры леваллуа-мустье. Именно этих поздних мустьерцев, демонстрирующих нетипичные расовые черты, мы сейчас и рассмотрим.

В одной из пещер горы Кармель – Табун – был найден совершенно неандертальский скелет небольшой женщины. С ним была связана мужская нижняя челюсть, равная по размеру нижней челюсти гейдельбергского человека, но обладающая человеческой чертой – подбородком. В близлежащей пещере Мугарет-эс-Схул находились останки некоторого количества индивидов, включая три мужских черепа, достаточно полные для реконструкции и измерений. Предварительное описание⁴¹ этих трех скелетов и длинных костей этих и других индивидов позволяет нам достаточно точно определить их положение в родовом древе человека. Теперь известно, что они, сначала считавшиеся неандертальцами, очень похожи на человека, хотя и сохраняют некоторое количество безошибочно неандертальских характеристик.

Кости ног людей из Схул длинные и стройные, бедра имеют сильно выраженные шероховатые линии в противоположность неандертальцу. Ступни совершенно человеческие, но им недостает уменьшения, находящегося в средних фалангах современных рас, а пятки короткие. Плечи также длинные и стройные, лучевые и локтевые кости прямые вместо согнутых у неандертальцев, включая женщину из пещеры Табун. Руки людей из Схул были широкими и большими.

В тазах людей из Схул появляются определенные неандертальские черты; вся их структура ниже и уже, чем у большинства современных людей. Таз женщины из Табун, с другой стороны, совершенно отличается от других неандертальцев, обладая длинным, пластинчатым лобком, похожим на обезьяний. Позвоночный столб людей из Схул, хотя и человеческий

³⁹ Теперешнее мнение в Германии склоняется к помещению гейдельбергского человека в первый межледниковый период.

⁴⁰ Keith, Sir A., 'A Report on the Galilee Skull', в Turville-Petre, F., *Researches in Prehistoric Galilee*; Keith, Sir A., and McCown, T. W., *BASP*, #13, 1937, pp. 5–15; также 'Mount Carmel Man', etc., *Early Man*, Phila., 1937, pp. 41–52 (два вышеупомянутых заменяют другие сообщения).

⁴¹ Keith, Sir A., and McCown, T. W., *BASP*, #13, 1937, pp. 5–15.

и обладающий поясничной кривой человеческого характера, короткий в шейной области. Общая высота шейного позвонка составляет только 55,7 мм, в противоположность среднему значению 68,4 мм у современного человека. Таким образом, люди из Схул были короткошеими и в этом отношении обладали неандертальской чертой. По сравнению с неандертальцем грудная клетка у людей из Схул была плоской, а грудная клетка женщины из пещеры Табун сохранила древнюю бочкообразную форму. Ребра людей из Схул разнообразны в поперечном сечении: некоторые плоские и лентообразные, как у современного человека, другие толстые и округлые, как у неандертальца. Последняя форма также связывается с европейцами верхнего палеолита⁴², отношение которых к людям из Схул мы рассмотрим позже. Рост мужчин из Схул был большим, варьируясь от 173 до 179 см, в то время как рост женщин, рассчитанный по длинным костям, был небольшим – 158 см. Таким образом, была выявлена сильная половая дифференциация.

По черепу человек из Схул – это определенно нечто среднее между неандертальцами и сапиентными группами, но гораздо ближе к последним, так что включение его в этот вид нельзя отрицать. Черепа трех мужчин очень широкие. По длине они равны черепам из Галлей-Хилл, но сильно превосходят их по ширине; высота свода двух образцов, № 5 и № 9, измеренная от ушных отверстий, равна высоте свода образцов из Галлей-Хилл, но третий, № 4, низок, как и у настоящих неандертальцев, в то время как большая ширина этих образцов в каком-то роде ее компенсирует, позволяя большую вместительность, чем у двух других. Далее, по форме свода двое в основном сапиентны, а один из измеренных кажется по большей части неандертальцем. Объем этих трех черепов – 1588, 1600 и 1616 куб. см соответственно – гораздо больше, чем у черепов из Галлей-Хилл или других этого рода, и больше, чем у большинства современных людей. В то же время они превышают большинство значений у неандертальцев. Как по размерам мозга, так и по росту человек из Схул превосходил как неандертальца, так и *Homo sapiens*.

Сохранившийся лучше других и наиболее полный образец № 5 – это тяжелый, толстый череп с тяжелыми надбровными дугами, которые, однако, не достигли максимального неандертальского развития. Наибольшая длина попадает на заднюю часть выше, чем у неандертальцев; хотя затылок выступающий, по форме он не конический, как у многих неандертальских образцов. Свод хорошо изогнут, ламбдовидная область слегка сплюснута, а лоб не более покатый, чем у многих современных сапиентных черепов.

Лицо, хотя и большое, не достигает гориллоподобных пропорций неандертальца и попадает по высоте и ширине в современный диапазон. Межорбитальное расстояние относительно большое, верхние границы орбит прямые. Области как верхней, так и нижней челюстей большие и грубые, превышающие большинство современных образцов, а альвеолярный прогнатизм чрезмерен. У нижней челюсти, однако, совершенно человеческий подбородок, а зубы, как и у образцов из пещеры Табун, не обладают тавродонтизмом. Нёбо, если смотреть снизу, большое и длинное по отношению к его ширине, в отличие от неандертальцев, у которых ширина превышает длину. Большое отверстие (*foramen magnum*), как и у неандертальцев, узкое и длинное.

Хотя мы обсудим антропометрическое положение черепов из Схул ниже более подробно, стоит заметить в настоящий момент, что по большинству черт, которые можно измерить, образец № 5 находится между *Homo sapiens*, представленных Галлей-Хилл и более поздними примерами этого же типа, и неандертальцем, известных по всему количеству образцов этого вида⁴³.

⁴² Aichel, O., *Der deutsche Mensch*, p. 30.

⁴³ Цифры для последнего получены из Morant, G. M., *AE*, vol. 2, 1927, pp. 376–377.

Кис и Маккаун показали, что скелеты из Схул, без особых сомнений, находятся между неандертальцем и *Homo sapiens*, и, следовательно, неандертальца нужно включить в число предков современных рас. Таким образом, мнение Грдлички, Айхеля⁴⁴ и других, высказанное ранее на основе равно действительных, но менее убедительных свидетельств, наконец-то подтверждено в том или ином смысле. Теперь мы знаем, что неандерталец не вымер, а растворился в генетическом котле современного человека. Если это произошло один раз, это могло произойти также и много раз. Теперь есть возможность открытия остатков несапиентных ассимилянтов в современных расах в других частях земли. Эту честь, однако, нужно использовать с осторожностью.

⁴⁴ Hrdlička, A., The Skeletal Remains of Early Man, MCSI, vol. 83, 1930. Aichel, O., Der deutsche Mensch.

6. Верхнепалеолитический человек в Европе: общие свидетельства

Следующим шагом будет изучение свидетельств, демонстрирующих расовую структуру населения Европы верхнего палеолита. До открытия фрагментов из Сванскомба это были самые древние сапиентные останки, определенно поддающиеся датировке, к удовлетворению всех интересующихся ученых, и неподвластные сомнениям, отбросившие все, возможно, более древние находки в тень.

Население верхнего палеолита, носители самой ранней фазы ориньякской культуры, появилось в Европе с середины лауфенского межледникового периода, между отступлением вюрма-I и наступлением вюрма-II. На основе точной скандинавской хронологии возможно установить конец верхнего палеолита в Европе с большей точностью: видимо, дата 11 800 лет до н.э. отмечает поворотную точку, знаменующую миграцию оленей на север и первое появление мезолитической культуры. Учитывая текущие различия во мнениях между геологами, кажется неразумным устанавливать даже пробную дату для этой точки. В любом случае, время, прошедшее во время верхнего палеолита, должно быть, обеспечило достаточное место для изменения некоторых наименее стойких физических черт человека, особенно при условии влияния суровых климатических условий и особой диеты.

Мы не должны придавать слишком большое значение небольшой разнице в росте как средству определения генетического родства или дистанции, особенно в периодах в десятки тысяч лет. Также и форма головы, хотя и изменяется с гораздо меньшей скоростью, чем рост, так как непосредственно связана с общими размерами, тем не менее, управляется соответствующими стимулами, и нас не должно удивлять, если длинные головы в некоторых примерах становятся круглыми за время сотен поколений.

Следовательно, изучая останки плейстоценового и послеплейстоценового человека, нужно быть осторожными, чтобы не спутать черты, важные для определения расы, с прогрессивными модификациями, которые могут происходить в ответ на культурные изменения внутри любой группы. Такие модификации особенно касаются челюстей и зубов. Среди более первобытных белых народов, таких как берберы и албанские горцы, резцы двух челюстей встречаются край к краю, как у большинства средневековых обитателей Западной Европы. В современных условиях это состояние быстро изменяется на вертикальное перекрытие, и часто оно сопровождается сужением нёба и уплотнением зубов, делая выгодной современную ортодонтию. Это изменение прикуса также влияет на положение губ и меняет все выражение лица.

Другая модификация, которая, кажется, происходила с определенной быстротой, – это увеличение жевательных мышц в субарктических условиях. По мере того как эти мышцы увеличивались, углы нижней челюсти «выворачивались» наружу, увеличивались в горизонтальной плоскости скуловые дуги, а в ответ на усиление височного мышечного соединения мозговая коробка часто уплощается. В то же время, как челюсть, так и нёбо развивают валики. Эти коррелирующие изменения действовали независимо от расы, так как это, очевидно, функциональные адаптации. Они также действуют с определенной быстротой, ибо средневековые исландцы приобрели их за менее чем четыре столетия⁴⁵. Они происходят в разной степени как среди поздних верхнепалеолитических европейских черепов, так и среди эскимосов и современных сибиряков.

⁴⁵ Hooton, E. A., AJPA, vol. 1, 1918, pp. 53–76.

Следовательно, при изучении останков людей верхнего палеолита мы должны быть особенно осторожны, помня, что их промежуток времени был неоспоримо больше, чем все прошедшее время с его конца. Мы также должны помнить, что люди, победившие холод, жили в новых и суровых климатических и диетических условиях, и что эти условия, должно быть, сильно повлияли на более пластичные элементы их телесной формы. Таким образом, метрические и морфологические отличия физического типа, которые появляются за время этих тысячелетий, могут предполагать в некоторых случаях скорее реакцию на среду, нежели различие в происхождении.

Из всех областей Европы, которые, как мы знаем, были заселены во время верхнего палеолита, для определения возраста вниманию компетентных специалистов были представлены около сотни черепов, откопанных в то или иное время за последнее столетие. Однако из этой сотни или большего количества черепов только шестьдесят были измерены и описаны. В этой группе у нас есть достаточно большие серии для применения биометрических методов, в противоположность останкам более древних нечеловеческих видов, состоящих по большей части из отдельных образцов, к которым можно подходить только с морфологической и анатомической точки зрения.

К сожалению, эти черепа не представлены в равных пропорциях из всех стран, в которых обнаружены культуры верхнего палеолита. Пока что самое большое их количество происходит из Франции, где они сохранились в пещерах и где интерес к археологии на протяжении целого столетия был выше, чем в любой другой европейской стране. Меньшие количества происходят из Англии, Испании, северной Италии, Германии, Чехословакии, Польши и России. Изучая эту группу черепов как единое целое, мы должны помнить, что в ней в основном представлены западноевропейские элементы.

Морант – в настоящее время лидер английской биометрической школы – внес ценный вклад в статистическое изучение этих черепов⁴⁶ (см. приложение I, кол. 1). К 27 измеренным им самим черепам он добавил 25 измеренных другими исследователями. Эти 52 черепа, не вызывающие сомнения в своем геологическом возрасте, составляют ядро его исследования. Из этих черепов 70% происходят из первого, или ориньякского, периода.

Хотя в более поздних частях этой главы мы изучим положение этих черепов по областям и периодам времени, сейчас имеет смысл последовать Моранту и трактовать эту группу черепов как единое целое. Несмотря на то, что европейцы верхнего палеолита были продуктом более чем одного завоевания, и несмотря на то, что они жили на протяжении долгого времени и занимали пространство, включающее большую часть континента, первый из нескольких поразительных результатов Моранта – это то, что эта подборка только немного более разнообразна в общих чертах, чем можно найти в любом большом собрании черепов последнеледниковых людей, объединенных во времени и пространстве. Фон Бонин, работая с длинными костями и конечностями, получил точно такой же результат⁴⁷.

Изумительно обнаружить, что люди верхнего палеолита были в целом менее разнообразны, чем население Лондона, погребенное во время чумы в XVII в. Они были менее разнообразны, чем современное сельское население небольшой области Каринтия, и только немногим более разнообразны, чем черепа крайне изолированных эскимосов Гренландии, чей временной интервал покрывал максимум несколько столетий, или египтян, погребенных в Гизе между двадцать шестой и тридцатой династиями.

Большая расовая сложность современной Европы в основном имеет своей причиной послеплейстоценовые миграции с других континентов, а сохранение местных типов в современном населении отражает большую изоляцию скорее крестьян, нежели охотников,

⁴⁶ Morant, G. M., AE, vol. 4, 1930–31, pp. 109–214.

⁴⁷ Bonin, G., von, HB, vol. 7, 1935, pp. 196–221

в небольших областях. Но население верхнего палеолита ни в коем случае не было совершенно гомогенным, как будет позднее продемонстрировано при изучении отдельных черепов в их хронологическом и географическом контексте.

Так как Морант показал, что эта общая верхнепалеолитическая группа достаточно единообразна, чтобы рассматривать ее как одну популяцию⁴⁸, мы можем обобщить черты большинства ее членов. Первая и самая заметная из них – это очень большой размер мозговой коробки. В большинстве случаев он больше, чем у людей из Галлей-Хилл и современных людей, и сравним по размерам с образцами из пещеры Схул. Он обнаружен почти у всех черепов, независимо от их размеров и форм. Однако черепные указатели очень разнообразны, варьируясь от 65 до 85, и это разнообразие слишком большое, чтобы делать вывод об одном гомогенном типе.

По этим черепам мужчин легко отличить от женщин, так как различие между полами сильнее, чем обычно наблюдается среди менее древних групп людей. То же самое верно для длинных костей и роста⁴⁹. Это конечно же подразумевает большее развитие вторичных половых признаков. В мужских черепях все костные отметки явно выражены, надбровные дуги, как правило, тяжелые, лица очень широкие с выступающими скулами. Высота верхней части лица разнообразная – у большинства от средней до малой, а у других достаточно большая.

Одна из наиболее отличительных черт большинства (но не всех) этих черепов – это очень широкие и очень низкие орбиты. Носовые кости почти всегда выступают⁵⁰. Корень носа, хотя над ним глубоко нависает надпереносье, тем не менее высокий, а костяной профиль носа, как правило, прямой или выпуклый. Носовая ость острая, а низшая ее граница хорошо отмечена. В целом носы находятся в промежутке от лепторинных до мезоринных.

Нижняя челюсть так же хорошо представляет этих индивидов, как и череп. Эта кость глубокая, широкая и тяжелая, с выпуклыми углами и выступающим подбородком. Небо значительно шире, чем у большинства современных людей, хотя зубы не такие уж большие. Если судить о форме лица только по своду черепа, большая ширина лица в совокупности с переменной длиной в большинстве случаев согласуется с малым верхним лицевым указателем, что помещает эти черепа в категорию эуриенных. Однако если подсчитать общий лицевой указатель, многие из этих черепов являются лептопрозопными, так как большая высота симфиза нижней челюсти компенсируется малым расстоянием от назиона до альвеолярной точки. Увеличение нижней части лица – это одна из главных диагностических черт этого человеческого типа, и намек на нее все еще можно видеть среди некоторых современных народов Северной Европы.

По всей общности лицевых признаков, за небольшими исключениями, можно сказать, что население верхнего палеолита напоминает современных европеоидов. Возможно, однако, что некоторые выглядели как определенный тип американских индейцев, особенно как индейцы североамериканских равнин и индейцы племен *она* и *теуельче* южной оконечности Южной Америки. Мы должны помнить, что это сравнение является только морфологическим, так как нам неизвестна пигментация, форма и распределение волос населения верхнего палеолита.

Скелеты населения верхнего палеолита отличаются в размерах по подпериодам, как будет вскоре продемонстрировано, но в целом как группа оно было высоким, с длинными и стройными конечностями, с узкими губами, широкими плечами и большими руками и

⁴⁸ Под словом «популяция» мы не обязательно понимаем массу людей одного расового происхождения. Мы имеем в виду группу людей, объединенную генетическим смешением (*interbreeding*) и составляющую географическое и социальное единство. Такая популяция конечно же может иметь происхождение из более чем одного источника.

⁴⁹ Bonin, G., *von*, *op. cit.*

⁵⁰ Исключение составляют т.н. «негроиды Гримальди».

ногами. В целом кости конечностей были не очень крепкими, и отношение конечностей, определяющее относительную длину частей рук и ног и рук к ногам, не было стабильным.

Средний рост мужчин был около 173 см, женщин – 155 см. Мужчины были выше среднего роста любой европейской страны, за исключением Исландии и Черногории, но не выше современных американцев. С другой стороны, женщины были действительно невысокими. Эквивалентами этих средних размеров в футах и дюймах являются 5 футов 9 дюймов и 5 футов 1/2 дюйма. Для сравнения, рост людей из Галлей-Хилл составлял только 5 футов 2 дюйма.

Морант в своем статистическом исследовании сравнил образцы верхнего палеолита с длинным списком послеплейстоценовых черепных серий. Он обнаружил, что древняя группа превышает все более поздние с широким отклонением по семи размерам⁵¹, достигая предела современных средних значений по шести другим⁵². Это массовое отклонение, по мнению Моранта, помещает людей верхнего палеолита на один конец шкалы, а остальное более позднее человечество – как белое, так и все остальное – на другой.

С Морантом можно поспорить, представив небольшие серии или подсерии, противоречащие этому выводу. Например, черепа индейцев *она* из Тьерра-дель-Фуэго⁵³, серия черепов бронзового века из Эстонии⁵⁴ – и такая же серия железного века с норвежского побережья⁵⁵ – такие же большие по размерам лица и черепа. Но эти исключения ни в коей мере не делают несостоятельным его открытие: люди верхнего палеолита, несмотря на свою в общем европейскую внешность, отдаляются по многим метрическим характеристикам от большинства современных людей и, собственно говоря, также и от доориньякских сапиентных людей. Причину этого отклонения нетрудно обнаружить, но мы должны медленно подойти к этому очевидному заключению, чтобы убедиться в точной реконструкции доисторических событий.

⁵¹ Длина горизонтальной окружности, длина от глабеллы до затылочной точки, сагиттальная дуга от глабеллы до опистиона, дуга назиион-брегма, внутреннее биорбитальное расстояние, скуловой диаметр и длина большого отверстия (foramen magnum).

⁵² Поперечная длина окружности черепа, дуга брегма-ламбда, астерионная ширина, бимаксиллярная ширина, ширина орбиты. Эти пять черт, по Моранту, попадают в диапазон 1 мм от самых больших средних послеплейстоценовых величин. Он обнаруживает, что высота орбиты на 0,7 мм меньше, чем самая маленькая сравнимая средняя величина.

⁵³ Морант в своей группе «Фуэжцы, объединенные» смешал черепа индейцев *она* с черепами более низких и весьма отличающихся яганцев. Если выделить черепа индейцев *она* из первоначальных таблиц Лебцельтера, мы обнаружим, что европейские средние величины верхнего палеолита Моранта в своей основе повторяются.

⁵⁴ Friedenthal, A., ZFE, vol. 63, 1931, pp. 1–39.

⁵⁵ Schreiner, K. E., SNVO, II, #11, 1927, pp. 1–32.

7. Хронологическая и географическая дифференциация европейской ориньякской группы

Ориньякская культура отщепов⁵⁶, с которой в Европе начался верхнепалеолитический период, не была единой на протяжении всего своего временного периода, а, видимо, состояла из нескольких отдельных общностей, происходящих из более чем одного неевропейского источника.

Первый ориньякский уровень в Европе – шательперронский – представлен только тремя скелетами. Они включают в себя двух «негроидов» из Пещеры Детей, Гримальди, возле Ментона, и Комб-Капель. Из этих трех скелетов пара из Гримальди, вероятно, самая древняя. Кроме того, что они принадлежат к раннему ориньякскому периоду, точнее оценить их возраст не представляется возможным⁵⁷. Это останки взрослой женщины и юноши. Отвлекаясь от их расовых черт, мы можем сказать, что они были полностью сапиентными и напоминают людей из Галлей-Хилл ростом и общей формой черепного свода. Однако их размеры свода меньше. Таким образом, они не демонстрируют ни больших размеров, ни грубости черепов общей верхнепалеолитической группы, ни гигантского роста.

В других отношениях они были, очевидно, в чем-то негроидны в том смысле, что они обладали чертами, отличающимися от современного европеоидного стандарта в сторону современного негроидного ствола⁵⁸. Эти черты включают практическое отсутствие надбровных дуг, резко скошенную лобную кость, низкие и широкие носовые кости, углубленную нижнюю границу носового отверстия, альвеолярный прогнатизм, большое нёбо и зубы. Далее, орбиты относительно узкие, а лицо в абсолютном измерении короткое и узкое. Однако по пропорциям конечностей кости демонстрируют различие между этими людьми и людьми из Галлей-Хилл, так как периферийные сегменты относительно длинные, а руки длинные по отношению к ногам⁵⁹. В этом, как и в обладании длинными пятками⁶⁰, образцы из Гримальди являются по-настоящему негроидами и вновь опровергают единство всех верхнепалеолитических образцов.

Нет типа человека, более полно являющегося сапиентным⁶¹, чем негроид. Два образца из Гримальди, являясь частично негроидным вариантом или родственниками группы из Галлей-Хилл, совершенно отделены от линии или эволюции, произведшей как палестинцев из Схул, так и более поздних европейских ориньякцев. В этом отношении спор о том, насколько они были негроидными, не имеет значения.

Таким же образом не стоит сейчас углубляться в спор, откуда они пришли в Европу в авангарде миграций верхнего палеолита. Они, должно быть, произошли из Африки или юго-западной Азии, но пока не найдены другие люди такого же типа, этот вопрос остается открытым. Они могут представлять собой древнюю смесь европеоидов с негроидами или же протонегроидов в процессе специализации⁶². Впрочем, они, возможно, слишком поздние, чтобы быть современниками расы, которая могла бы быть общим предком негров и белых.

⁵⁶ Garrod, Miss D. A. E., RBAA, Pres. Ad., Sect. H., 1936, pp. 155–172.

⁵⁷ Hopwood, A. T., op. cit.

⁵⁸ Verneau, R., «Anthropologie», в Les Grottes de Grimaldi, vol. 2, fasc. 1. Кис (Antiquity of Man, p. 67) и Морант (AE, vol. 4, 1930, pp. 116–119) совершенно отрицают этот негроидный характер; Морант – на основе неверной реконструкции, преувеличившей прогнатизм молодого человека.

⁵⁹ Bonin, G., von, op. cit. p. 205.

⁶⁰ Ibid., p. 215.

⁶¹ В противоположность неандертальцу.

⁶² Montandon, G., RA, vols. 4–6, 1936, pp. 105–139.

Исследование третьего образца – мужского скелета из Комб-Капель – больше подходит к нашей проблеме. Как и два негроида Гримальди, он совершенно отличается от всего корпуса черепов и длинных костей верхнепалеолитического населения людей. Хотя его череп такой же высокий, как среднее значение всей серии, его свод значительно уже, несколько выше и меньше по объему. По деталям формы свода он существенно похож на Галлей-Хилл, но он даже уже, чем последний.

Лицо черепа из Комб-Капель является самым древним, которое может быть определено соотнесено с типом свода Галлей-Хилл. Здесь оно опять отличается от среднего ориньякского, ибо скуловой и бигональный диаметр так же малы, как и у большинства длинно-головых белых людей, а лицо, орбиты и нижняя челюсть узкие. Носовое отверстие шире, чем у большинства более поздних верхнепалеолитических черепов, но носовые кости по форме европеоидные. Прогнатизма не наблюдается, а подносовой сегмент лица не является исключительно большим. Как и человек из Галлей-Хилл, человек из Комб-Капель был невысоким – 160–162 см.

В изучении черепов остальных ориньякцев будет необходимо объединить все подпериоды, так как в большинстве случаев не было сделано никакого распределения. Далее, черепа, которые могут быть солютрейскими, также включены сюда. Это исследование также включает знаменитых кроманьонцев из Франции и моравских охотников на мамонтов, живших на открытых пространствах и хоронивших своих мертвых в гробницах, построенных из челюстей и лопаток мамонтов.

Несмотря на общую гомогенность людей верхнего палеолита, можно продемонстрировать, что эти две группы, западная и восточная, определенным образом отличаются друг от друга. Обе эти группы были высокими, с ростом свыше 170 см, и в этом подобии роста они отличаются от немногих представителей раннего ориньяка, которых мы изучили.

Как западный, так и восточный типы обладали особыми чертами верхнепалеолитических людей, описанными выше. Но еще одна основная особенность, отличающая их, – это черепной указатель. У кроманьонцев, сконцентрированных во Франции, диапазон указателя составляет 69–85, в то время как у восточной группы, включающей русские черепа, этот диапазон составляет 64–76. Средний указатель французских черепов равен 76, а у восточной группы в тот же период времени он равен 71. Другими словами, восточный ориньякский тип, как и типы Галлей-Хилл и Комб-Капель, был чисто долихоцефальным, а средние и поздние ориньякцы Франции включают определенное количество брахицефального элемента, достигающего верхнего предела 85 в мужском черепе Солютре № 2.

Западная группа получила название «кроманьонской» по старческому мужскому черепу, который обычно берется в качестве стандартного примера этого типа и который обладает наиболее типичными верхнепалеолитическими чертами. У черепов этого типа довольно плоский свод, самые низкие и широкие орбиты во всей серии и низкие, очень широкие лица. Их носовые отверстия средней ширины, а носовые кости сильно изогнутые и выступающие.

РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ ЧЕРЕПАМ

Рис. 2. Неандерталец (Ла-Шапелль).

Рис. 3. Кроманьонец («Старик» из Кроманьона).

Реконструкции, выполненные под руководством профессора В. Лебцельтера: рис. 13 г-на Фарвикеля, рис. 14 г-на Э. Гренцера. MAGW, vol. 65, pp. [4], [26].

Конечно же самый брахицефальный череп демонстрирует совершенно иную форму черепного свода. Этот образец Солютре № 2 – большой череп, принадлежавший высокому человеку. Однако его лицо демонстрирует типично кроманьонские черты – выпуклые скулы и широкие челюсти в сочетании с очень низкими орбитами. Кроманьонский характер этого лица, хотя и выражен, не так наглядно, как в долихоцефальных примерах, так как его затемняет выпуклость висков. Следовательно, кроманьонский тип в самом широком смысле включает как длинноголовые, так и круглоголовые экземпляры с переходными формами между ними, и его отличительные черты выражены в самых круглых черепах так же сильно, так и в более многочисленных узких.

Теперь обратимся к Центральной и Восточной Европе и изучим чисто длинноголовые примеры с этой части континента. В общем они напоминают увеличенные и лепторинные черепа из Комб-Капель с низкими орбитами, широкими лицами и тяжелыми челюстями, найденными в избытке дальше на западе. Однако некоторые черепа отклоняются в различных направлениях от стандарта; из них заслуживают внимания три: Брюнн № 1, Лауч и Пржедмости № 3.

Брюнн № 1, у которого отсутствует лицо, но присутствует нижняя челюсть, по форме и размеру свода, а также нижней челюсти, является двойником Комб-Капель. Лауч, у которого есть лицо, частично принадлежит к тому же общему классу, но он шире. Однако его лицо узкое, и в этом он соответствует типу Комб-Капель. В общем, восточные черепа, подвергавшиеся влиянию, приведшему к увеличению размеров и необычным для кроманьонцев костям, тем не менее, находятся ближе к более древней форме Галлей-Хилл и не были затронуты какими-либо влияниями, вызвавшими брахицефалию у некоторых из западных образцов.

Третий из этих не совсем типичных восточных черепов – Пржедмости № 3⁶³ – обладает большой ценностью, ибо он определенным образом демонстрирует причину общих особенностей верхнепалеолитической серии и причину их отделения от массы современного человечества, продемонстрированную Морантом. Эта причина состоит просто-напросто в том, что Пржедмости № 3 как морфологически, так и метрически очень сильно напоминает череп Схул № 5, и ни один из этих двух образцов заметно не отклоняется от верхнепалеолитических средних метрических значений.

В общем, верхнепалеолитическая группа, включая Пржедмости № 3, является промежуточной между типом Галлей-Хилл–Комб-Капель и неандертальцами, известными нам из европейской неандерталоидной группы⁶⁴. В первую очередь, горизонтальная длина окружности, измеренная над надбровными дугами, варьирует от 538 до 563 мм у неандертальцев-мужчин. Средний размер для верхнего палеолита – 549,1 мм, отдельная цифра для Пржедмости № 3 – 556 мм, для Комб-Капель – 527 мм, что ближе к современному долихоцефальному среднему значению. В ширине лица неандертальская цифра представлена Ла-Шапель-о-Сен – 152 мм, а у юноши из Ле-Мустье – 148 мм. Средняя величина для верхнего

⁶³ Его можно было связать даже с культурой Солютре.

⁶⁴ Размеры из таблиц Моранта в AE, vol. 2, 1927, pp. 376–377.

палеолита – 142,8 мм, Пржедмости № 3 – 144 мм, а Комб-Капель – 137 мм. Опять же, Комб-Капель представляет современного европейца, а верхнепалеолитическая группа занимает промежуточную позицию.

Такая же средняя позиция найдена в некотором числе других черт, включая ширину и высоту свода, минимальную ширину лба, ширину орбит и расстояние между орбитами. В отдельных случаях, как в Пржедмости № 3, верхняя высота лица также средняя, но в группе в общем она не является таковой, ибо преобладают меньшие размеры. То же самое верно в отношении размеров носа, по которым человек верхнего палеолита явно не является неандертальцем. Длины черепов верхнепалеолитической группы не больше таковых у Комб-Капель и Галлей-Хилл; на самом деле они часто меньше. Причиной этого может быть то, что эквивалентный неандерталоидный диаметр включает надбровные дуги, которые, будучи убранными, делают длину мозга несколько меньше, чем у типа Галлей-Хилл.

Рост верхнепалеолитической группы равняется росту группы из Схул; половая дифференциация по размерам такая же; как тазы, так и секция ребер схожи. Руки и ноги такие же большие.

Если европейская группа, за исключением Пржедмости № 3, выглядит менее неандерталоидной, чем группа из Схул, то это неудивительно. Расстояние во времени между этими двумя группами, вероятно, так же велико, как между началом среднего ориньяка и современностью, или даже еще больше. Далее, мы сравнивали европейские верхнепалеолитические скелеты со скелетами европейских неандертальцев. Хотя ориньякские охотники Европы, возможно, ассимилировали некоторых из местных выживших неандертальцев, похоже, что главное включение этого элемента произошло восточнее⁶⁵, и мы не знаем, были ли ассимилированные подобным образом так же специализированы в несapiентном направлении, как европейские экземпляры.

Признавая частично неандерталоидный характер верхнепалеолитического человека (что не является новой теорией), мы должны признать в то же время некоторые генетические принципы, которые применяются к современным гибридам между далекими расами⁶⁶, а также к этим межвидовым гибридам. Хотя в большинстве случаев правилом является смешение, в некоторых случаях проявляется простое доминирование; и из-за этого смешения появляются сильные изменения в размерах. Рост гибридов превышает рост родителей, и из-за общего генетического столкновения размер мозга становится больше, чем у более ранней чисто сапиентной расы.

Нужно признать, что есть и альтернативная интерпретация неандерталоидных черт верхнепалеолитического человека. Это то, что он представляет собой эволюцию неандертальца в направлении к сапиенсу; что различные ветви неандертальцев эволюционировали в сапиенсов в разное время и что люди из Сванскомба–Галлей-Хилл–Канамы–Канжеры прошли через этот процесс гораздо раньше, чем рассматриваемая нами группа.

Для целей настоящего исследования не имеет значения, прошел ли ранний вид сапиенс, полностью развившийся к среднему плейстоцену, через неандертальскую стадию в своей предыдущей истории, или же он произошел непосредственно от какого-то менее геронтоморфного и более гиббоидного предка. Сейчас уместен вопрос, нужно ли рассматривать верхнепалеолитических людей из Схул как гибридов сапиенса и неандертальцев или просто как эволюционирующих неандертальцев; в каком случае гибридизация, соединяющая верхнепалеолитических людей с современными европейцами, произошла бы позднее?

⁶⁵ Ориньякская культура, видимо, не смешивалась с местной мустьерской культурой в Западной Европе, за исключением немногих сомнительных случаев. См. Leakey, L. S. B., *Stone Age Africa*, pp. 185–186. В целом теория о том, что европейские неандертальцы вымерли или ушли до прибытия ориньякцев, не отрицается открытием неандерталоидных черт у средне- и позднеориньякского человека.

⁶⁶ Shapiro, El. L., *MBM*, vol. 11, 1929, pp. 1–106; *The Heritage of the Bounty*, pp. 217–233.

Все существующие свидетельства, как соматологические, так и археологические, указывают на первую гипотезу, которую мы приняли вместо дальнейшего рассмотрения как один из главных тезисов в нашей реконструкции европейской расовой истории.

Возвращаясь к рассмотрению верхнепалеолитической европейской группы, мы видим, что различие между восточными и западными ориньяками, наиболее заметное в тенденции к брахицефализации у последней, не получило своего объяснения. Однако возможно, что ее причиной было различное смешение между сапиенсом и более чем одним неандерталоидным типом. Неандертальцы Европы, жившие в западной части континента, различаясь по черепному указателю от 67 (Гибралтар) до 77 (Ла-Квинья), находились недалеко от французского среднего значения 76 для верхнего палеолита.

При измерении от офирона – точки на лобной кости за надбровными дугами у черепов этих неандертальцев – обнаруживаются следующие длины: три мужчины – 193, 186 и 187 мм; три женщины – 185, 183 и 186 мм. Они меньше, чем средние значения верхнего палеолита Франции, измеренные с этой же точки (195,6 мм для мужчин, 188,6 мм для женщин). Черепные указатели, вычисленные по этим длинам, находятся выше 80 для пяти случаев из восьми. Таким образом, в неандертальской группе, какой мы ее знаем, присутствовала тенденция к брахикрании или к брахицеребральной черепно-мозговой форме, которая вместе с редукцией надбровных дуг при смешении могла вызвать брахицефалию у некоторых гибридов. Таков, возможно, был случай французских брахицефалов, особенно у образца Солютре № 2, у которого длина черепа 182,5 мм является не более чем предположением.

Как читатель уяснил из предыдущих страниц, изучение расового вопроса в Европе во время наступления последнего ледника – непростой вопрос, и его нельзя решить легко. Будет полезным изучить параллельное развитие и в других частях света, особенно в Африке.

8. Верхнепалеолитические охотники Северной Африки

В период позднего плейстоцена во время вюрмских оледенений в Европе и в Северной Африке, включая современные Марокко, Алжир и Тунис, был прохладный климат и обильная растительность, что делало ее превосходным местом для проживания людей. К счастью, было изучено много скелетов из позднего плейстоцена этих стран, и при помощи сравнения мы можем значительно дополнить нашу информацию из Европы.

Во время верхнего палеолита в Северной Африке присутствовали три культуры, существовавшие одновременно как географические комплексы: капсийская, покрывающая ограниченную территорию в Тунисе и восточном Алжире; оранская – родственная ей культура, простиравшаяся в провинциях Алжира и Константина в пределы Марокко; и атерийская вдоль марокканского побережья.

Капсийская и оранская культуры были в своей основе связаны с ориньяком Европы, но содержали в своей истории микролитические лезвия, которым после конца ледникового периода было суждено продвинуться на север и завоевать Европу уже в качестве тарденуазских. Капсийская культура, возможно, с востока продвигалась на запад вдоль южного побережья Средиземного моря; оранская культура была не чем иным, как западным ответвлением капсийской культуры; атерийская же культура была затянувшимся остатком мустьерской, с течением времени накопившей свои особенности и постепенно вытесненной к атлантическому побережью оранской культурой.

Сегодня считается, что Северная Африка во время позднего плейстоцена была пограничным убежищем, а не магистральной дорогой передвижения культур. Гибралтар служил в большей степени барьером, нежели мостом. Ничто не может лучше удостоверить пассивную культурную роль Северной Африки во время этого периода, чем тот факт, что атерийская культура среднего плейстоцена выработала свою особую технику намного позже того, как мустьерская культура, от которой она произошла, в других местах уже прекратила свое существование.

Такие эксперты, как Менгин, Обермайер и Лики, единодушны в утверждении⁶⁷, что ранние фазы капсийской и оранской культур, появляясь непосредственно после мустьерской, сравнимы по времени с верхнепалеолитическими культурами Европы. В то же время г-жа Гаррод на основании работы Вoffри приписывает им более позднее происхождение⁶⁸.

Здесь мы можем только согласиться с Менгином в том, что, хотя точное временное соотношение верхнепалеолитических культур Северной Африки и Западной Европы пока еще неясно, они могут рассматриваться как приблизительно параллельные. В настоящее время существует общее соглашение, что существенные элементы как европейских, так и североафриканских верхнепалеолитических культур появились с востока и хотя бы частично имеют общее происхождение.

Пока что все человеческие останки позднего плейстоцена из Северной Африки происходят из провинции Константина, где была проведена большая часть археологической работы. Общее количество этих скелетов, вероятно, достигает сотни, но, к сожалению, полностью сохранилось или полностью изучено менее половины из них⁶⁹. Они происходят по

⁶⁷ Menghin, O., *Weltgeschichte der Steinzeit*, pp. 34–35; Obermaier, H., *AAZ*, vol. 7, 1931, pp. 259–265; Leakey, L. S. B., *Stone Age Africa*, pp. 105–111.

⁶⁸ Garrod, Miss D. A. E., *RBAA*, Pres. Ad., Sect. H.; Vaufray, R., *Anth*, vol. 43, 1933, pp. 457–483.

⁶⁹ Но два удовлетворительных сообщения все же были опубликованы: Boule, Vallois, and Verneau, *Les Grottes Palaeolithiques de Beni Séghoual*, часть II; Cole, Fay-Cooper, *LMB* #1, 1928, раздел, посвященный скелетному материалу.

большей части из двух больших стоянок – Афалу-бу-Руммель и Мехта-эль-Арби. Первая из них оранская, а вторая капсийская.

Афалу-бу-Руммель – это ранняя оранская стоянка. В этом раннем слое Арамбург выделяет два уровня – нижний и верхний. Нижний можно сопоставить с ранним ориньяком Европы по одной системе или со средним или поздним ориньяком по другой.

Нижний уровень представлен одним скелетом взрослого мужчины, на который мы будем ссылаться по его номеру в каталоге – 28. Это был низкий человек ростом около 161,5 см, эквивалентный в этом отношении людям из Галлей-Хилл, Комб-Капель и мужчине-негроиду из Гримальди. Его череп сильно отличается от других, взятых с верхнего уровня той же стоянки. Он имеет яйцеобразную форму, гипердолихоцефален и обладает низким сводом, покатым лбом, большим U-образным нёбом и высокими орбитами. Он только относительно массивен, и в этом отношении в общем равен образцам из Комб-Капель. Этот череп принадлежит общему европеоидному типу, и его без особых трудностей можно поместить в общий класс Галлей-Хилл и Комб-Капель. Как и у последнего, его носовое отверстие широкое, а носовой указатель хамеринный.

В верхних слоях ранней оранской культуры у Афалу-бу-Руммель были найдены 49 других черепов. По физическому типу они близко соответствуют человеку среднего и позднего ориньяка Западной Европы, но эти две группы не являются тождественными. Как и человек из Кроманьона, все изученные скелеты из Афалу высокие (средний рост – от 171 до 175 см по различным методикам). Их пропорции конечностей с длинными периферийными сегментами похожи на многих из группы, а их руки и ноги таким же образом как длиннее, так и шире, чем у большинства европейцев. Общая высота позвоночника показывает, что их тела, как и их ноги, и общая масса типичного мужчины в хорошем состоянии, должно быть, были большими.

Большое отношение длины ключицы к длине плеча (ключично-плечевой указатель) показывает, что у них были более широкие плечи, чем у большинства современных белых людей – эта черта заметна также у скелетов из Шанселяда и Оберкасселя, и, возможно, это верно для всей европейской группы в целом. Тазы высокие и имеют узкие отверстия; ноги сильно изогнуты, с хорошо развитыми пятками; а размер и мышечные отметки длинных костей четко отличают мужчин от женщин. Все телесные черты этих людей разделяют и кроманьонцы, и все они, в общем смысле, европейские.

Черепы из Афалу основательно описаны и хорошо проиллюстрированы. В целом это очень большие черепы с низкими орбитами, толстыми костями и отмеченные выступающим рельефом мышечных креплений. Надбровные дуги формируют тяжелый выступ – он даже больше, чем у кроманьонцев в большинстве случаев. За выступающей глабеллой лоб покатый во всех случаях. Вертикальные лбы, часто встречающиеся среди современных европеоидов, особенно женщин и у некоторых кроманьонцев, здесь не представлены. Объединение теменных и затылочных костей всегда отмечено ламбдоидным понижением или уплощением⁷⁰, а ниже этого понижения затылок обычно караваеобразный и выступающий. Сосцевидные отростки сильно развиты, а толщина свода больше, чем у современного человека, но не больше, чем у кроманьонца.

Метрически мужские черепы (см. приложение I, кол. 3) практически идентичны черепам всех европейских серий за исключением тех, которые немного короче и выше в размерах свода, а верхняя часть лица немного короче. В этих отклонениях от общей европейской группы они напоминают западную группу, или кроманьонцев. Черепные указатели 23 мужчин колеблются в диапазоне от 70 до 80 со средним значением 74,8. Женские значения

⁷⁰ Эта черта весьма распространена среди современных племен Северной Африки, а также среди черепов с Канарских островов. См. Coon, C. S., *Tribes of the Rif*, p. 312.; Hooton, E. A., *The Ancient Inhabitants of the Canary Islands*, p. 134.

таковы: диапазон 70–84, среднее значение 75,7. Как по диапазону, так и по средним значениям формы головы серия из Афалу идентична серии из Кроманьона.

Нос типа Афалу совершенно европейский по устройству костей. Парные носовые кости соединяются под острым углом без следа уплощения, а переносица высокая и в большинстве случаев выпуклая. Носовая кость крепкая и выступает далеко вперед. Носовой указатель, находящийся прямо за границей хамеринии⁷¹, демонстрирует реальное метрическое различие между типами Афалу и Кроманьона. Увеличение этого указателя имеет своей причиной как более низкий рост, так и большую ширину. Ни один из черепов из Афалу не является лепторинным. Эта черта в сочетании с покатым лбом и тяжелыми надбровными дугами служит для дифференциации типов на двух континентах. Более того, нижние челюсти из Афалу весьма широкие, глубокие и тяжелые. По обладанию ярко выраженным подбородком по сравнению с типичными для современных людей они четко могут быть противопоставлены любой известной неандерталоидной форме. Однако они напоминают неандертальцев по одной черте: бигонимальная ширина часто больше, чем длина нижней челюсти – подобное состояние редко встречается у *Homo sapiens* и в принципе не найдено у черепов из Схул.

В серии из Кроманьона сочетание короткой, широкой верхней части лица с длинным черепным сводом часто называют «дисгармоничным», и утверждалось, что это свойство является результатом смещения долихоцефала с более узким и длинным лицом и брахицефала с более коротким и широким лицом⁷². Хотя в европейских сериях встречаются как длинные, так и округлые формы черепов, но черепов, обладающих лицевыми костями, недостаточно, чтобы сделать реальный статистический анализ этого вопроса. Но в сериях из Афалу, где этот же набор обстоятельств в точности повторяется, подобный анализ возможен⁷³. Из девяти долихокраних черепов у четырех верхнелицевые указатели попадают в широкую категорию, а 14 из 18 круглоголовых экземпляров обладают широкими лицами. Тенденция к обладанию широкой верхней частью лица, таким образом, привнесена в основном мезо- и брахикраним элементом в группе. Если это верно для серий из Афалу, то, возможно, это так же обосновано и для группы из Кроманьона.

Однако два черепа из группы Афалу демонстрируют «дисгармоничное» сочетание гиперэуриенного лица с длинным черепом. Объясняя эту аномалию, мы должны помнить, что необычная ширина лица связана с полом как в сериях из Афалу, так и в сериях из Кроманьона: это проявление крайней выносливости и развитой мускулатуры, которую демонстрируют мужчины из обеих серий и которая, как правило, отсутствует у женщин.

Еще одна особенность общая как для европейских, так и для североафриканских верхнепалеолитических людей – это очень низкий орбитный указатель. Во второй серии он опять может быть подвергнут статистическому анализу. Только 3 из 11 долихокраних черепов хамеконхны, а 14 из 18 черепов с более высокими черепными указателями попадают в категорию с низкими орбитами⁷⁴.

Из этого мы можем вывести две параллельных серии – кроманьонскую и афалусскую, состоящую в каждом случае из смеси типа Галлей-Хилл и неандертальца, с которой связана варьирующаяся тенденция к круглоголовости. С ней связана крайне короткая, широкая форма верхней части лица с тяжелой нижней челюстью и широкими, узкими орбитами. В то же время определенные отличия – такие как у формы носа, определенно не позволяют утверждать, что они абсолютно идентичны, и делают совершенно невозможным утверждение, что

⁷¹ Среднее для 21 мужчины – 53,1; высота носа – 52,7 мм, ширина носа – 28,4 мм.

⁷² Hooton, E. A., Canary Islands, pp. 204–207.

⁷³ Коэффициент среднеквадратической сопряженности между черепным указателем и верхнелицевым указателем, вычисленный по девяти матрицам, равняется 0,53.

⁷⁴ $C = 0,47$. В этой таблице сопряженности из 6 матриц присутствующая прогрессия постоянная и, несомненно, важная.

они встречались после своего первоначального разделения на всем протяжении позднего плейстоцена.

Другие факты подтверждают это предположение⁷⁵. Люди из Афалу выбивали зубы из челюстей каждого человека обоих полов между 14 и 16 годами – очевидно, в качестве ритуала созревания. Выбивание зубов неизвестно в Европе до мезолита⁷⁶, хотя отрубание пальцев во время верхнего палеолита показано набросками изуродованных рук на стенах пещер. Следовательно, если кроманьонцы были свидетелями кровавых церемоний возрастной инициации, что вполне возможно, то они, должно быть, удаляли какую-то менее заметную часть тела, чем зубы. Хотя это культурное свидетельство делает теорию физического контакта между двумя группами маловероятной, она не обязательно затрагивает проблему относительного возраста. Мы все еще не знаем, были ли люди из Афалу, чья последовательность типов параллельна западноевропейской, современниками своих родственников на севере или же появились позже них.

Из изучения этих предположительно плейстоценовых алжирцев мы можем подтвердить выводы, к которым мы пришли в предыдущем разделе, и развить их далее. Полностью сапиентный человек, сравнимый с Комб-Капель во всех важных отношениях, предшествовал во времени гигантским, большеголовым и широколицым неандертало-сапиентным гибридам. Этот поздний тип, как и кроманьонец, в отличие от людей Центральной и Восточной Европы, имел тенденцию к брахицефалии. Возможно, что кроманьонцы и люди типа Афалу были параллельными результатами подобных движений, а не остановками на единственной линии миграции. Принимая во внимание более древнее свидетельство похожего смещения в Палестине и наличие общего центра ориньякской активности по соседству, можно считать вероятным, что вторая пара параллельных движений происходила на запад из этой области. Более ранние волны, принесшие типы Комб-Капель и Афалу № 28, должно быть, произошли из другого центра. Без дальнейших свидетельств нельзя определить, унаследовали ли кроманьонцы и люди типа Афалу тенденцию к брахицефалии из параллельного смещения в конечных точках своего завоевания или прежде всего принесли их с собой.

⁷⁵ Когда-то думали, что присутствие кариеса в небольшом количестве у образцов из Афалу делает их более поздними по времени, чем европейцы. Однако два солютрейских или магдаленских черепа из Ле-Рок (департамент Шаранта) также имели кариес. См. Boule, M., and Vallois, H., BIPH, # 18, 1937.

⁷⁶ См. гл. III, стр. 83, сноску 121 (Офнет).

9. Ориньякцы в Восточной Африке

Ориньякская культура, расовые связи которой мы только что обозрели в Европе, Палестине и, в виде капсийской и оранской культур, в Северной Африке, также простиралась на юг до Восточной Африки⁷⁷. Здесь, как и в Алжире, посреди других форм, более типичных для Европы и Западной Азии⁷⁸, присутствуют микролиты. Хотя корреляция плювиальных периодов Восточной Африки с ледниковыми периодами на севере все еще является предметом дискуссии, можно утверждать, что нижний ориньяк Кении и Танганьики по времени приблизительно соответствовал верхнепалеолитическим пластам в других регионах, хотя верхний ориньяк мог длиться намного дольше, принимая во внимание тот факт, что Восточная Африка служила расовой и культурной границей и была маргинальной областью.

В двух вышеназванных колониях были обнаружены останки шести верхних ориньякцев. Пять из них были найдены Лики в пещере Гэмбля⁷⁹, а шестой образец – это знаменитый олдувайский череп, обнаруженный Реком в 1914 г.⁸⁰ Два образца из пещеры Гэмбля и олдувайский образец, все мужские, состоят из почти полного количества костей и черепов. Другие образцы из пещеры Гэмбля слишком фрагментарны, чтобы иметь значительную ценность.

В целом эти образцы принадлежат к чисто сапиентной категории, представленной образцами из Галлей-Хилл, Канжеры, Гримальди, Комб-Капель и Афалу № 28. Однако в то же время они отличаются от всех вышеперечисленных своим высоким ростом (177, 179 и 180 см), что даже превышает рост кроманьонцев и более поздних образцов из Афалу; но большой рост не сопровождается широкими плечами и большим телом гибридов Европы и Северной Африки. Кости очень тонкие, а руки и ноги небольшие и узкие.

Тот же принцип утончения применим и к лицам. У всех этих образцов, и в особенности у образцов из Олдувая, лица очень узкие и очень длинные, особенно в верхних сегментах. Надбровные дуги слабо выражены, скуловые дуги развиты слабо, нижние челюсти легкие и тонкие, с узким бигониальным диаметром, и слабо выраженные, хотя и присутствующие, подбородки. Орбиты высокие и узкие, и таковы же и носы. Черепа из пещеры Гэмбля лепторинные, лептинные и лептопрозопные; олдувайский – мезоринный и гиперлептопрозопный. Два черепа из пещеры Гэмбля ортогнатны, а олдувайский обладает значительным альвеолярным прогнатизмом.

По размерам свода эти черепа скорее напоминают Комб-Капель и Афалу № 28, нежели европейские и североафриканские черепа позднего ориньяка и оранской культуры. Образец из Олдувая и пещеры Гэмбля № 4 выше и уже, чем среднее значение для европейского верхнего палеолита; образец из пещеры Гэмбля № 5 – череп юноши – короче, выше и почти такой же широкий. Лбы слегка покатые и округлые; затылки выступающие, но без ламбдовидного уплощения, типичного для европейских черепов. Создается общее впечатление тонкости и хрупкости этих образцов.

По морфологии головы и лица эти три образца не совсем похожи. Образец из пещеры Гэмбля № 5, черепной указатель которого составляет 74, ближе всего к европейскому стандарту; два остальных – Гэмбль № 4 с указателем 71 и Олдувай с указателем 64,5 – от него дальше. Но во многом они ближе к современным европейским расовым типам, чем черепа

⁷⁷ Leakey, L. S. B., *Stone Age Africa*, pp. 38–74.

⁷⁸ Garrod, Miss D. A. E., *RBAA*, Pres. Ad., Sect. H.

⁷⁹ Leakey, L. S. B., *The Stone Age Races of Kenya*, pp. 47–56; *Stone Age Africa*, p. 172.

⁸⁰ Reck, H., *Oldoway, die Schlucht des Urmenschen*, Leipzig, 1933; Mollison, T., and Gieseler, W., *VGPA*, vol. 3, 1929, pp. 50–59, 60–67; Boule, M., and Vallois, H., *L'Homme fossile d'Asselar*, AIPH, Mem. 9, pp. 60–64.

верхнего палеолита. Однако кажется, что они подверглись некоторому влиянию, которое сделало все конечности, включая и лицо, крайне длинными и тонкими. Это можно сравнить с современными изменениями у англичан, живущих в Квинслэнде⁸¹.

Оба черепа из пещеры Гэмбля кажутся совершенно или почти «белыми» в смысле скелета, а олдувайский ощутимо негроидный, хотя и трудно точно сказать, почему. Многие современные племена восточной Африки, включая сомалийцев и масаи, и аристократия других племен (таких как багима) демонстрируют сегодня те же общие черты, найденные в этих черепах плювиального периода, особенно в Олдувае. Эти современные хамиты имеют тонкие длинные ноги, тонкие руки и узкие запястья, а их тела соответственно утонченные. Их черепа длинные, с гладкой формой, и на них нет сильных мышечных отметок. Их носы узкие и часто сильно изогнутые, челюсти легкие и узкие, а лица длинные и тонкие. Все эти современные восточноафриканские хамиты демонстрируют определенное количество негроидной примеси, но их черепа значительно меньше, чем три черепа плювиального периода.

На основе размеров головы, если не по другой причине, эти черепа нельзя считать захоронениями более поздних периодов. Моллисон, изучавший олдувайский череп, убежден, что он такой же окаменелый, как и кости другой фауны этого периода, которому его теперь приписывают⁸². Единственное разумное заключение состоит в том, что современные хамиты имеют древнюю историю в Восточной Африке, и по меньшей мере частично произошли от этой предковой совершенно сапиентной формы. В то же время мы можем быть уверены, что современные послеледниковые европейцы средиземноморского типа не происходят из этой области Африки: каким бы ни был возраст этих образцов, во времена верхнего палеолита Восточная Африка не была центром средиземноморской расовой эволюции.

Кажется, не была таковой и Сахара: пока что археологи не нашли свидетельств верхнепалеолитической капсийской культуры в центральной зоне самой пустыни, где сегодня существует промежуток между культурой леваллуа и культурой, кажущейся по использованию стрел с каменными наконечниками раннеолитической культурой капсийской традиции. Люди капсийской культуры, очевидно, пришли в Северную Африку с востока, а середина Сахары могла даже в плейстоцене служить разделяющей линией между европеоидным и негроидным человечеством, как и сейчас. В то же время вероятно, что Пустое Место (Empty Quarter) южной Аравии даже в те времена было барьером между средиземноморцами и веддоидами⁸³. Хотя нынешний край пустыни во время плейстоцена мог быть для белого человечества плодородной землей, сами великие пустыни всегда были расовыми границами.

⁸¹ Я не могу найти никаких точных ссылок на этот феномен, но общие наблюдения удостоверяют его существование.

⁸² А не нижнепалеолитического уровня, к которому он сначала был приписан, см. Boule M., and Vallois, H., AIPH, Mem. 13, 1934, pp. 60–64; Mollison, T., and Gieseler, W., VGPA, vol. 3, 1929, pp. 60–67; Leakey, L. S. B., Stone Age Africa, pp. 172–173.

⁸³ Обсуждение веддоидов южной Аравии см. в гл. XI, раздел 6.

10. Мадленцы

Заклячая наш обзор расовых типов человечества и расовых передвижений плейстоцена, имеет смысл вернуться в Африку, чтобы изучить группу позднепалеолитических культур, обнаруженную в Европе и северной Азии, в совокупности называемую мадленской (или магдаленской)⁸⁴.

Из культур верхнего палеолита мадленская культура существовала дольше всех. В Западной Европе она существовала с пика вюрма-II до примерно 11 800 г. до н.э., а в некоторых частях Восточной Европы, где она была обнаружена, она могла сохраняться и позже. Она отмечает кульминацию и упадок второго наступления вюрма и является первым достоверным примером, за исключением ограниченной географически солютрейской культуры, существования сапиентного человека в ледниковом климате в его полной степени. Как в солютрейской, так и в мадленской культурах обилие острых игл и других инструментов для шитья в археологических раскопках подтверждает культурную адаптацию этих людей к условиям охоты при холодном климате. В течение существования мадленской культуры, должно быть, происходила многочисленная смена населения и миграции согласно меняющемуся климату, так как люди следовали за стадами северных оленей, составлявших главное блюдо в их рационе. Мы знаем, что однажды северный олень пересек Пиренеи и двинулся в Испанию, куда за ним последовали и мадленские охотники. Однако в общем Испания, как и Италия, была маргинальной, относительно замкнутой областью, в которой местные культуры ориньякского происхождения продолжали свое существование с добавлением микролитических элементов преимущественно из Африки⁸⁵. Однако эти южные вторжения были только малозначительными эпизодами в истории мадленской культуры. Она была культурой подледниковой тундры и протянулась через всю Сибирь, где недавно были обнаружены многочисленные стоянки.

Несмотря на большую протяженность во времени, мадленская культура представлена меньшим количеством скелетных останков, нежели ориньякская. Видимо, эти находки полностью ограничиваются западом⁸⁶ – Францией, Англией, западной Германией и Испанией⁸⁷. Восточнее Германии мы не можем обнаружить человеческих останков вплоть до северного Китая.

Количество достоверно мадленских черепов – около двадцати пяти – могло бы быть достаточно большим, чтобы оправдать отдельное статистическое исследование, если бы они были хорошо описаны. В настоящее время мы можем обсудить только несколько из них. Они

⁸⁴ Отдельное изучение расы в солютрейский период пропущено, так как нет черепов, которые все авторитеты признают определенно принадлежащими к этой короткой и нераспространенной культурной фазе. Череп из Пржедмости, включая № 3, вполне могут быть ориньякскими; черепа из Ле-Рок лучше подходят к магдаленской категории с краниологической точки зрения.

⁸⁵ Современной тенденцией является отрицать африканское влияние на испанский верхний палеолит. Воффри (Anth, vol. 43, 1933, pp. 457–483) демонстрирует, что капсийцы не вторгались ни в Испанию, ни в центральный Алжир. Оранскую культуру ранее называли иберо-марузской, пока не выяснилось, что ее также не было в Испании. Тем не менее, в верхнем палеолите на Испанию повлияло какое-то микролитическое производство, должно быть, появившееся с юга и востока. Оно было такого же общего типа, как и появившиеся в Кении уилтонская, в Египте – себильская, в Палестине – натуфийская, а в Северной Африке – капсийская и оранская культуры.

⁸⁶ Два черепа из села Ундоры могут быть мадленскими, а не ориньякскими. Talko-Hryniewicz PAn, vol. 1, 1926, p. 208; Field, H., AA, vol. 38, 1936, p. 277; Pavlow, A., AnthPr, vol. 3, 1925.

⁸⁷ Испанский материал особенно неудовлетворителен. Д-р Обермайер в 1924 г. отверг все изученные находки, кроме двух изуродованных черепных сводов, служивших шарами, одного бедра и нескольких зубов (Obermaier, H., Fossil Man in Spain, pp. 288–290). Две большие серии из Сеговии, описанные д-ром де ла Баррасом де Арагон (AMsE, vol. 12, 1933, pp. 90–123) как мадленские или мезолитические, включают один трепанированный череп. Наш самый древний случай трепанации в Европе датируется поздним неолитом. Далее, одна из стоянок содержала гончарные изделия.

в общем так же разнообразны по черепному указателю, как и черепа среднего и позднего ориньяка, хотя в Западной Европе форма головы в этот поздний период, видимо, становится несколько длиннее.

Однако некоторые из этих черепов, типичным примером которых служит знаменитый череп из Шанселяда и мужской череп из Оберкасселя, демонстрируют нечто новое – так называемую эскимойдную модификацию жевательного аппарата. Она состоит в еще большем расширении скуловых дуг, уплощении теменных костей, увеличении области прикрепления височных мышц и переворачивании черепного свода. Эти черты сопровождаются (наиболее отчетливо в образце из Шанселяда) сильным выворотом углов нижней челюсти, выступанием скул и последовательным уплощением части лицевого плана.

Эта новая адаптация, распространенная среди современных эскимосов и сибиряков, была расценена некоторыми авторами⁸⁸ как свидетельство того, что мадленцы, представленные шанселядским типом, были предками эскимосов, чьи прародители, когда лед отступил, отправились на северо-восток и в итоге пересекли Берингов пролив. Но против подобной интерпретации было выдвинуто несколько возражений. В первую очередь, носовые кости шанселядского типа, сломавшиеся и потерянные вскоре после открытия черепа, были сильно изогнутыми, выступающими и даже ястребиноподобными⁸⁹. Таким образом, они были более чем европеоидными по форме, а не типично эскимойдными или монголоидными в современном смысле.

На основе культурных свидетельств Биркет-Смит и Маттиассен утверждают, что эскимосы не являются результатом простой миграции из Азии на восток, а их происхождение связано с происхождением американских индейцев⁹⁰. Может быть, сходство между эскимосами и мадленской культурой обусловлено конвергенцией, хотя это утверждение ни в коем случае не является общепринятым. Также приводились и физические свидетельства того, что эскимосы по-настоящему близки к американским индейцам⁹¹.

В любом случае, вопрос о взаимоотношении мадленцев и эскимосов является частью общей проблемы взаимоотношений в верхнепалеолитическом населении всей северной зоны и происхождения американских аборигенов в целом, которая также далека от разрешения.

Возвращаясь к Шанселяду, мы видим, что этот индивид во многом отличался от обычных верхнепалеолитических значений. Его лицо было очень длинным, как у типа Пржедмости; орбиты – очень высокими и, как у типа Комб-Капель, узкими. Ни один из других мадленских черепов, напоминающих его по «эскимойдности», так сильно не отличается от общей группы, и поэтому шанселядский тип многие считают отдельной расой. В отличие от поздних ориньякцев, он был низким человеком, с ростом около 160 см, обычным для многих нынешних обитателей арктического круга. Его конечности с короткими пятками также не были бы чужды последним⁹².

За исключением Шанселяда и других индивидов, приближающихся к этому типу в различной степени, настоящий кроманьонец ориньяка сохраняется в мадленской культуре неизменным. Череп из Ложери-Басс хорошо подходит к данной серии. Другие, такие как череп из Ле-Плакар и череп С из Ивлинз-Хоул в Англии⁹³, представляют нередуцированный

⁸⁸ Самое последнее и самое обстоятельное выражение этого взгляда см. в Morant, G. M., AE, vol. 1, 1926, pp. 257–276.

⁸⁹ За это открытие нужно поблагодарить сэра Артура Киса. Старая и редкая фотография, воспроизведенная на стр. 395 New Discoveries, определенно обосновывает эту точку зрения.

⁹⁰ Birket-Smith, K., PICA, 1930, pp. 470–475.

⁹¹ Shapiro, H. L., PSC, 1934, pp. 2723–2732; APAM, vol. 31, 1931, pp. 345–384; Seltzer, C. C., HB, vol. 5, 1935, pp. 313–370.

⁹² Bonin, G., von, op. cit.

⁹³ Черепа из Ивлинз-Хоул, пещеры Кент и пещеры Гоф (Gough) были описаны Кисом, который датировал их мезолитом (Antiquity of Man, p. 407; New Discoveries, pp. 406–421). Но Кларк, выдающийся специалист по мезолиту в северо-западной

сохранившийся брахицефальный элемент кроманьонского комплекса. Тем не менее, другие черепа меньше верхнепалеолитического стандарта. Они демонстрируют редукцию надбровных дуг и скул, предвосхищая общую редукцию по размеру и грубости, которая значительно изменит некоторые ветви верхнепалеолитического типа в Европе и Азии после конца плейстоцена. Важно то, что эта редукция началась уже в мадленский период и что в то время не было географической дифференциации между населением, затронутым этой зарождающейся тенденцией и не затронутым ею.

Таким образом, в мадленское время внутреннее разнообразие верхнепалеолитического населения Европы стало более заметным, чем ранее. Некоторые из оставшихся нам примеров представляют собой продолжение более древних ориньякских форм, а другие демонстрируют изменения, обнаруженные у современных народов Арктики. Третьи предвосхищают мезолитическую редукцию в размерах. Можно при желании приписать эти различия локальной изоляции и модификации, но так как наше знание о расах мадленской Европы покрывает такую малую часть территории, на которой существовала эта культура, то, вероятно, более разумно говорить как о новых движениях, так и о локальных сохранениях и изменениях.

Европе, определяет их как мадленские (Clark, J. G. D., *The Mesolithic Age in Britain*, p. 107).

11. Верхнепалеолитический человек в Китае

Наши знания о восточном распространении верхнепалеолитического человека в эпоху максимума ледника невероятно увеличились из-за недавних открытий, сделанными д-ром Пэем, покойным д-ром Дэвидсоном Блэком, д-ром Пьером Тейяром де Шарденом и д-ром Францем Вейденрейхом, обосновавшим присутствие нескольких разновидностей позднелейстоценового сапиентного человека, включая европейский тип, в Китае и Монголии⁹⁴.

В Чжоукоудяне, рядом с Пекином, ученые, открывшие синантропа, также обнаружили три хорошо сохранившихся черепа с одной челюстью и большинством связанных длинных костей в известняковых районах позднеледниковых пород, включавших верхнепалеолитическую утварь, аналогичную европейским типам. Предварительное описание культурных останков скорее говорит о позднем, нежели о раннем, плейстоцене. Один из этих черепов, обладающий челюстью, согласно предварительному изучению, сильно напоминает европейскую верхнепалеолитическую группу, особенно мужчину из Оберкасселя; его также сравнивали с черепами айнов. Второй череп сильно напоминает череп современного эскимоса, а третий можно сравнить с расовым типом, завоевавшим Японию в неолите⁹⁵.

Важность этих черепов нельзя переоценить. Они указывают на то, что как в восточной Азии, так и в Европе позднепалеолитическая группа уже была расово сложной, что народы европеоидного типа расселились по всей северной части Евразийского континента и что монголоидное расовое семейство уже начало свое развитие. Посредством этого мы можем объяснить, по крайней мере частично, загадку айнов – большеголовой, широколицей группы, живущей на внешней периферии восточной Азии. В то же время проливается свет на население, которое могло принимать участие в древнем заселении Америки.

⁹⁴ Первым подобным открытием было открытие сапиентного зуба из отложений в Жара-оссо-гол в Монголии. Black, D., BGSC, vol. 5, 1927, p. 285. Также см. Keith, Sir A., New Discoveries, pp. 250–251.

⁹⁵ Я признателен за эту информацию д-ру Францу Вейденрейху, который разрешил мне опубликовать эту предварительную заметку. Эти сопоставления являются пробными, и читатель должен подождать определенной публикации д-ра Вейденрейха для более подробной и более точной информации.

12. Выводы и заключения

Хотя люди плейстоцена давно уже мертвы, а там, где когда-то мадленские охотники загоняли северного оленя, заводские рабочие спешат на свои рабочие места, вопросы расового происхождения человека и его развития в плейстоцене все еще имеют большую важность. На основе наших знаний о населении плейстоцена в Европе, Азии и Африке нужно построить интерпретацию более поздних и более сложных расовых перемещений, сохранения населения, генетической непрерывности и генетических изменений. Поэтому, видимо, лучше попробовать решительно осуществить реконструкцию расовых событий плейстоцена, основываясь на фактах, нежели следовать более осторожным и, возможно, более мудрым мнениям.

Эти выводы, ни в коем случае не являющиеся чем-то новым⁹⁶, можно кратко выразить следующим образом.

- 1) *Homo sapiens* как таковой появился уже в середине плейстоцена, если не раньше.
- 2) Самый древний известный нам *Homo sapiens*, представленный несколькими экземплярами из Европы и Азии, – это предковая форма длинноголового белого человека низкого роста и с относительно большим размером мозга.
- 3) Негроиды, вероятно, появились параллельно с этим белым типом, из родственного ему сапиентного предка. В какой точке разошлись предки негроидов и европеоидов, неизвестно.
- 4) В среднем плейстоцене, если также и не в другие времена, произошло смешение между древними белыми долихоцефалами и одним или несколькими несапиентными видами гоминидов, включая *Homo neanderthalensis*.
- 5) Результатом этого смешения было появление достаточно стабильной гибридной расы, характеризовавшейся большими размерами как мозговой коробки, так и туловища. Хотя она в общем и отличалась метрически от остальных *Homo sapiens*, ее характер тем не менее был главным образом сапиентным, и только в небольшой степени неандерталоидным или несапиентным. По внутривидовым характеристикам *Homo sapiens* она была европеоидной.
- 6) Этот преимущественно сапиентный характер мог частично быть результатом конвергентных эволюционных тенденций со стороны несапиентного предка.
- 7) Современные европеоиды должны включать как отдельных людей, так и расовые общности, соответственно обладающие и не обладающие этим несапиентным типом, так как не все ветви белой расы смешивались с ним.
- 8) На основе культурного феномена палеолита нельзя утверждать, что несапиентный элемент, поглощенный при помощи смешения, был менее разумным или менее человеческим в социальном и интеллектуальном смысле, чем первоначальный вид *Homo sapiens*. Современные европейские расы, обладающие этим элементом, не демонстрируют признаков интеллектуальной неполноценности или каких-либо иных заметных психических отличий.
- 9) Большинство, если не все из основных разновидностей формы тела и черепа, включая брахицефалию, существующие среди европеоидов, уже существовали в позднем плейстоцене. В послеледниковые времена уже присутствовали все материалы для дифференциации белых рас и подрас.

⁹⁶ Айхель, Маретт, а в последнее время и Кругман занимают позиции, в своей основе похожие на следующие. Aichel, O., *Der deutsche Mensch*, pp. 12–36; Marett, J. R. de la H., *Race, Sex, and Environment*. Krogman, W. M., *Cranial types from Alishar Hüyük*, в Н. Н. von der Osten, *The Alishar Hüyük*, Oriental Institute Publication #30, part IV, pp. 213–293.

НОМО SAPIENS СО ВТОРОГО МЕЖЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА ДО ПОСЛЕЛЕДНИКОВОГО МЕЗОЛИТА

Рис. 4. Галлей-Хилл. Ашельская культура (лицо реконструировано)

Рис. 5. Комб-Капелль. Ориньякская культура

Рис. 6. Тевьек № 11, Бретань. Поздний мезолит

Перерисовано: рис. 4 – из Keith, Sir A., *The Antiquity of Man*, Fig. 63, p. 188; рис. 5 – из Aichel, O., *Der Deutsche Mensch*, Plate 2; рис. 6 – из Boule, M., and Vallois, H., *AIPH*, Mem. 18, 1937, Plate 14.

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ И НЕАНДЕРТАЛОИДЫ

Рис. 7. Неандерталец. Культура леваллуа-мустье (Ла-Шапель-о-Сен, слегка отреставрированный)

Рис. 8. Схул № 5. Палестина. Культура леваллуа-мустье

Рис. 9. Пржедмости № 3. Ориньякская или солютрейская культура

Перерисовано: рис. 7 – со слепка Дж. Г. Макгрегора, 1919; рис. 8 – из Keith, Sir A., and McCown, T.W., *BASP*, Bull. 13, 1937, вклейки 5 и 6; рис. 9 – из Aichel, O., *Der Deutsche Mensch*, вклейка 4.

ШИРОКОГОЛОВЫЕ ЧЕРЕПА НЕАНДЕРТАЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Рис. 10. Афалу № 12. Афалу-бу-Руммель, Алжир. Ранняя ориньякская культура

Рис. 11. Веллинге № 11. Мезолит Швеции

Рис. 12. Фьелькинне, Сконне, Швеция. Неолит

Перерисовано: рис. 10 – из Boule, M., Vallois, H. and Verneau, R., AIPH, Mem. 13, 1934, 1934; рис. 11 – из Aichel, O., Der Deutsche Mensch, Plate 17; также Kossina, G., Ursprung and Verbreitung der Indogermanen, Fig. 134, p. 123; рис. 12 – из Retzius G., Crania Suecica Antiqua, Plates 39–40.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ И НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЧЕРЕПА СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ТИПОВ

Рис. 13. Мугем, Португалия. Поздний мезолит или ранний неолит

Рис. 14. Длинные курганы, британский неолит

Рис. 15. Культура шнуровой керамики, Готланд, неолит

Перерисовано: рис. 13 – из Vallois, H., Anth, vol. 40, 1930, Fig. 2, p. 344; рис. 14 – из Crania Britannica, vol. 2, Plate 59; рис. 15 – из Kossina, G., Ursprung and Verbreitung der Indogermanen, Fig. 102, p. 90.

Глава третья Мезолит

1. Историческое окружение

Период мезолитической культуры, следующий за окончанием палеолита в Европе, на этом континенте является в полной степени послеплейстоценовым и длится примерно с непосредственно послеледниковых времен до 3000 г. до н.э. и далее.

Мезолитический образ жизни был в своей основе похож на верхнепалеолитический. Люди все еще полагались на охоту и собирательство дикорастущих овощей, а население, должно быть, оставалось таким же редким, как и ранее. Человек приобрел только одно домашнее животное – собаку, которое могло быть полезным на охоте, но его нельзя было разводить для употребления в пищу, и поэтому оно служило только косвенным источником пищи. Таким образом, мезолитическое хозяйство до относительно поздних времен было продолжением верхнепалеолитической системы. Однако в техническом смысле произошли определенные улучшения: с использованием микролитов стало производиться сложное оружие, а топоры для рубки деревьев, должно быть, сделали возможными строительство соответствующих домов. Предшественники мастеров текстильных искусств, вероятно, смогли освоить создание и использование рыболовных сетей, плетеных корзин и циновок.

Мезолитические культуры Европы можно разделить на два элемента различного происхождения, которые встречались и смешивались во многих областях. Одним из них был тарденуазский со своей продвинутой микролитической техникой, пришедшей с юга через Гибралтар и, возможно, через восточный край Средиземноморья⁹⁷. Эти миграции в Европу с юга были вызваны изменениями климата после окончательного отступления ледника. По мере того как ледник отступал на север, чтобы оказать свое последнее сопротивление на высокой скандинавской суше, ранее хорошо снабжаемые водой умеренные пояса Северной Африки и Ближнего Востока претерпевали постепенное иссушение. По мере того как пояс дождей сдвигался на север, зоны умеренного и субтропического климата смещались из Африки в Южную и Центральную Европу, и в ранние послеледниковые времена климат Европы был теплее, чем сегодня. Люди, принесшие элементы тарденуазского комплекса на север, привыкли к охоте на открытых травяных равнинах до своего прибытия в Европу и, следовательно, селились в песчаных областях и безлесных нагорьях, так как ни их орудия, ни общий образ жизни не подходили к лесному окружению.

Второй культурный элемент был образован сохранением старых верхнепалеолитических техник, использовавшихся потомками охотников на оленей. Постепенный рост лесов там, где раньше был североевропейский тундровый пояс, заставил их научиться новым приемам охоты и питаться мясом новых животных, а потепление северных вод подарило им изобилие рыбы и моллюсков, что обратило их внимание не только на леса, но и на реки и моря.

На севере и западе Европы, где ледник сохранялся дольше всего, культуры ориньякской и мадленской традиции сохранились до мезолита, когда некоторые из них смешались в различной степени с новоприбывшими тарденуазцами. В удаленных областях – таких как

⁹⁷ Кларк упоминает второй путь как возможный. Clarke, J. G. D., *The Mesolithic Settlement of Northern Europe*, pp. XIV–XV.

северное побережье Ирландии и Финнмарк в Норвегии, кремниевые орудия верхнепалеолитического происхождения могли создаваться даже во время нашей эры.

Таким образом, упрощая, историю мезолита в Европе можно свести к двум элементам: 1) вторжению создателей микролитов из южных областей, бывших умеренными и привлекательными во время позднего плейстоцена, но ставших засушливыми и менее обитаемыми, чем Европа; 2) сохранению палеолитического населения в Европе в различных областях и в различной степени, но особенно сконцентрированных в северном лесном поясе, вдоль западного побережья и в центрах, где ледник сохранялся дольше всего, а именно в Норвегии и Швейцарии.

2. Мезолитическое население Африки

Прежде чем собирать нужную информацию по Европе, давайте сначала посмотрим, какие изменения или их отсутствие происходят в Африке с переходом в послеплейстоценовое время. В Восточной Африке Лики обнаружил скелеты, связанные с микролитической культурой, которую он назвал эльментейтской – возможно, частично одновременной с послеледниковыми мезолитическими культурами Европы⁹⁸, с которыми он их скоррелировал в качестве опытной гипотезы. Эта серия включает черепа трех взрослых мужчин, трех взрослых женщин и одного ребенка, а также некоторое количество разных длинных костей. Тела, которые они представляли, были помещены в скальные ниши на обеих сторонах ручья, а последующее наводнение подмочило большинство из них и занесло их илом. Поэтому эти длинные кости невозможно связать с черепами.

Из этой серии, состоящей из семи черепов, очевидно, что в послеледниковом периоде более древние восточноафриканские средиземноморские расовые типы претерпели лишь небольшие изменения или же остались вообще без таковых. Своды мезолитических черепов, опять же, сравнимы по размеру с черепами из Галлей-Хилл и Комб-Капель. Однако форма этих сводов варьируется, по крайней мере, в женской группе, ибо у одного из этих черепов черепной указатель равен 80. Это половое различие по форме может, конечно, таким же образом присутствовать и в ориньякской группе, но у нас нет подтверждающего это материала.

Лицо продолжает свою эволюцию, начавшуюся в ориньяке: оно становится длиннее и шире, а высота носа увеличивается⁹⁹. Как лица, так и носы этих черепов исключительно длинные по любым расовым стандартам. У всех из них высокие орбиты. Нос остается лепторинным, но носовые кости изогнуты несильно; некоторые из черепов, особенно один из женских образцов, демонстрируют значительный прогнатизм. В общем, лбы являются покатыми, надбровные дуги и другие костные отметки от небольших до средних, а у женщин надбровные дуги отсутствуют. Один мужской образец, Эльментейта-А, отличается от других: нижняя челюсть имеет вывернутые углы, а височные гребни на черепе высоко выдаются над теменными костями, придавая всей голове псевдозэскимосскую внешность.

В ориньякской серии из пещеры Гэмбля было невозможно сказать, существовали ли какие-либо сильные различия между полами, так как в ней были представлены только мужчины. В эльментейтской группе мужские черепа значительно превосходят женские по длине и ширине свода, а также по высоте и ширине лица. Однако высота свода, ширина лба и размеры орбит большие у обоих полов. Таким образом, хотя у этих восточноафриканцев и отсутствует сильное развитие костей, как у верхнепалеолитических европейцев и североафриканцев, их расоводиагностические черты имеют корреляцию с полом.

Несмотря на длительное пребывание этой длинноголовой расовой группы в Восточной Африке, в большинстве черепов мало что можно назвать негроидным. Лоб у некоторых из женщин немного выпуклый, но он таков и у многих современных средиземноморцев; некоторые из челюстей выдаются вперед, демонстрируя значительный альвеолярный прогнатизм, но они такие же и у некоторого количества древних европейских черепов¹⁰⁰. Носовой указатель, находящийся рядом с человеческим минимумом, противоположен негроид-

⁹⁸ Leakey, L. S. B., *Stone Age Races of Kenya*, Chapter 6.

⁹⁹ Морфологическая высота лица (назион-ментон) у мужчин составляет 126 и 132 мм; высота назион-альвеон – 80 и 81 мм, высота носа от 58 до 59 мм.

¹⁰⁰ Женский череп #F 1 – самый негроидный из всех, и в этом случае определенный негроидный элемент кажется очень вероятным.

ному. Носовые кости, присутствующие только у двух черепов, длинные, узкие и по форме похожи на песочные часы; они уменьшаются кверху и проникают высоко в лобовую кость, как у некоторых человекообразных обезьян и у эскимосов; но эти две кости не сильно изогнуты, а носовой свод у этих двух образцов является низким. Таким образом, носовые кости обладают индивидуальным характером, который не является ни типично европеоидным, ни типично негроидным.

Эльментейтцы оставались такими же высокими, как и население верхнего ориньяка. Средний рост шести мужчин – 178,7 см, а трех женщин – 152,5 см. Таким образом, половые различия по размерам тела велики, как и по головному и лицевому диаметрам. Более высокий рост и половая дифференциация этих восточноафриканцев могут просто быть результатом эволюционных изменений; несapiентный вид, который мог бы послужить причиной этих изменений, как и в случае с европейцами верхнего палеолита, обнаружить не удастся.

На какое-то время мы оставим Восточную Африку, но прежде заметим, что Лики также нашел некоторое количество скелетов, связываемых с параллельной культурой Уилтон-А, расположенной неподалеку и, возможно, не более поздней, чем Элементейта. Уилтонцы были высокими людьми с тяжелыми костями, с большими, сильно изогнутыми лбами и небольшими лицами, очень похожими на страндлуперов (Strandloopers) культуры южноафриканских «кухонных куч» и предков бушменов. Таким образом, вдоль берега озера Виктория, недалеко от Эльментейты, находились предки бушменов, жившие в географической близости к мезолитическим предкам хамитов. Европеоиды Восточной Африки жили на расовой границе, а не в центре белой расовой дифференциации. Нет ничего удивительного, если время от времени среди хамитов проявляются бушменские черты, а среди готтентотов или бушменов – хамитские.

Во время послеледникового мезолитического периода Северная Африка была занята среднекапскими наследниками населения из Афалу. Они известны по собранию черепов со стоянки Мехта-эль-Арби, из которой только девять были тщательно изучены¹⁰¹. Все они происходят из той культуры, которую Арамбург называет среднекапской и которая хронологически коррелирует с европейским солютре по Менгину, с солютре-мадленом по Обермайеру и с мезолитом по Воффри¹⁰². Они рассматриваются здесь, а не в предыдущей главе, так как они принадлежат к мезолиту Европы как расово, так и культурно, каким бы ни было их положение во времени.

К сожалению, невозможно рассмотреть эти черепа с полной ясностью. Судя по опубликованным измерениям, фотографиям и рисункам, мы можем заключить, что в целом они напоминают древние черепа Афалу, но большинство из них меньше, и у них отсутствует выносливость их предшественников, так как у них слабее выражены надбровные дуги и отметки мышц и более узкие лица. У некоторых из них вертикальные лбы – эта черта чужда людям из Афалу. Однако в большинстве случаев они сохраняют низкое лицо и низкие орбиты, а диапазон форм головы достигает пределов более древних серий.

По степени уменьшения размеров и уменьшения коррелирующей с полом величины костей их можно уподобить некоторым мезолитическим черепам из Европы, которые мы изучим ниже в этой главе. Вполне возможно, как полагает Коул, что один из черепов из Мехты имеет тенденцию к негроидности, а остальные подверглись смешению со средиземноморскими расовыми элементами. Отсюда можно сделать вывод, что страны на восточном берегу Средиземного моря, из которых, вероятно, и проникли эти влияния, уже были засе-

¹⁰¹ Более 50 черепов было извлечено с этой стоянки последовательными экспедициями, но только пять было тщательно изучено. См. Cole, Fay Cooper, LMB, vol. 1928, pp. 167–189. Четыре других, из которых только два из стоянки Мехта, мы рассмотрели в томе, посвященном Афалу, так тщательно, как позволяют данные.

¹⁰² Воффри отрицает существование среднекапской культуры и говорит, что эти черепа относятся к позднекапской культуре, которую он считает мезолитической.

лены малыми средиземноморцами. По археологическим соображениям маловероятно, что эти средиземноморские расовые элементы появились непосредственно из Сахары.

Все наше знание о расовом составе ранних обитателей южной Сахары ограничено одним скелетом, найденном у Асселяра – военного поста в четырех сотнях километров к северу от Тимбукту, в современной пустыне¹⁰³, которая в то время была плодородным, хорошо орошаемым плато, омываемым широкими реками и богатым травой и жвачными животными.

Этот скелет, который не был захоронен, а просто лежал на месте смерти человека, был покрыт озерным песком. Этот же песок окружал кости большой рыбы в таком же состоянии окаменелости, как и кости этого человека, а также раковины пресноводных моллюсков. Это указывает на то, что область Асселяра была в то время озерной территорией с текущими реками и лесной границей возле южного предела южносахарских лугов и крайней северной границей распространения тропических лесов. Человек из Асселяра умер еще до того, как эта область стала засушливой, но его связывают с мезолитической или раннеолитической культурой, а его хронологическая эпоха, без сомнения, послеледниковая.

Это был высокий человек ростом более 170 см; его конечности были длинными по отношению к телу, и таковы же были его предплечья и колени по сравнению с проксимальными сегментами конечностей. Его руки были длинными и тонкими с небольшими костями запястий, непохожие на широкие руки и толстые запястья населения типа Афалу севернее.

Свод его черепа среднего размера, сравнимый с образцами из Гримальди, Афалу № 28 и кенийскими ориньяками. Как и все они, он долихоцефальный – черепной указатель равен 71. Мышечные отметки на своде незначительны, а надбровные дуги слабые. По размерам лица человек из Асселяра находится посередине между образцами из Гримальди и Восточной Африки. Однако морфологически это наиболее негроидный образец такого времени, найденный до сих пор. Моляры выступают вперед, а нижняя граница орбиты находится впереди верхней, если смотреть на череп в глазо-ушной плоскости. Нос хамеринный и негроидный по форме.

Человек из Асселяра был или не полностью сформировавшимся негроидом, или негроидным гибридом; судя по форме черепа, он не был близким предком современных африканцев с побережья Гвинеи и Судана. Он сохранил некоторые тенденции, сближающие его с европеоидами, но также и другие, связывающие его с бушменами и готтентотами. Находка в Асселяре, как и находки в Восточной Африке, делает весьма вероятным то, что распространение уже полностью дифференцированных негроидов на большую часть их современного распространения в Африке было недавним явлением.

¹⁰³ Boule, M., and Vallois, H. V., AIPH, Mem. 9, 1932. Также см. Bailly, René, RA, vol. 43, 1933, pp. 172–181.

3. Натуфийцы Палестины

Что касается доисторического времени, по сравнению с африканским континентом Азия изучена слабо. Пока что раскопки выявили орудия мезолитической техники в Курдистане и в Палестине¹⁰⁴, но только из последней были получены мезолитические скелеты. Здесь ориньякская культура длилась весь поздний плейстоцен и непосредственно предшествовала мезолиту. Так как г-жа Гаррод полагает, что эта область была одной из главных областей дифференциации ориньякской культурной техники, то очень жаль, что ни один ориньякский череп не был описан в источниках. Таким образом, очень важный вопрос связей позднего плейстоцена этой ключевой области должен оставаться нерешенным.

Однако, что касается последующего периода, то с двух различных мезолитических уровней и с пяти или более мест были извлечены по меньшей мере две сотни скелетов. Пока что были описаны только два скелета – по одному с одного уровня. В настоящее время существуют большие сомнения, касающиеся точной сущности физических типов этих людей, и мы должны подождать подробных описаний в ближайшем будущем, прежде чем этот вопрос будет решен¹⁰⁵.

Эти палестинцы, которых называли натуфийцами, очевидно, отличались по физическому типу от периода к периоду. Один из этих двух описанных скелетов – это взрослая женщина с самого древнего слоя из Эрг-эль-Ахмар¹⁰⁶.

Череп этой женщины большой, крепкий и с толстыми стенками; он чисто долихоцефальный, у него приподнятый черепной свод, его высота почти равняется ширине. Лоб, как у женщин многих рас, широкий, прямой и округлый. Таким же образом лицо широкое и средней высоты; корень носа, немного уменьшенный, скрыт под надбровными дугами, слишком массивными для женщины, а носовые кости выступают далеко вперед, формируя подчеркнутый профиль.

Низкие, широкие орбиты этого образца предполагают прямоугольную форму, типичную среди большинства верхнепалеолитических черепов Европы и Северной Африки, а орбитный указатель соответственно низкий. Нос высокий, узкий и метрически лепторинный; носовая ость выступающая, а нижняя граница грушевидного отверстия весьма бугристая. Однако суровая красота этой натуфийской женщины несколько умаляется аномальностью зубного прикуса, так как ее нижние резцы перекрывают верхние.

Морфологически этот череп совершенно европеоиден и, без сомнения, принадлежит к общему верхнепалеолитическому типу. Он также метрически подходит к женскому диапазону для этой группы. Однако он также подошел бы и к североафриканской серии из Афалу-бу-Руммель, за исключением того, что у него немного более узкий нос, нежели у женщин этой группы¹⁰⁷. В отсутствии данных о черепах палестинского ориньяка можно предположить, что ориньякский верхнепалеолитический гибрид неандертальца и сапиенса развивался в этом соседстве с источниками типа Схул и что эта женщина из Эрг-эль-Ахмар является их потомком.

Череп более позднего натуфийского периода, хотя и многочисленные, остаются неопределенными для классификации из-за того, что несколько их различных описаний не

¹⁰⁴ Garrod, Miss D. A. E., BASP, No. 6, 1930, pp. 843.

¹⁰⁵ Г-н Т.Д. Маккауна во время написания был занят работой над большим собранием этих скелетов под руководством сэра Артура Киса и намеревается вскоре опубликовать результаты.

¹⁰⁶ Vallois, Henri, V., Anth, vol. 46, 1936, pp. 529–543.

¹⁰⁷ Некоторые из черепов Мугарет-эль-Вад, принадлежащих более раннему слою, кажутся похожими на черепа верхнего плейстоцена. Это сравнение представляет, однако, предварительное впечатление и нуждается в оговорках. Из личного общения с Т.Д. Маккауном.

совпадают друг с другом. Сэр Артур Кис¹⁰⁸ в предварительном сообщении об останках из Шукбы и Кебары заявляет, что поздние натуфийцы были невысокими людьми: средний рост мужчин составлял 160 см, а женщин – 152 см. Самый высокий мужчина в группе имел рост только 165 см. Руки и ноги этих поздних натуфийцев были необыкновенно маленькими, а кости не были массивными.

Череп, которые описывает Кис, принадлежат к средиземноморскому типу с черепным указателем от 72 до 78, таким образом отличаясь от субдолихоцефальной формы головы низкорослых средиземноморцев современности. Мозговые коробки среднего размера, а лица в абсолютном отношении маленькие. Нижние челюсти также невелики и слабо развиты, с небольшим выступанием подбородка и доминированием альвеолярного прогнатизма. Широкий, низкосводчатый нос в сочетании с прогнатизмом придает лицу несколько негроидный вид. Надбровные дуги гладкие, и вся система мускулатуры у мужчин развита слабо. Эти поздние натуфийцы представляли собой средиземноморский в своей основе тип, имеющий небольшое сходство с негроидами¹⁰⁹. Очевидно, в течение натуфийского периода произошла смена расы. Эти малые средиземноморцы, должно быть, приведенные в движение сменой климата, принесли свои микролиты откуда-то с юга или востока.

¹⁰⁸ Keith, Sir A., *New Discoveries*, pp. 202–214; PICP, 1932, pp. 46–47.

¹⁰⁹ Это впечатление также подтверждается французской школой. См. Boule, Vallois, and Verneau, *Les Grottes Palaeolithiques de Beni Séghoual*, pp. 212–214.

4. Население культуры кухонных куч Тежу

Хотя в течение прошлого столетия из пещер в различных частях Испании было извлечено много черепов, ни один из них не может быть приписан мезолитическому периоду с полной уверенностью. Так как Испания была, очевидно, основным, если не единственным путем движения на север из Африки в Европу в течение мезолита, этот пробел в наших знаниях крайне неуместен, особенно ввиду параллельного дефицита находок в Марокко.

Тем не менее, в Португалии в серии кухонных куч, лежащей на высоком берегу около деревни Мугем, на восточном берегу реки Тежу (Тахо), на расстоянии приблизительно пятнадцать миль вверх по течению от морского берега были найдены скелеты позднего мезолита. В то время моллюски, которыми питались строители кухонных куч, жили в соленой воде¹¹⁰, а земля, должно быть, лежала на несколько метров ниже сегодняшнего уровня. Это понижение, вероятно, может быть скоррелировано с формированием Литоринового моря, продолжавшимся в современной Балтике с 5600 до 2500 гг. до н.э. Если эту датировку прилагать к Португалии, то кухонные кучи из Мугем, вероятно, появились ближе к концу этого периода, чем к его началу. Самая надежная датировка этого участка является непосредственно преднеолитической¹¹¹, если не раннеолитической, в III тысячелетии до н.э.

За последние 80 лет в разное время из этих кухонных куч было извлечено более 200 человеческих скелетов. Однако из этого числа только девять были измерены и описаны таким способом, что мы можем рассмотреть их здесь¹¹². В прошлом было распространено много любопытных идей о расовых типах, представленных этими останками, и этим взглядам слишком сильно доверяли и часто их повторяли. Основным неверным представлением было то, что черепа из Мугем включают два типа: негроидный и гипербрахицефальный, называемый то альпийским, то монголоидным.

На самом деле нет никаких свидетельств в пользу большей тенденции к негроидности этих черепов по сравнению с обычно обнаруживаемой среди многих современных европейцев средиземноморского происхождения. Так называемые «брахицефальные» черепа, вероятно, все или почти все мезоцефальны, так как некоторые были ужасно исковерканы давлением почвы, другие были неверно измерены, а третьи были утеряны или приписаны другим культурам¹¹³.

Серия черепов из Мугем, как это известно в настоящее время, является вполне гомогенной. Черепной указатель располагается в пределах от 69 до 80 или, возможно, 82; у большинства черепов он немногим больше 70. У живых людей можно постулировать среднюю величину указателя приблизительно 75–77. Мозговая коробка имеет средний размер, но относительно высокая; овоидная по форме, гладкая на вершине и мягко закругленная в затылочной области. Женские черепа имеют вертикальные лбы, а мужские – покатые; лобная кость у обоих полов всегда сильно изогнута. На большинстве мужских черепов надбровные

¹¹⁰ Obermaier, H., Fossil Man in Spain, p. 325.

¹¹¹ Обермайер (там же, стр. 325) говорит: «Фауна этих залежей не включает никаких домашних животных – кроме, возможно, собаки – и состоит из дикого рогатого скота, оленей, овец или козлов, лошади, свиньи, собаки или волка, животных из семейства кошачьих, барсука, виверры и зайца» (курсив мой). Неизвестно, чтобы в рассматриваемый период Пиренейский полуостров населяли дикие овцы или дикие козлы. Единственное животное, которое, возможно, было принято за другое, – это маленький каменный козел, кости которого намного меньше, чем у овцы или козла. Если рассматриваемые кости не являются костями каменного козла, то население культуры кухонных куч Мугем, должно быть, уже встретило первые волны неолитического хозяйства из Северной Африки. Земледелие и домашние животные не обязательно вторгались на Пиренейский полуостров, сметая все вокруг; вероятно, в качестве авангарда могли блуждать рассеянные семьи пастухов.

¹¹² Vallois, Henri V., Anth, vol. 40, 1930, pp. 337–389.

¹¹³ Vallois, op. cit.

дуги хорошо развиты в срединной доле, но не по бокам, в то время как на женских экземплярах надглазничная область обычно довольно гладкая.

Орбиты являются низкими, но не особенно узкими. Размеры носа являются небольшими, отсюда мезоринный носовой указатель; нижняя граница носового отверстия обычно острая, но в некоторых случаях она закругленная, а в одном канавчатая. Лицо мезопрозопное – низкое и чрезвычайно узкое. На фотографиях скуловые дуги кажутся тонкими и близко выровненными к вискам. Нижние челюсти имеют умеренную высоту, но они узкие, а небо весьма большое для общего размера черепов. Зубы также являются большими. Большинство черепов демонстрирует небольшой альвеолярный прогнатизм, в нескольких случаях довольно выраженный.

Среди девяти черепов, измеренных Валлуа, женщины равняются мужчинам или приближаются к ним по всем размерам. Поэтому половая дифференциация с метрической точки зрения фактически отсутствует, но различие в развитии надбровных дуг достаточно очевидно, чтобы позволить краниологу без труда различать их. Длинные кости, изученные отдельно от черепов, с которыми их нельзя связать, дают реконструированный рост 160 см для мужчин и 152 см для женщин. Несмотря на низкий рост, форма конечностей, обнаруженная среди некоторых верхнепалеолитических народов, в данном случае повторяется – периферийные сегменты длинные по сравнению с проксимальными.

Расовое положение населения из Мугем не может быть окончательно определено, пока в нашем распоряжении не появится больше свидетельств, как внутренних, так и сравнительных. Все же по существующим признакам есть все причины полагать, что португальские обитатели культуры кухонных куч были очень подобны или тождественны последним натуфийцам Палестины и что они представляли собой движение на север с родины средиземноморской расы, расположенной где-нибудь в юго-западной Азии, северо-восточной Африке или и там, и там.

5. Мезолитический человек во Франции

Несмотря на обширные раскопки, которое проводились во Франции в течение почти столетия, наши знания о населении мезолита Франции немногим больше знаний о населении Пиренейского полуострова. Французские стоянки мезолита делятся на две главных культурных группы: азильскую и тарденуазскую. Тарденуазская культура представляет собой наступление на север капской культуры из Северной Африки и ее восточное распространение через Центральную Европу по направлению к России и, возможно, далее. Азильская культура представляет собой выродившееся выражение мадленской культуры, сохранившееся в юго-западной Франции, в Астурии, в Испании и части Англии под влиянием тарденуазской культуры. К зрелому мезолиту фауна Франции изменилась почти полностью, ибо северного оленя, на которого охотились люди мадленской культуры, сменил обыкновенный олень, а внушительные мамонты и другие большие млекопитающие к тому времени давно вымерли.

Единственная известная французская мезолитическая серия, кроме отдельных скелетов, происходит с Тевьека – маленького острова на западе полуострова Киберон в департаменте Морбиган, Бретань¹¹⁴. Здесь прибрежное население питалось моллюсками, включая вид *Litorina*, и ракообразными в сочетании с небольшой охотой. Останки этого населения, состоящие из двадцати одного скелета, происходят из каменных гробниц, зарытых в кухонных кучах на намывной береговой полосе. Орудия, как продемонстрировано в археологической части сообщения о Тевьеке, видимо, имеют маргинальный эпипалеолитический азильскоподобный характер, как и орудия из астурийского уровня Испании, с некоторым позднеатарденуазским влиянием. На основе памятников, намывной береговой полосы, скелетов *Litorina* и каменных гробниц нужно предположить, что останки не могут быть старше, чем IV тысячелетие до н.э. и, возможно, они еще более поздние. Однако они совершенно мезолитические и предшествуют местному населению неолита, каким бы поздним оно ни было.

Из двадцати одного скелета были изучены 7 взрослых мужчин и 8 взрослых женщин (см. приложение I, кол. 3). Их черепа вполне однородны; они меньше по размеру, чем французские верхнепалеолитические черепа, но немного больше, чем у населения из Мугем или натуфийцев; свод столь же высок, как и широк; форма черепа находится между долихо- и мезоцефалией: среднее значение для мужчин составляет 74,3 в узком диапазоне 72–77. У этих черепов толстые, довольно массивные по структуре кости. Морфологически они напоминают верхнепалеолитическую, а не средиземноморскую форму. Лица низкие и относительно широкие, со скуловым диаметром, часто превышающим ширину головы. Надбровные дуги некоторых из мужчин довольно тяжелы, носовая впадина глубокая. Носы мезоринные и совершенно европейские по форме; орбиты низкие.

В целом эти черепа похожи на уменьшенные копии ориньякских и мадленских форм или промежуточную стадию между ними и средиземноморцами с юга, представленными португальскими и палестинскими образцами. Один череп в особенности является поразительным подобием образца из Шанселяда.

Рост этих людей был небольшим – 159 см у мужчин, 151 см у женщин; длинные кости не очень тяжелые. Периферийные конечности были относительно длинными – не настолько, как у некоторых более древних скелетов, но длиннее, чем у большинства современных европейцев.

¹¹⁴ Péquart, Marthe, and St. Juste; также Boule, M., and Vallois, H., AIPH, Mem. 18, 1937.

Наша интерпретация этих позднемезолитических останков из западной части Франции состоит в том, что они представляют собой группу маргинального эппалеолитического населения родом из-за Пиренеев, оттесненных на север частично из-за изменения климата, а частично из-за прибытия новых людей из Северной Африки. В конце концов, у нас нет никаких других свидетельств того, какое именно население существовало на Пиренейском полуострове в течение позднего плейстоцена. Конгломерат первой волны ориньякцев, подобных Гримальди–Комб–Капель в сочетании с некоторыми мадленцами и некоторыми носителями микролитов с юга и востока, по-видимому, очень походил бы на этот тевьекский тип, тем более, что средние и поздние ориньякцы не охотились южнее Пиренеев.

Кроме этой тевьекской серии, собственно азильская культура представлена останками четырех людей, в Тру-Виоле у г. Монтарди¹¹⁵, департамент Арьеж, в северных Пиренеях, около типично азильской стоянки у Мас-д’Азиль, и одной нижней челюсти и нескольких длинных костей из собственно Мас-д’Азиль¹¹⁶. Только один экземпляр, так называемый Монтарди № 1, включает полный скелет или даже полную мозговую коробку. Без подробного анализа можно сказать, что во всех отношениях они принадлежат к тому же самому типу, что и скелет из Тевьека.

¹¹⁵ Sawtelle, R. O. (Mrs. Wallis), PMP, vol. 11, #4, 1931.

¹¹⁶ Piette, E., BSAP, ser. 4, vol. 6, 1895, pp. 485–486.

6. Захоронения голов в Офнете

Третий относительно большой ряд мезолитических черепов в Европе происходит из пещеры Офнет рядом с Хольхаймом в Баварии¹¹⁷, где были найдены тридцать три черепа, аккуратно сложенные в прочном круге, как яйца в гнезде. Девятнадцать из них принадлежали детям, десять – женщинам и только четыре – мужчинам. Вместе с черепами в большинстве случаев присутствовали первый и второй шейные позвонки. Тела отсутствовали. За несколько миль оттуда в Кауфертсберге был обнаружен единственный взрослый мужской череп, захороненный при идентичных обстоятельствах.

К сожалению, в этой мезолитической загадке невозможно обнаружить убийц. Специфическое соотношение полов, тот факт, что все головы были захоронены сразу же все еще свежими, и дальнейший факт, что все они были разломаны острыми ударами имеющего форму линзы орудия, подобного по форме круглому стержню¹¹⁸, делают маловероятным, что это были обычные мирные похороны. Черепа были размазаны красной охрой, а несколько кремневых орудий были оставлены рядом с ними. Из этих улик мы можем вывести, что убийцы или их жертвы, или и те, и те, принадлежали или к тарденуазской¹¹⁹, или к азийской культуре и жили, вероятно, в период II мезолита¹²⁰. Эти черепа не составляют однородную группу, а отличаются в основном по форме головы, а также по другим признакам. Из этих двух долихоцефалов мужчина, обозначенный как K1818, – это, очевидно, сохранившийся верхнепалеолитический тип без видимого изменения. Этот череп превышает остальную часть серии по общим размерам. Он чрезвычайно массивен, с выдающимися надбровными дугами, покатым лбом, очень широким лицом, чрезвычайно низкими орбитами и тяжелой нижней челюстью. Его объем более чем 1600 кубических сантиметров. Его спутник, мужчина меньших размеров, менее развит и находится ближе к общему типу серии.

Мезоцефалы, включающие череп из Кауфертсберга, меньше и имеют относительно более высокие своды; как указали Буле и Валлуа¹²¹, они граничат с тевьекским типом, который эти авторы считают сохранившимися мадленцами. Во всяком случае, они, видимо, не занимают промежуточное положение между вышеописанными долихоцефалами, напоминающими скорее полный прототип ориньяка, и брахицефалами.

Последнее демонстрирует реальную проблему, связанную с Офнетом. Два из брахицефальных черепов являются мужскими¹²², два – женскими, с самым высоким указателем 87. Эти черепа длинные, широкие и умеренной высоты свода; их лица широкие без исключений. В одном из мужских экземпляров (K1809) самая большая длина черепа находится в передней доле, как у современного населения с плоскими затылками типа арменоидов. Лоб этого черепа очень широк, а лицо чрезвычайно широкое и низкое. Это лицо, кроме того, совершенно ортогнатное, а более низкая челюсть очень массивна, с выступающими углами нижней челюсти и квадратным, двусторонним подбородком. Эта челюсть также очень высокая и уменьшает впечатление от низости общего лицевого плана. Другой мужской экземпляр, находящийся на границе брахицефалии (K1800), – единственный в целой группе гипсиконный, и один из двух лепторинных.

¹¹⁷ Scheidt, W., Die eiszeitlichen Schädelfunde aus der grossen Ofnet-höhle, etc.

¹¹⁸ Mollison, T., AAnz, vol. 13, 1936, pp. 79–88.

¹¹⁹ Clark, J. G. O., The Mesolithic Settlement of Northern Europe, p. 218.

¹²⁰ Моллисон, учитывая поперечное сечение инструмента, которым они были убиты, предполагает, что его можно датировать поздним мадленом, так как такие инструменты не появляются заново до позднего неолита. Mollison, T., op. cit.

¹²¹ Boule, M., and Vallois, H., AIPH, Mem. 18, pp. 170–177.

¹²² Включая K1800, черепной указатель которого составляет 79,85.

Женские черепа демонстрируют значительную половую дифференциацию по форме головы, а также по надбровным дугам и другим проявлениям костяного рельефа. Как у их верхнепалеолитических прототипов, в большинстве случаев они заметно меньше мужчин. В целом они изменчивы намного меньше, чем мужские черепа, и по своему типу ближе всего к брахицефальному мужчине K1809.

Несмотря на различия между этими черепами, подчеркнутые в предшествующем описании, все вместе они имеют верхнепалеолитический характер. Длинноголовое население, вероятно, было прямыми потомками местного населения позднего плейстоцена или переселенцев подобного типа из Северной Африки. Мезоцефалы же, возможно, были носителями азильской культуры от южной Франции до Баварии. Брахицефалы, с другой стороны, вероятно, были сохранившимся населением типа, представленного Солютре № 2 несколькими тысячами лет ранее, но они намного больше напоминают брахицефалов из Афалу-бу-Румель.

Возможно, что древний тип Афалу был принесен в Центральную Европу в начале волны перемещения, принесшего малых средиземноморцев в Португалию. Также возможно, но по археологическим соображениям пока что невозможно продемонстрировать, что эти брахицефалы прибыли из Малой Азии или Палестины, где тип, подобный Афалу, существовал в раннем натуфийском периоде и, по-видимому, еще раньше. Вопрос происхождения этих брахицефалов не может быть решен без дальнейших данных¹²³. Во всяком случае, черепа жертв из Офнета демонстрируют, что в ранние послеледниковые времена различное сохранившееся население более древнего порядка начало собираться севернее Альп.

¹²³ Фотографии по крайней мере трех из восьми черепов Офнета, напечатанные Шейдтом, демонстрируют очевидные признаки выбитых зубов. Это K1809, верхний правый боковой резец; K1813, более низкий правый срединный резец; Кауфертсберг, более низкий левый боковой резец. Так как выбитые резцы были найдены в некоторых из натуфийских черепов, как и в одном описанном позднекапском черепе, это могло бы указать на связь с юго-востоком или с юго-западом (сведения о натуфийцах взяты из личного общения с Т.Д. Маккауном. Позднекапский череп – это Айн-Млила, описанный Буле, Валлуа и Верно в монографии по Афалу).

7. Мезолитический человек в Крыму

К востоку от Офнета до Крыма мезолитическая Европа представляет собой чистый лист, поскольку на всей этой территории не были найдены и описаны никакие человеческие останки этого периода. В маленькой пещере Мурзак-Коба¹²⁴ поблизости от крымской деревни Чоргун советские археологи нашли два скелета, раздробленные тяжелыми камнями, упавшими с крыши. Один из них является мужским, а другой женским.

Человек из Мурзак-Кобы был высоким (180 см), с длинной и широкой головой, тяжелыми надбровными дугами и большими, тяжелыми скошенными гребнями на затылке. Очертания носовой области с пониженным корнем являются типичными для европейца верхнего палеолита, а орбиты чрезвычайно низкие и широкие. Ширина и высота лица больше, чем среднее значение для верхнего палеолита. Человек из Мурзак-Кобы был, без сомнения, мезолитическим потомком восточноевропейского верхнепалеолитического типа. Его женский сосед, видимо, представлял собой женскую версию той же самой расы.

Утварь этой пары состояла из кремневых орудий и костных гарпунов мезолитического типа. Значение этих двух скелетов в общей проблеме мезолитического распространения состоит в том, что проникновение мезолитической культуры и расы в Европу с этой дальней восточной точки несколько менее вероятно.

Это, конечно, никоим образом не затрагивает возможность проникновения через Балканы; но обширные исследования в Югославии не обнаружили там никакого мезолитического слоя¹²⁵. Мы снова вынуждены прийти к заключению, что большая часть мезолитических влияний – как культурных, так и физических, – появившихся в Европе после отступления ледника, проникла на континент через Гибралтарский пролив¹²⁶. Конечно, по мере того, как новые свидетельства выйдут на свет¹²⁷, это заключение может быть и пересмотрено.

¹²⁴ Field, Henry, AA, vol. 39, 1937, p. 468.

¹²⁵ Fewkes, V. J., BASP, #9, 1933, pp. 17–32.

¹²⁶ Италию как возможный путь следует отвергнуть, так как культура этого полуострова во время всего верхнего палеолита – это культура Гримальди, местная форма ориньяка, существовавшая без солютрейского или мадленского перерыва до мезолитических времен, и даже до неолита, с только небольшим микролитическим влиянием. Greenlee R. F., *The Association and Interrelation of the Microlithic Cultures of Europe and Africa* (издано частным образом), 1935, pp. 28–31.

¹²⁷ Г. Бонч-Осмоловский сообщает об открытии другого мезолитического скелета из Крыма, захороненного в согнутом положении. Он утверждает, что это более древний скелет, чем скелет из Мурзак-Кобы, не принадлежащий к кроманьонскому типу. Цит. по Field, H., AA, vol. 39, 1937, p. 467.

8. Сохранившееся палеолитическое население на северо-западе

Как мы видели, во время максимума оледенения в вюрме-II палеолитический человек приспособился к холоду. Естественно предположить, что, настолько приспособившись, он следовал на север за климатом, к которому он привык, поскольку лед таял, и животные, которыми он питался, перемещались в том же самом направлении. Теперь последний ледник Европы был сосредоточен не в самом северном пункте континента, а на континентальном массиве Скандинавского полуострова, но, очевидно, побережье Норвегии (северное и западное) не было затронуто последним наступлением ледника. Таким образом, люди могли проникнуть в Скандинавию в позднем палеолите¹²⁸. Поэтому Скандинавия составила последнюю область отступления человека древнего каменного века, бегущего перед лицом вторгающихся умеренных условий с их ростом леса и изменением фауны; поскольку, когда лед исчез, ему некуда было деваться. Здесь он наконец-то встретился с меняющимся климатом раннего послеледникового периода и с окончательной необходимостью изменения своей культуры.

Сопровождающая диаграмма делает ненужным подробное описание изменений, произошедших в Балтийском регионе в течение мезолита¹²⁹. В период I, длившийся с конца палеолитических времен до приблизительно 6800 г. до н.э., следуя хронологии де Жира, в Северной Европе появилось множество местных техник палеолитического происхождения. Таким образом, культуры черешковых наконечников, простиравшиеся от Бельгии до Украины через северную Германию и Польшу, происходят в конечном счете из ориньякских прототипов, а гамбургская культура Мейендорф, наследница аренсбургской культуры периода I, была частично одновременной с мадленской культурой Франции.

На самом севере Скандинавии, по крайней мере, в течение последней части периода I, использующие черешковые наконечники люди жили за верхней кромкой ледника на узком прибрежном краю, отдельно от остальной части человечества. Южнее ледника, в Дании и южной части Швеции, а также в северной Германии сохранившееся палеолитическое население, очевидно, изобрело топор типа «лингби» из рога оленя, чтобы справиться с вторгающимся лесом. Однако самой важной культурой этого периода была аренсбургская, которая является самой известной из-за недавних раскопок у Штельмоор, в нескольких милях к северо-востоку от Гамбурга.

В бореальные времена – период II (приблизительно 6800–5600 гг. до н.э.) – дно Северного моря поднялось, и суша связала Англию и Шотландию с Данией. В то же самое время Балтика стала пресноводным так называемым Анциловым озером. Вся североевропейская равнина от Англии до Урала была покрыта лесом умеренного пояса. В этом лесу возникла культура маглемозе, составленная из трех элементов: 1) предшествующие культуры севера, особенно аренсбургская и топоров «лингби», 2) мадленская, уже включенная в аренсбургскую, 3) движущаяся на север тарденуазская, возможно, южного и юго-восточного происхождения. Следовательно, жители Северной Европы в период I (приблизительно 11 800–6800 гг. до н.э.) были просто потомками людей, которые жили непосредственно южнее материкового льда в течение нескольких тысяч лет, а в течение периода II (6800–5600 гг. до н.э.) к ним присоединился авангард вновь прибывшего населения, которое мы, возможно, уже

¹²⁸ Boë, J., and Nummedal, A., Le Finnmarkien.

¹²⁹ Большинство из нижеследующего материала основано на Clarke, J. G. D., The Mesolithic Settlement of Northern Europe; также *Antiquity*, vol. 12, 1938, pp. 154–171.

встречали в Офнете. Эти факты должны дать нам некоторое представление относительно физического состава североευропейского населения в течение этих двух периодов.

Культура периода III, который примерно совпадает со временем атлантической климатической фазы, была обусловлена дальнейшими изменениями окружающей среды. Уровень океанских вод повысился из-за таяния льда, Балтика снова стала соленой, а вторжение Северного моря изолировало Великобританию от континента. В течение Периода III маглемозский образ жизни сохранился на североευропейской периферии, а в центре Дании и в южной Швеции развивалась новая культура – культура эртебелле.

Население культуры эртебелле состояло из собирателей, питавшихся среди прочего моллюсками на берегах недавно сформированного Литоринского моря, а также рыбаками. Их кухонные кучи содержат костяную муку и поделки, включающие грубую глиняную посуду.

Культура эртебелле имела свои корни в культуре маглемозе, хотя, несомненно, она была усилена новыми элементами – по-видимому, с юга и востока, и это было местное развитие местного человеческого материала. Когда неолитические фермеры и пастухи наконец достигли Дании и южной Швеции, они обнаружили оседлое население собирателей моллюсков и рыбаков, твердо основавшееся на побережье. Вследствие изобилия морской пищи это население, должно быть, имело значительную плотность. Хорошо оснащенные орудиями рыбаки на берегах богатых рыбой вод гораздо сильнее сопротивляются вторжению земледельцев, чем охотники. Население культуры эртебелле не было вытеснено своими неолитическими соседями, но при этом они не были поглощены без следа большей массой населения.

В южной Скандинавии древние расовые элементы сохранились как сами по себе, так и в сочетании с новыми, в то время как в Норвегии старые изготовители черешковых наконечников продолжали жить по-своему, влияя на технические методы неолитических мастеров.

ХРОНОЛОГИЯ МЕЗОЛИТА БАЛТИКИ

Хронология (по де Гаару и Саурамо)	КЛИМАТИ- ЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ (по Блюмту и Сернандеру)	Периоды плейстоцена	ФАЗЫ БАЛТИЙСКОГО МОРЕЯ (по Мюнне и Саурамо)	ЛЕСА (по фон Посту)	АРХЕОЛОГИЯ (по Кларку)	
					периоды	
2000	Суббореальный (теплый, влажный и континен- тальный)	И К О В Ы Й П Е Р И О Д				НЕОЛИТ
3000	Атлантический (более теплый, сырой и океа- нический)		Литоринское море (соленое) Литоринский максимум	Смешанные дубовые леса ольха	III	ЭРТЕ-БЕЛЛЕ
4000						
5000			Начало			
5600	Бореальный (теплый, влажный и континенталь- ный)		литоринской трансгрессии	орех, кустарники сосна береза и сосна	II	МАГЛЕ-МОЗЕ
6000			Анциловое озеро (пресное)			
6800	Добореальный (первое появление настоящих лесов)	П О С Л Е Д Н И Й П Е Р И О Д	Йолдское море (соленое)	береза сосна и травы	I	Черешковая культура: аренсбургская, рему- шапская, свидерская, Комса, Фосна ?
7000			Балтийское озеро, перегороженное льдом			
7800			Поздне- ледниковый (арктический)			
8000						
8300						
9000						
10 000						
11 800						
25 000						

Рис. 16. Адаптировано и сгруппировано из таблиц Годвина и Кларка с дальнейшими изменениями, предложенными Мовиусом. Godwin, H., Pollenanalysis, etc., The New Phytologist, Vol. 33, #4, Oct. 12, 1934, p. 339. Clark, J. G. D., The Mesolithic Age in Northern Europe, p. 53.

Карта 1. География мезолита Северо-Западной Европы

По Clark, J. G. D., *The Mesolithic Settlement of Northwestern Europe*, 1936, Fig. 15, p. 55; *Antiquity*, vol. 12, 1938, Fig. 2, p. 158.

Период I не представлен ни единой частью человеческой кости, которая может быть датирована с какой-либо точностью. Период II – период культуры маглемозе – известен множеством скелетных находок, большинство которых, однако, вызывает сомнение. Единственные останки, которые полностью признаны и относительно которых не может быть никаких дискуссий – это следующие: 1) Стонгенес, около Роэ, в округе Бро, Бохуслен, Швеция; 2) Мюллерп, Дания; 3) Свердборг, Швеция; 4) Сандарна, Швеция¹³⁰.

Единственный из них полезный экземпляр для расовых выводов любой значимости – это экземпляр из Стонгенеса, состоящий из мозговой коробки, бедра и голени. Это кости чрезвычайно высокого человека, ростом 181 см¹³¹, с длинными ногами, особенно нижних сегментов. Бедро и голень демонстрируют все особенности формы и развития, связанные с верхнепалеолитическим населением. Мозговая коробка чрезвычайно длинная и имеет указатель 71,9, широкий лоб и видимые надбровные дуги. Фюрст, тщательно изучивший этот фрагмент, без сомнений относит его к верхнепалеолитической расовой группе, особенно центральноевропейскому ориньяку¹³².

Находки в Мюллерпе и Свердборге состоят из нижней челюсти ребенка каждая¹³³ и нескольких сломанных фрагментов других костей. Находка в Сандарне ограничена одной

¹³⁰ Clarke, J. G. D., *op. cit.*, pp. 133–136.

¹³¹ Вычислено по двум из формул Пирсона. $Stat. = 71,272 + 1,159 \times (F + T)$, и $Stat. = 71,443 + 1,22 F + 1,08 T$.

¹³² Fürst, Carl M., *FKVA*, vol. 20, 1925, pp. 274–293.

¹³³ Так называемый *Homo kiliensis*, детский череп, также может датироваться этим периодом, но для уверенной датировки не хватает свидетельств. Clarke, *op. cit.*, p. 133; Reche, O., *AFA*, vol. 21, 1925, p. 176; Kossinna, G., *MannusB*, #6a, 1928;

длинной костью. За дальнейшими свидетельствами о расовом составе населения культуры маглемозе мы должны обратиться к северной Германии.

В северной Германии, составляющей часть североευропейской мезолитической области, множество черепов, найденных при разных обстоятельствах, было приписано всем трем мезолитическим периодам. Проверить предполагаемый возраст любого из них трудно, если не невозможно.

Среди наиболее надежных находятся два взрослых черепа, а также одна взрослая и три детских нижних челюсти, выкопанные со дна Притцербергского озера, к северо-западу от Бранденбурга на реке Гавель¹³⁴. Хотя они выкопаны из слоя голубой глины, лежащей под торфом на дне озера, точный геологический возраст этих вещей установить нельзя. Олений рог и поделки из кости из той же самой глины принадлежат периодам I, II, и III мезолита¹³⁵. Эти два черепа, вероятно, являются женскими, хотя их пол не был определен окончательно. Оба принадлежат к длинноголовому типу с указателями 71; оба имеют определенные древнеевропейские черты – такие, как альвеолярный прогнатизм, сильные надбровные дуги, высокие височные гребни, выраженные надсосцевидные гребни и относительно большие зубы. Но эти два черепа отличаются друг от друга в некотором отношении: номер один большеголовый, коротколицый и мезоринный, а номер два с небольшой головой, очень длиннотелый и мезоринный. Но у обоих из них только лишь умеренные скуловые диаметры.

Тщательное сравнительное исследование этих двух черепов без труда помещает их обоих в женский ряд верхнепалеолитических черепов; самое большое подобие существует между номером два и женщиной из Оберкасселя. Хотя два черепа из Притцербергского озера сильно отличаются по размерам и форме лица, этим различиям можно подобрать соответствия в верхнепалеолитической группе. Взрослая мужская нижняя челюсть, найденная с черепами Притцербергского озера, является большой, широкой, высокой и имеет вывернутые углы; она принадлежит к той же самой расовой категории, что и черепа. Типологически эти черепа из Притцербергского озера остаются мезолитическими, поскольку эти два черепа могли быть женскими копиями черепов из Стенгенеса, но какому из этих трех периодов они принадлежат, мы сказать не можем.

Антропологический институт Кильского университета обладает множеством мезолитических черепов из Шлезвиг-Гольштейна, большинство которых было выкопано из Кильской гавани или канала кайзера Вильгельма во время выемки грунта. Другие были просто выкопаны из залежей торфа фермерами, осушающими свои болота. Семи из этих экземпляров можно приписать даты разной точности; все семь принадлежат физическому типу, мужским примером которого может служить череп из Стенгенеса, а женским – череп из Притцербергского озера¹³⁶.

Четыре из них были датированы при помощи анализа пыльцы¹³⁷; три приписаны к самой древней литоринской трансгрессии¹³⁸, а археологически, по-видимому, к самому концу периода II, или периода культуры маглемозе; а четвертый к полностью литоринскому периоду – таким образом, вероятно, к периоду III, или эртебелле. Другие три экземпляра,

Ursprung und Verbreitung der Germanen, pp. 134–142.

¹³⁴ Reche, O., AFA, vol. 49, 1928, pp. 122–190.

¹³⁵ Clarke, op. cit., p. 134.

¹³⁶ Aichel, Otto, Der deutsche Mensch. Образцы, на которые мы ссылаемся – это B 5, KS 11032, KS 11254b, B 38, B 34, B 37, B 10.

¹³⁷ Профессор Айхель посылал землю или торф из черепных полостей свежескопанных черепов палеоботаникам; из образцов, лежащих годы в музеях, он собирал землю из ушных отверстий. Этот метод не всегда дает определенные результаты, так как иногда серии не содержат достаточно пыльцы для статистического изучения.

¹³⁸ Трансгрессия – затопление морем участков земной поверхности, которые до того были сушей. – Прим. перев.

включая череп из Эллербека, выкопанный из затопленной земли в Кильской гавани, могут быть датированы весьма предварительно только при помощи их связи с утварью.

Таким образом, пока что в северной Германии и Скандинавии мы обнаружили только долихоцефальные черепа европейского верхнепалеолитического типа, связанные с останками раннего послеледникового мезолита. Но есть и другие черепа, являющиеся брахицефальными. Их принадлежность к мезолиту спорна. Это черепа из Пляу, Мекленбург; из Дёмица, со дна Эльбы; и из Шпандау, из устья Шпрее. Все они могут очень легко быть приписаны брахицефальной группе из Офнета, и если они не мезолитические, то они демонстрируют движение на север этого типа в более поздние времена¹³⁹.

Перед заключением этого обзора расовых связей в мезолите северо-западной Европы мы должны сказать и о параллельной ситуации на Британских островах. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в течение верхнего палеолита в Великобритании нет никаких настоящих пластов солютрейской или мадленской культур, но ориньяк продолжается, развиваясь в раннюю мезолитическую культуру, называемую крезвеллской. Она в свою очередь позже попадает под влияние распространения азильской культуры из западной Франции и северной Испании. Ориньякская культура, появившаяся в Англии и давшая жизнь крезвеллской культуре, очевидно, имеет центральноевропейское происхождение¹⁴⁰.

В течение мезолита северная ветвь крезвеллской культуры, сильно смешанная с азильской, проникла в юго-западную Шотландию, где была обнаружена в пещерах Обан в Аргиллшире. Пласты некоторых этих пещер датируются последним атлантическим временем, следующим за максимальной литоринской трансгрессией, когда эти пещеры сформировались. Это примерно коррелирует останки, содержащиеся в этих пещерах, с периодом III в Скандинавии. Мы должны помнить, однако, что, хотя в восточной Шотландии обнаружено немного находок культуры маглемозе, земля, соединяющая Шотландию с Данией в бореальный период, с тех пор стала дном Северного моря, и скелетный материал из пещер Обан не может иметь близкородственные в культурном смысле связи с материалом из Скандинавии.

В течение прошлого столетия при раскопках множества этих пещер появился скелетный материал, датирующийся временем от позднего мезолита до бронзы и железных веков и до современности. В одном из участков, пещере Макартура, содержались некоторые памятники, признанные азильскими¹⁴¹, как и два мужских черепа, из которых по крайней мере один, вероятно, совпадает по времени с пластом¹⁴².

Этот экземпляр, названный черепом Б, очень похож на фрагмент из Стенгенеса в Швеции — у него почти идентичные первому размеры свода, черепной указатель 70, широкий лоб и тяжелые надбровные дуги. Стреловидные дуги черепа, ширина и высота орбит, пониженный корень носа, ширина лица и высота нижней челюсти являются типичными для чисто длинноголовой разновидности верхнепалеолитической европейской расовой группы. По фотографиям¹⁴³ можно сделать дальнейшие наблюдения и даже восстановить примерные значения дополнительных размеров. Скуловая ширина лица была больше, чем ширина свода, а нос — лепторинным.

Короче говоря, человек из пещеры Обан — это идеальный пример физического типа центральноевропейского ориньяка. Что касается именно этого образца, то начальное верхне-

¹³⁹ Clarke, J. G. D., op. cit., pp. 133–136; Reche, AFA, vol. 49, pp. 122–190; Kossina, G., MannusB, #6a, 1928, p. 144; Kossina, G., Die Indogermanen, MannusB, #26, 1926, p. 16.

¹⁴⁰ Garrod, Miss D. A. E., RBAA, Pres. Ad., sec. H., vol. 4, 1938, PP. 1–26, viz. p. 23.

¹⁴¹ Аббат Бройль (PSAS, vol. 55, 1921, p. 163) утверждает, что эта стоянка в своей основе крезвеллская с сильной азильской примесью и слабыми следами культуры маглемозе.

¹⁴² Сэр У. Тернер (TRSE, vol. 51, 1914–15, pp. 211–214), утверждает, что череп Б на самом деле лежит в ракушечном слое, а череп А был извлечен из чернозема над этим пластом.

¹⁴³ Turner, p. 213.

палеолитическое вторжение в Британские острова много тысячелетий спустя все еще было представлено своим оригинальным расовым типом.

9. Заключение и выводы

Мезолитическая эпоха в Европе – это промежуток времени между концом ледникового периода и неолитом, длившийся девять тысяч лет. Народы, живущие в стадии мезолитической культуры, продолжали добывать пищу, охотясь, ловя рыбу и собирая плоды диких растений, как они делали и в палеолите; но теперь у них было и домашнее животное – собака. Технологически этот период отличает внедрение микролитического лезвия, которое могло использоваться в сложных инструментах, и изобретение топора для рубки леса.

С отступлением последнего ледникового покрова плодородные поля пустыни Сахара и юго-западной Азии начали высыхать, мяса стало недостаточно, а дождевой пояс переместился западнее и севернее. Микролитическая техника, использовавшаяся в течение последних времен верхнего палеолита в Северной Африке и на Ближнем Востоке, была принесена через Гибралтарский пролив и через Кавказ и юг России в Европу, где она распространялась в северном и северо-западном направлении, в итоге затрагивая технику всего континента. В то же самое время она проникла и в Палестину.

Это культурное проникновение на север и северо-запад сопровождалось в позднем мезолите или следовало в раннем неолите за вторжением в Европу населения средиземноморского типа с относительно маленькими головами – низкорослых, женоподобных людей, непосредственно происходящих от типа Галлей-Хилл и являющихся предками одной из ветвей современной средиземноморской расы. В позднем мезолите эти средиземноморцы также появились в Палестине.

Население верхнепалеолитического происхождения, составленное из раннеориньякского и мадленского элементов, двинулось на север из Испании и Пиренеев к западной Франции и Германии, если не дальше. В авангарде движения на север находился большой, широколицый, брахицефальный тип, напоминающий о брахицефальном элементе, постоянном в Алжире более древних времен. Хотя его географическое происхождение неопределенно, это явно был член средне- и позднеориньякской группы смешанного сапиентно-неандертальского происхождения.

Возможно, что в ранние послеледниковые времена из-за миграций с Ближнего Востока в Восточной Европе усилилось влияние древней палеолитической расы, хотя это пока еще нельзя ясно продемонстрировать. Вторжения, параллельные тому, которое пересекло Гибралтар, вероятно, происходили и через Кавказ, но в настоящее время очень мало свидетельств, поддерживающих такую теорию. В северо-западной Европе, особенно в Скандинавии и Великобритании, где находились главные центры последнего оледенения и где оно длилось дольше всего, верхнепалеолитическое население центральноевропейских типов сохранилось и в мезолите, и именно в этом регионе Европы мы должны искать максимальную степень сохранения европейцев ледникового периода в настоящее время. Точно так же другой главный тип, который мы проследили в течение палеолита, – длиннолицый и длинноногий предковый хамитский тип Восточной Африки – без изменений сохранился в Восточной Африке в мезолите.

Хотя большинство инноваций, если не все из них (как расовые, так и культурные), достигшие Европы в течение мезолитической эпохи, появились из Северной Африки, а также, возможно, из более восточных регионов, мы можем предположить, что события намного большей важности для человеческой истории в это время происходили на азиатском континенте. Там народы западных плоскогорий уже, должно быть, начали овладевать разведением животных и растений, что позволит им увеличиться в числе и выплеснуться в Европу, таким образом отмечая начало неолитического периода на этом континенте. Если

мы хотим понять расовые изменения, затрагивавшие население Европы в конце мезолита, мы должны посвятить наше внимание этим неизбежным захватчикам.

Глава четвертая

Неолитические вторжения

1. Введение

У слова «неолит» есть два значения. Первое из них чисто техническое, а второе – более широкое: 1) производство и использование гладких каменных орудий в форме топоров, тесел, долота, зубил и мотыг; 2) завоевание производительных сил биологического мира при помощи сельского хозяйства и разведения скота. Эти два определения, заключающие в себе, с одной стороны, орудия труда, а с другой – пищу, не всегда перекрываются, так как некоторые народы могут считаться неолитическими только в одном или в обоих смыслах. Из них только второй смысл имеет действительно жизненную важность в человеческой истории. В самом деле, переход от собирательства к производству пищи был величайшим шагом в развитии человека, начиная с изобретения языка¹⁴⁴.

Однако первое внедрение неолитической экономики произошло в нескольких центрах планеты: сегодня мы можем быть уверены только в двух из них – в Старом и Новом Свете. В Старом Свете растения и животные, подходящие для одомашнивания, в диком состоянии обитали в высокогорьях от Анатолии до Индии, а некоторые из этих видов доходили и до южных берегов Средиземного моря. Возможно, отдельным центром одомашнивания некоторых зерновых культур, но, вероятно, не животных, была Абиссиния. Возможно, когда экономистами-ботаниками будет изучен Йемен, это плодородное нагорье на другой стороне Красного моря станет таким же значимым.

Во время тысячелетнего отступления ледника в расположенный в Скандинавии центр и его истончения климатические зоны, создавшие пояс травяных равнин, двигались на север, а регионы, в которых зародилась цивилизация Старого Света, постепенно становились все засушливее. Афганистан и Иран, сегодня по большей части пустынные плоскогорья, в то время были плодородными; в Египте долина Нила была цепью болот, джунглей и озер, полных крокодилов и гиппопотамов.

Сегодня считается, хотя до сих пор и не доказано, что сельское хозяйство и одомашнивание животных возникли не в трех долинах – Нила, Тигра-Евфрата и Инда, а в плоскогорьях между ними. Речные долины стали центрами цивилизации из-за сезонных наводнений, а залежи свежих наносных образований не позволяли первобытным земледельцам истощить почву, что делало возможной оседлую жизнь. Далее, развитие ирригации и дренажных каналов было общественной работой, требующей общественной солидарности, и именно здесь и возникали царства, в то время как горцы придерживались своих деревень и боролись за свои наделы, как многие из них делают и сегодня.

Как указал Чайлд, одним из первых последствий овладения новыми и более производительными средствами экономической жизни является увеличение численности населения. Земледелие и одомашнивание животных не появились за один день. Овладение полной формой неолитического хозяйства могло занять одно или несколько тысячелетий и только с течением времени вытеснить охоту и собирательство. Должно быть, сначала использовалась древнейшая в Европе примитивная подсечно-огневая система земледелия, не позволяв-

¹⁴⁴ Childe, V. Gordon, *The Dawn of European Civilization; The Most Ancient East; The Danube in Prehistory; New Light on the Most Ancient East; Man Makes Himself.*

шая интенсивно использовать почву и способствовавшая медленному, но все еще кочевому образу жизни.

Засуха, последовавшая за передвижением влажных зон на север, в первую очередь привела к миграции народов в Палестину, Северную Африку и Южную Европу в форме мезолитических вторжений, которые мы уже рассмотрели. Однако эти движения не были мощными, потому что новое производящее хозяйство позволяло лучше использовать высеиваемую землю, на которой становилось все меньше полезных для человека диких животных и растений. Какое-то время в эмиграции не было нужды, но неизбежный рост населения в Западной Азии заставил земледельцев отправиться в те области, где господствовал климат, раньше благословлявший их земли.

Засуха, последовавшая за смещением циклонного пояса, стала окончательной только после того времени, что в Северной Европе называется атлантическим – т.е. около 5000 г. до н.э. Только к тому времени области Европы южнее только что сформировавшегося северного леса по-настоящему стали тем, чем раньше был пояс плоскогорий – умеренным, хорошо орошаемым лесным лугом, а не холодной безлесной равниной.

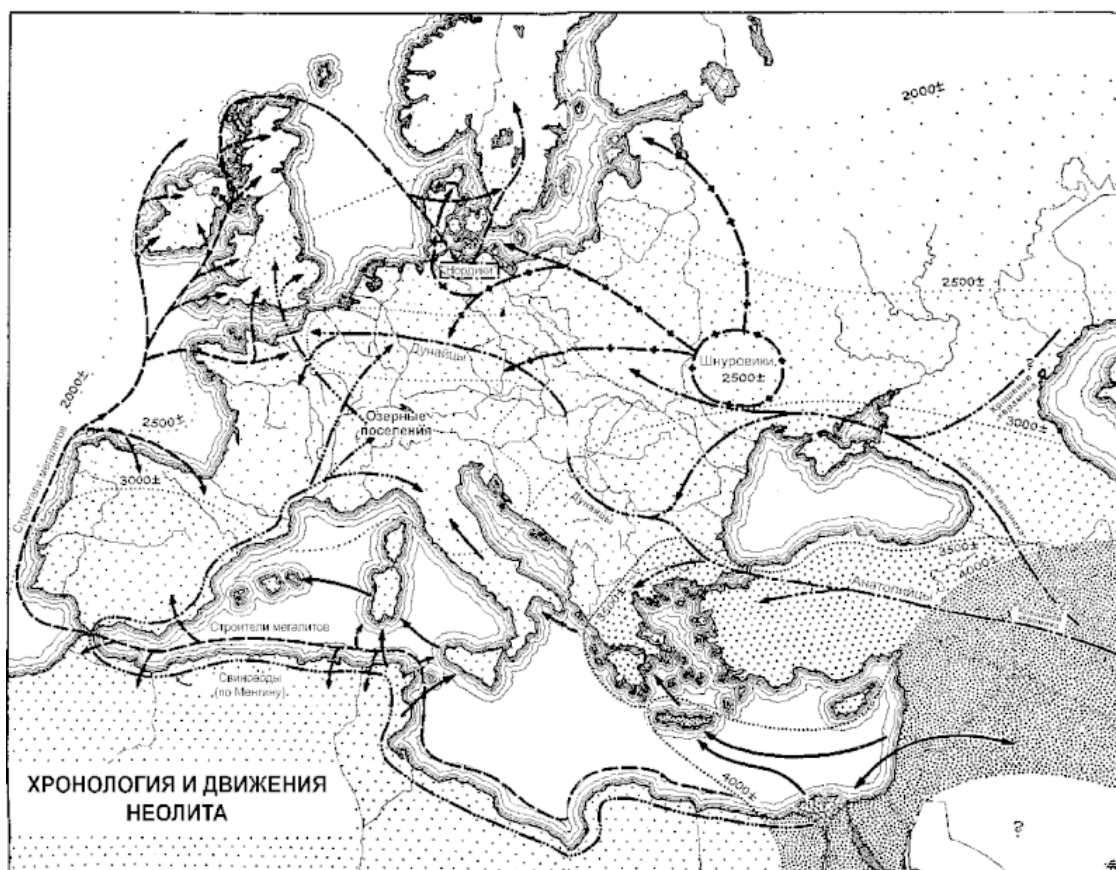
Та же самая общая дата – 5000 г. до н.э. – может быть экспериментально установлена как время начала сельского хозяйства и одомашнивания животных. Однако только почти 2000 лет спустя последователи этой новой экономики распространились и завоевали всю Европу, а не только ее порог.

Неолитические завоеватели Европы в поисках новых земель для земледелия и корма скота появились как дальнейший результат того же самого изменения окружающей среды, который привел в движение мезолитических завоевателей, которых они пополнили без разрыва во времени и с которыми они смешались. Но неолитическое завоевание было не таким простым, как мезолитическое. По мере распространения новой экономики она затрагивала значительное количество людей, чья реакция не была одинаковой. Европа, оплот потерянного климата, заселялась в разных местах и по-разному.

На карте 2 в самом общем виде показаны временная шкала неолитических вторжений в Европу и маршруты, по которым могли происходить эти вторжения. Нужно отметить, что неолит пришел на остров Крит раньше, чем на любую другую европейскую территорию; за ним последовала Греция и область рядом с Босфором; в итоге эти земледельцы распространились морским путем по всей территории Северного Средиземноморья. В это время другие неолитические земледельцы двигались вдоль берега Северной Африки из Египта и пересекли Гибралтар, завоевав Испанию. Отсюда они мигрировали на север и восток до швейцарских озер и Рейна¹⁴⁵. Их сельское хозяйство и скот – свиньи, овцы и крупный рогатый скот – в итоге распространились по большей части Западной Европы и даже Англии. В то же самое время другие земледельцы, пришедшие из Анатолии или юго-восточной России, или из обеих этих областей, двигались к Дунаю, и в конце концов обосновались в плодородных долинах Моравии и Богемии и даже западнее, встретившись с западным потоком, идущим с Гибралтара на север.

Карта 2. Неолитические движения и их хронология

¹⁴⁵ Menghin, O., *Weltgeschichte der Steinzeit*, pp. 294–302.

Эти три движения были первичными завоеваниями, привнесшими новое, сельскохозяйственное население в Европу. Позднее в неолите были еще два движения различного характера. Первым них было движение строителей мегалитов, плававших через Гибралтар и прошедших по западному берегу Европы до Британских островов и Скандинавии. Вероятно, что эти мореплаватели и принесли новую экономику в Скандинавию и на северные острова. Затем так называемые шнуrowики – население культуры шнуровой керамики, названное так по украшению своих гончарных изделий, – появились из какого-то загадочного места в южной России или из степей Западной Азии, расположенных севернее области плоскогорий. Они, вероятно, больше зависели от скотоводства и торговли, чем от земледелия. Как строители мегалитов по морю принесли цивилизацию в самые западные уголки Европы, так шнуrowики принесли новое просвещение на север, где сохранялась древняя жизнь, зависящая от охоты и рыболовства.

Таким образом, в III тысячелетии до н.э. пять завоеваний, сошедшихся в Европе с юга и востока, принесли в Европу новое население и дали тот расовый материал, от которого в большой степени произошли современные европейские популяции.

2. Неолит и средиземноморская раса

Неолит Европы – это в первую очередь период средиземноморской расы в той или иной форме. Очевидно, именно средиземноморцы перешли к производящей экономике где-то за пределами Европы и вторглись на территорию собирателей.

Этих средиземноморцев, хотя и достаточно однородных в некотором отношении, все же можно разделить на подгруппы территориально и типологически на основе нескольких черт. Прежде чем продолжить нашу географически-историческую реконструкцию, не помещает определить термин «средиземноморская раса», чтобы сравнить ее с другими встретившимися нам расами и определить ее главные типы.

Под средиземноморской расой – только в смысле типов скелета – мы подразумеваем семейство тесно связанных расовых типов, обладающих следующими чертами: длиннотовость, ортогнатность, мезо– или лепториния, узкое лицо, средний размер головы. Они произошли от обобщенного типа Галлей-Хилл и родственны образцам из Комб-Капель и Афалу № 28. В этом смысле средиземноморская раса – это название, которым мы предлагаем обозначать один из двух главных расовых элементов, связанных с развитием европеоидных народов. У этого элемента совершенно отсутствует неандертальское наследие. Он в некоторых отношениях отличается от большой верхнепалеолитической группы Европы и Северной Африки, как показано на стр. 100.

Средиземноморская расовая семья является такой же «белой» (европеоидной) в широком смысле, как и верхнепалеолитическая семья. Ее главные отличия от последней таковы: меньший размер мозга, средний размер тела и отсутствие чрезмерной специализации, характеризующей северную группу. Видимо, средиземноморская группа происходит только от *Homo Sapiens*, без неандертальской или любой другой примеси.

Должно быть, перед неолитом главные группы средиземноморской семьи уже существовали. Вероятно, некоторые средиземноморцы обладали светлой кожей, а другие – смуглой; также возможно, что различия в цвете волос и глаз, по которым сегодня так сильно отличаются современные разновидности средиземноморцев, к тому времени уже существовали.

Мы не можем уверенно говорить о нордическом типе, пока мы не встретим светлый цвет кожи. Также нельзя делать обоснованные предположения до тех пор, пока мы не обнаружим свидетельства об их присутствии в письменных источниках и изображениях. Следовательно, мы не должны позволять различиям в пигментации и мягких тканях мешать нашему пониманию морфологического единства средиземноморской расы.

Можно продемонстрировать, что шумеры, жившие более пяти тысяч лет назад в Месопотамии, почти тождественны по форме черепа и лица современным англичанам и что черепа Египта додинастической эпохи можно сопоставить с лондонскими черепами из чумного кладбища XVII в. и с черепами из неолитических могил в Швейцарии. Современные долихоцефалы с белой и смуглой кожей очень схожи по форме головы и лица. Нордическая раса в строгом смысле – это просто пигментная фаза средиземноморской¹⁴⁶.

На основе материала, рассматриваемого в этой главе, мы можем выделить следующие виды обобщенной средиземноморской группы или группы Галлей-Хилл:

Верхнепалеолитический

1. Большой размер мозговой коробки.
2. Средняя длина черепа около 198 мм у мужчин.
3. Высота свода различная, обычно умеренная.

¹⁴⁶ Слово «нордический» в обыденной речи часто прилагается к светлому или промежуточному по пигментации конгломерату типов в Северной Европе, содержащих и иные средиземноморские элементы, кроме светлых.

4. Различная форма головы. В некоторых случаях локальные средние значения составляют 70–72, в других – 74–75.

5. Сильная тенденция к брахицефалии, выраженная в некоторых локальных ветвях.

6. Толстый черепной свод, сильный рельеф мышечных отметок.

7. Сильно выраженные надбровные дуги и развитие выйных линий на затылке.

8. Длина лица различная, часто небольшая.

9. Очень широкое лицо, скуловой диаметр более 140 мм у мужчин. Скуловые дуги сильно изогнуты.

10. Орбиты очень широкие и низкие.

11. Большое расстояние между орбитами.

12. Выступающие носовые кости.

13. Подносовой сегмент лица относительно большой.

14. Толстая, тяжелая нижняя челюсть, с большой симфизной высотой, широкими двухмышечковыми и бигониальными поперечными диаметрами; выступающий, часто двусторонний подбородок.

15. Рост различный, но по большей части высокий, в среднем около 172 см.

16. Телосложение обычно крепкое, очень широкие плечи, объемная грудная клетка, большие руки и ноги.

Средиземноморский

1. Размер мозга разный, но обычно умеренный.

2. Средняя длина черепа 183–193 мм у мужчин.

3. Абсолютная высота свода имеет такой же диапазон или выше в абсолютном отношении, но обычно больше других диаметров. В средиземноморско-галлей-хиллской группе различия в высоте свода служат для диагностики расы или подрасы.

4. То же.

5. Тенденция к брахицефалии до прихода неолита на изученных территориях не выражена.

6. Свод от среднего до тонкого, мышечный рельеф на своде, как правило, слабо выражен.

7. Надбровные дуги и выйные линии разнообразны, от средних до слабых.

8. То же самое, но есть некоторые весьма длиннолицые исключения.

9. Лицо обычно узкое, обычно 127–133 мм, скуловые дуги слабые и сжатые с боков.

10. Орбиты умеренных пропорций.

11. Небольшое расстояние между орбитами.

12. Носовые кости выступают у некоторых типов, но далеко не у всех.

13. Подносовой сегмент лица относительно небольшой.

14. Нижняя челюсть различная; обычно легкая, с малой симфизной высотой, и узкая как в двухмышечковом, так и в бигониальном поперечном диаметрах. Подбородок умеренный или заострен. Однако у некоторых типов нижняя челюсть приближается к верхнепалеолитическому типу по высоте, но не по ширине.

15. Рост различный, но по большей части низкий, в среднем от 159 до 172 см.

16. Телосложение обычно вытянутое, руки и ноги меньше, вес, возможно, меньше.

1. *Собственно средиземноморский тип* (ниже этот тип называется просто средиземноморским). Низкий рост, около 160 см; средняя длина черепа 183–187 мм у мужчин, средняя высота свода 132–137 мм, средние значения черепного указателя 73–75, развитие надбровных дуг и костей слабое, короткое лицо, нос от лепторинного до мезоринного. Этот тип уже встречался в Португалии и Палестине в позднем мезолите. Представляет собой пedomорф-

ную или недифференцированную по половому признаку средиземноморскую форму и часто несет легкую негроидную тенденцию.

2. *Дунайский тип*. То же самое по размерам и строению тела, длина черепа и черепной указатель такие же; в отдельных случаях указатель доходит до 80. Высота свода больше, чем ширина, среднее значение 137–140 мм. Нос от мезоринного до хамеринного.

3. *Мегалитический тип*. Высокий рост, в среднем 167–171 см, стройное сложение; длина черепа более 190 мм, среднее значение черепного указателя 68–72 мм, индивидуальный диапазон до 78; свод умеренный по высоте – высота меньше ширины; лоб умеренно покатый, надбровные дуги часто развиты умеренно, мышечные отметки сильнее, основа черепа шире, лицо от среднего до длинного, нос лепторинный, нижняя челюсть часто глубокая и умеренно широкая. Эльментейтцы из Восточной Африки представляют собой отдельную и крайнюю форму этого типа. Он является геронтоморфной или дифференцированной по половому признаку формой средиземноморской расы или расы Галлей-Хилл, и по характеристикам черепа он ближе к собственно типу Галлей-Хилл, чем любая иная ветвь.

4. *Тип шнуровой керамики*. Высокий рост, в среднем 167–174 см, вытянутое, но крепкое сложение – возможно, тяжеловеснее, чем у мегалитического типа; крайняя длинноголовость, длина в среднем 194 мм. Большая высота свода, в среднем более 140 мм, превышающая ширину; надбровные дуги и мышечные отметки от средних до сильных; очень длинное лицо, от небольшой до умеренной ширины; нижняя челюсть глубокая с отмеченным подбородком, но узкая из-за углов челюсти. Нос лепторинный, часто выступающий. Этот тип в Западной и Северной Европе в некоторых отношениях приближается к верхнепалеолитическому типу, с которым он смешан.

5. *Другие формы*. Включают смеси этих четырех, наряду с другими, которые также промежуточные, но, возможно, недифференцированы по предкам. Поздние «нордические» формы являются промежуточными. В Малой Азии и ирано-афганском плоскогорье появляются формы, отмеченные сильным выступанием и выпуклостью носовых костей и отсутствием углубления в области переносья. Так как эти черты найдены у индивидов различных размеров и пропорций, а также у брахицефальных рас по соседству, то кажется, что они представляют какую-то локальную генетическую тенденцию, и их нельзя рассматривать как эксклюзивное свойство данной расы. Однако можно назвать небольшую разновидность, обнаруженную в Малой Азии, *каппадокийской*, а большая форма, более частая восточнее и метрически близкая к типу шнуровой керамики, может быть названа *афганской*.

Выделенные выше имена, данные расовым подразделениям, выбраны так, чтобы избежать четких ссылок на современные расы, так как они основываются только на скелетном материале. *Средиземноморский тип* является исключением – он так хорошо известен и твердо установлен, что его нельзя изменить. В этом случае мы можем быть уверены в характере мягких тканей благодаря точности реалистических портретов в Египте, на Крите и в Месопотамии, а также мумификации.

Названия «дунайский», «мегалитический» и «шнуровой» осознанно взяты из археологии, ибо, как будет показано, во время неолита и даже позже обозначенные типы тесно связаны с культурными общностями, с которыми они идентифицированы.

Я надеюсь, что использование этих названий устранил необходимость подробных описаний до конца этой главы.

3. Иран и Ирак

К сожалению, как археология, так и соматология Иранского нагорья и Месопотамии только начинают развиваться. Город за городом, деревня за деревней остаются нераскопанными, а тысячи черепов, некоторые вырытые и выброшенные, а другие – все еще лежащие в земле, остаются необмеренными и неописанными. Несмотря на работу, проделанную в Эль-Убейде, Кише, Уре, Варке, Сузах, Персеполисе, Рее и других местах, археологи еще не обнаружили самое начало ближневосточной цивилизации. До недавних пор во всей Малой Азии, Месопотамии и Иранском нагорье до Индии не было найдено ни одной бесспорно неолитической стоянки; сегодня несколько таких стоянок обнаружены в Анатолии и Армении¹⁴⁷. В долине Тигра и Евфрата неолитический материал если и существует, то он, должно быть, погребен под многими футами наносной почвы. В восточных нагорьях, если он существует, его трудно найти. Утверждение о приоритете всего этого плоскогорья и речной зоны в развитии неолитической экономики все еще не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто.

Однако другому претенденту – равнине западно-центральной Азии севернее Иранского нагорья и восточнее Каспия – также недостает рекомендаций. На лугах, орошаемых Оксусом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей), зарождались великие кочевые культуры, связанные с индоариями времен древнейшей традиции, а позже с тюрками. Из этого центра время от времени начинались завоевания и миграции в нескольких направлениях. Одним из них было движение предков ариев в Индию около 1400 г. до н.э.; другим было иранское завоевание плоскогорья, которое носит это название и чье население говорит на языке завоевателей. Школа, основанная индоевропейскими филологами прошлого столетия и поддерживаемая современными тюрками, хотя с иными действующими лицами, сделала из этих обширных равнин родину производительной экономики Старого Света.

Начиная с Иранского нагорья, мы рассмотрим скелетный материал, предшествующий прибытию ираноязычных мигрантов. Пять черепов из Луристана и области к северу от него в западном Иране представляют доарийский период; три мужчины и две женщины¹⁴⁸, датируемые 2000–1100 гг. до н.э., являются вариантами средиземноморского варианта в каппадокийской и афганской формах. Тип раннего бронзового века из южного Белуджистана, который можно датировать III тысячелетием до н.э., таков же¹⁴⁹. Мы можем полагать, что предки большей части современного населения плоскогорья появились здесь в начале III тысячелетия.

В Месопотамии самые древние культурные находки относятся к Шумеру. Здесь был выявлен долгий додинастический период, разделенный на три фазы – Эль-Убейд, Урук и Джемдет-Наср. Они, вероятно, существовали в IV тысячелетии до н.э. Последние две культуры относятся по меньшей мере к бронзовому веку, а собственно культура Эль-Убейд, представленная от 18-го до 14-го уровнями в Варке, может иметь свои корни в неолите¹⁵⁰.

Могила в Варке на уровне 14 принадлежит к поздней части эль-убейдского периода – вероятно, около 3700 г. до н.э. Череп, содержащийся в ней, является долихоцефальным. Два скелета из таких же древних могил в Эль-Убейде рассыпались в прах при выкапывании, и их невозможно измерить. Таким образом, наши знания о людях IV тысячелетия до н.э. в Месопотамии, основанные на не вызывающих сомнений останках того времени, практически равны нулю.

¹⁴⁷ Pittard, E., ASAG, vol. 7, 1937, pp. 389–391; Field, H., AJSL, vol. 55, 1938, pp. 101–111.

¹⁴⁸ Vallois, H. V., Notes sur les Têtes Osseuses в Conteneau, G. and Ghirshman, A., Fouilles de Tepe Giyan.

¹⁴⁹ Sewell, R., and Guha B. Report on the Bones Excavated at Nal, MASI vol. 35, 1929, app. 5, p. 56.

¹⁵⁰ Jordan, J., APAW, Jh. 1932, #2.

Серия из 17 черепов из Эль-Убейда¹⁵¹ (см. приложение I, кол. 4), которые могут быть додинастическими или раннединастическими, без исключений принадлежит к типу, названному евроафриканским. Он является наиболее многочисленным и наиболее характерным для населения Месопотамии со времен обитателей болот в Эль-Убейде до сегодняшнего дня. Эти черепа большие, тяжелые и чисто долихоцефальные. Они принадлежат к более большоголовому и более длинноголовому средиземноморскому подтипу и по форме и величине свода находятся ближе всего к древним образцам из Галлей-Хилл и Комб-Капель. Однако они отличаются от большинства европейских черепов этого же общего типа в одном важном отношении – их носовые кости сильно выдаются и высоко посажены. Эти древние шумеры, как и обитатели Иранского нагорья, уже приобрели выдающиеся орлиные носы, так характерные для современного Ближнего Востока. Как и обитатели нагорья, эти древние шумеры принадлежали к афганской расе.

Месопотамия, в отличие от Египта, не является изолированной долиной, ибо в нее без больших трудностей можно проникнуть с плоскогорий на востоке и на севере. Она также составляет естественную цель для обитателей арабских нагорий, которых приводит в движение переменное количество осадков на пастбищах. История Месопотамии всегда была последовательностью проникновений и завоеваний как с горной области, так и из пустынь, ибо именно деревня питает города людьми, а не наоборот.

Изучая расовую историю Месопотамии с III тысячелетия до н.э., мы должны помнить о почти постоянном притоке населения извне и видеть, как это повлияло на шумеров и семитские царства. Кроме серий из Эль-Убейда, в нашем распоряжении находятся следующие серии скелетных останков:

- серия из Киша – из могил, которые можно датировать примерно 2900 г. до н.э.;
- другая серия с того же места, из четырех династических могил до 2500 г. до н.э.;
- черепа третьей династии из Ура, датируемые примерно 2300 г. до н.э.;
- новоавилонские черепа, между 800 и 400 гг. до н.э.
- черепа из Киркука, датируемые V в. н.э.¹⁵²

Всего было изучено более ста скелетов. Большинство из черепов принадлежат к уже описанному «евроафриканскому» типу, но в большинстве серий представлены еще два других типа. Один из них – это обычный средиземноморский с меньшим черепом и более высоким черепным указателем, находящимся между 70 и 80 при средних значениях около 75. Этот средиземноморский тип более хрупкий, менее массивный, с более коротким лицом и с меньшими размерами тела. Очевидно, что это не исконный шумерский тип, ибо он совершенно отсутствует в самых древних сериях из Эль-Убейда и Киша. Впервые он появляется после 3000 г. до н.э. и, возможно, после 2700 г. до н.э. в могилах четвертой династии в Кише (см. приложение I, кол. 5) и с этого времени, видимо, присутствует во всех сериях, кроме поздней серии из Киркука на севере. Как и большой «евроафриканский» тип, этот меньший средиземноморский тип все еще можно выделить в современном населении Ирака.

«Арменоидный» расовый тип, который является третьим из типов, обнаруженных в Месопотамии, начинается с самых ранних могил в Кише и продолжается весь вавилонский период. Однако идентификация этого типа не является совершенно точной, ибо брахицефальных черепов было найдено слишком мало, и так как их лицевые фрагменты обычно повреждены, невозможно четко определить их тип. Большинство из так называемых арменоидных черепов мезоцефальные или суббрахицефальные, но в нескольких образцах черепной указатель достигает высоких значений (до 89). Затылок этих черепов описывают как

¹⁵¹ Keith, Sir Arthur, Report on the Human Remains, Ur Excavations vol. 1: в Hall, H. R. H., and Woolley, C. L., Al 'Ubaid.

¹⁵² 1) Penniman, T. K., in Watelin, L. O., Excavations at Kish, vol. 4. 2) Buxton, L. D., в Langdon, Excavations at Kish, vol. 1; также Buxton, L. D., and Rice, D. T., JRAI, vol. 61. 3) Keith, Sir A., Report on the Galilee Skull. 4) Buxton, L. D., см. выше. Buxton and Rice, см. выше. 5) Ehrich, R. F., Appendix to Starr, Richard, F. S., Nuzi, vol. 1.

плоский, надбровные дуги тяжелые, а объем большой. Хотя многие из этих черепов, названных арменоидными, могут представлять собой только круглоголовый крайний случай общей группы, тем не менее возможно, что брахицефалы с плоскими затылками на самом деле проникали в Месопотамию в III тысячелетии до н.э. Хотя с того времени его доля увеличилась, он все еще остается в меньшинстве.

За исключением этих немногочисленных брахицефалов, ни одно из завоеваний или культурных движений в Месопотамии в историческое время не изменило население так, чтобы это можно было заметить. Это демонстрирует, что области, поставлявшие иммигрантов в Месопотамию, были в расовом отношении аналогичными. Следовательно, население Иранского нагорья было, вероятно, в основном длинноголовым. Обитатели северной Аравии, прибывавшие в долину время от времени, и которые все еще приходят на берега Евфрата, чтобы напоить свои стада, также принадлежали к общей средиземноморской семье, и примеры как афганского, так и средиземноморского типа можно без труда найти среди современных племен. Вполне возможно, что первое появление более хрупкого и более малорослого средиземноморского типа в Месопотамии связано с приходом или ассимиляцией семитов.

ТИПЫ ЛИЦА В ШУМЕРСКОМ ИСКУССТВЕ

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Шумерские скульпторы оставили после себя записи в камне, которые могут дать нам свидетельство о черепе. Эти записи состоят из барельефов определенного типа, и некоторые из них – это действительно прекрасные портреты без прикрас. Эти рельефы показывают жилистых, атлетических мужчин с большими, зачастую орлиными носами. Очевидно, что это обычные европеоиды какой-то ближневосточной разновидности. Кажется, что портретные бюсты, из которых продемонстрированы три примера (рис. 17, 18 и 19), реально отображают отдельных людей, а не условные типы или идеалы. Рисунок 18 представляет часто изображаемого на скульптурах царя Гудея, у которого кругловатое лицо и нос, менее выступающий, чем барельефный идеал.

Рисунок 17, кажущийся менее театральным, имеет пронираливое выражение лица хозяина багдадского магазина наших дней. У обеих голов отсутствуют надбровные дуги, а брови сходящиеся. В этих примерах, как и в большинстве шумерских скульптур, нет свидетельств о распределении волос или форме волос, которая, однако, условно показана на древних статуях богов (рис. 20), датируемых ранними династическими временами. У них сильно развитые бороды, а волосы прямые или волнистые¹⁵³.

В поздних вавилонских и ассирийских скульптурах, демонстрирующих семитоязычное население, мы находим обилие бороды и волос на голове, как и у древних шумерских богов; волосы волнистые или кудрявые, а бороды очень обильные (см. рис. 21).

Брови встречаются над корнем сильно изогнутого носа, а веки и губы полные. Тела условно коренастые, руки и ноги с объемными мышцами. Художники Вавилона и Ниневии в глубине души были антропологами, ибо они предпочли правду воображаемому идеалу. Их цари, солдаты и рабы могут сойти со стен и смешаться с сегодняшней толпой.

Хотя Месопотамия была одним из великих центров цивилизации Старого Света, ее посланники путешествовали сотни миль, а культурное влияние было таким проникающим, что мы можем чувствовать его даже сейчас, мы не должны пытаться связывать ее непосредственно с неолитическим завоеванием Европы. Земледельцы, искавшие богатые земли и травяные луга к востоку от Эвксина и Босфора, были не шумерами или вавилонянами, а людьми, начавшими свои странствия до развития цивилизации металла и их только косвенно затронули культурные воздействия ее центра. Тем не менее, соматологический обзор древнего Ирана и Ирака имеет ценность для решения более широкой проблемы белой расы, ибо он позволяет нам четко определить физические характеристики средиземноморских типов, ответственных за цивилизацию, которая может быть древнейшей в мире, и окружающих регионов, которые ее питали – как можно описать физические типы Франции, основываясь на изучении Парижа, или Европы, основываясь на описании Нью-Йорка.

Рис. 21. Ассириец. По Schäfer, H. and Andrae, W., *Die Kunst des alten Orients*, 1925, p. 521.

¹⁵³ Frankfort, H., *Oriental Institute Discoveries in Iraq, 1933–34, Fourth Preliminary Report, COIC #19, 1935*; Speiser, E., *New York Times*, Jan. 27, 1937.

4. Египетская цивилизация

Определенно, долина Нила является лучшим местом в мире для изучения расовой истории древних людей. Внимания антропологов удостоились более четырех тысяч египетских скелетов, покрывающие период в семь тысяч лет. Одна египетская серия, состоящая из 900 мужчин, – это самая большая когда-либо собранная группа черепов одного пола и из одного места. Следовательно, возможно изучать разнообразие и изменения в этой изолированной долине с особой точностью, ибо в одном районе – области Верхнего Египта около Абидоса и Фив – черепной материал более обширен, чем материал любой эпохи любой иной области такого же размера в мире¹⁵⁴.

Далее, с начала династических времен до пришествия ислама египетские художники и скульпторы точно запечатлевали, часто в цвете, физическую внешность своих современников, а также многих иностранцев. В то же время климат в долине Нила и искусство мумификаторов сохранили нетронутыми волосы, кожу и высушенные мышцы как естественных, так и искусственных мумий, начиная с династического времени. С таким изобилием свидетельств мы должны быть знакомы с расовыми характеристиками древних египтян почти так же хорошо, как и с характеристиками людей нашего времени.

Географически Египет не является единым. В первую очередь, дельта, напоминающая по климатическим условиям древний Шумер, – это серия болот, граничащая с берегами Палестины и Ливии и легко достижимая с обоих направлений, а также с моря. Она, а также (хотя и в меньшей степени) Нижний Египет, является легким путем проникновения из Азии в Северную Африку, не затрагивающим большую часть собственно Египта. Следовательно, возможно, что даже в династические времена расовые движения проходили из Западной Азии в Северную Африку по этому береговому пути, не затрагивая население Египта в сколько-нибудь значительной мере. С другой стороны, Верхний Египет – это узкая долина, окаймляемая холмами с обеих сторон. За этими холмами лежит плоскогорье, которое во время плювиального периода хорошо снабжалось водой, было покрыто травой и кишело животными. С юга в Египет был только один путь – вниз по Нилу, и во время династического периода египетские фараоны держали гарнизоны на южных границах для предотвращения иммиграции с этой стороны света.

Циклонный пояс дождей, ушедший в общем послеледниковом изменении климата из Сахары и аравийских пустынь на север, также переместился и западнее¹⁵⁵. Поэтому климат, благоприятный для охотников и собирателей, сохранялся в Египте дольше, чем в Месопотамии. В то же время это движение могло быть в значительной степени связано с миграциями людей, пересекавших Северную Африку с востока на запад, таким образом оставаясь за пределами засушливой зоны. Последним из регионов Северной Африки подверглось засухе Марокко, и в некоторых частях этой страны все еще сохраняются кедровые леса и травяные плоскогорья.

Хорошо проработанная археологическая последовательность в Египте начинается с самого низкого палеолита и продолжается без перерыва до исторических времен. Однако во время плювиального периода и какое-то время после него болотистая долина с деревьями была не самой благоприятной охотничьей территорией, и собиратели палеолита и мезолита предпочитали открытые луга, только случайно посещая речные берега. По мере того как плоскогорье становилось все более засушливым, многие охотники, не ушедшие на запад,

¹⁵⁴ Morant, G. M., *Biometrika*, 1925, p. 4.

¹⁵⁵ Это краткое изложение изменений египетского климата основано на Childe, V. G., *New Light on the Most Ancient East*, pp. 49-51.

переселились в остававшуюся влажной долину, куда, должно быть, и уходила их добыча. Одна такая концентрация собирателей видна в себильской культуре Верхнего Египта¹⁵⁶. Скелетный материал этой культуры, еще не описанный в публикациях, предвосхищает по физическому типу додинастический период, помещая изящный средиземноморский тип в донеолитические времена¹⁵⁷.

В другой части Верхнего Египта самыми древними из известных земледельцев, в то же самое время или чуть позже начавшими использовать благоприятную среду долины Нила, были так называемые тасийцы, названные по месту раскопок у Деир-Таса. В то время эта часть долины Нила была все еще болотистой, с большими деревьями, растущими по краям болот. Учитывая эти климатические условия, оценивается, что эта культура появилась примерно в 5000 или даже в 6000 г. до н.э.¹⁵⁸

Хотя физический тип тасийцев еще не описан в полной мере, в предварительных заметках Брантона сообщается, что несколько найденных черепов являются большими, с толстыми стенками, сильным мышечным рельефом и крупными надбровными дугами. Форма черепа, преимущественно долихоцефальная, включает и брахицефалов¹⁵⁹. Лица широкие, орбиты прямоугольные, нижняя челюсть глубокая, широкая и прямоугольная, с расширяющимися книзу углами нижней челюсти и выдающимся, двусторонним подбородком. По рисунку одного образца, опубликованного Брантоном, мы можем заключить, что они были ортогнатными, и в таком случае по меньшей мере мезоринными. Видимо, они принадлежат к чисто европеоидной категории, и мы можем решиться на предположение, что они представляют собой вернепалеолитический тип Афалу или раннего Натуфа, составляя связь между Алжиром и Палестиной. Однако они не внесли важного вклада в формирование египтян, ибо в последующие времена они исчезли как в культурном, так и в расовом смысле.

Другая раннеолитическая цивилизация Египта, не оставившая ясных следов в династической культуре, — это цивилизация оазиса Фаюм и меримдийцев дельты, которые одновременно с тасийцами и следуя себильцам выращивали ячмень, пшеницу и лен вдоль берега озера Фаюм и эстуариев дельты. Они также разводили стада скота, и особенно свиней. Их технология заполняет пропасть между капсийским мезолитом и неолитом. Их украшенная насечками толстая и черная керамика напоминает древнюю керамику неолита Западной Европы и Анатолии.

Значимость этого населения состоит в том, что оно, вероятно, представляет собой прототип неолитических земледельцев, переселившихся на запад вдоль берега Северной Африки в Марокко и далее в Испанию, где они распространили неолитическую экономику со льном и свиньями до швейцарских озер и Рейна¹⁶⁰. Хотя, возможно, они не играли важной роли в Египте, для Европы это утверждение неверно. Их появление в Фаюме и дельте датируется временем около 5000 г. до н.э., а их исчезновение — около 4000 до н.э. Тысячелетием позже они или люди, похожие на них, появились в Западной Европе.

Черепы этих людей, состоящие в основном из черепов женщин и детей, как один являются долихоцефальными и средиземноморскими. На них нет следов негроидного влияния, и эти черепы больше, чем черепы додинастических египтян¹⁶¹.

После этой экскурсии давайте вернемся в Верхний Египет, к большому количеству мест раскопок, близких к той области долины, в которой ранее жили тасийцы. Из места рас-

¹⁵⁶ Childe, op. cit., p. 35.

¹⁵⁷ Leakey, L. S. B., *Stone Age Africa* pp. 177–178.

¹⁵⁸ Brunton, Guy, *Antiquity*, vol. 3, #12, Dec., 1929, pp. 456–457.

¹⁵⁹ О. Менгин, лекция в Гарвардском университете 6 апреля 1937 г.

¹⁶⁰ Childe V. G., op cit., p. 64.

¹⁶¹ Terry, Douglas, *SAWV, Jahrgang*, 1932, #1–4, pp. 60–61.

копок в Бадари происходят древнейшие черепа самой типичной из обнаруженных египетской группы. Эти бадарийцы жили около 4000 г. до н.э., после того, как климат стал значительно суше, чем в тасийское время, – таким сухим, что во многих случаях кожа и волосы совершенно естественно сохранились. Их кожа была, очевидно, смугло-белой, а волосы – черными или темно-каштановыми, густыми, тонкими и обычно волнистыми.

Хотя бадарийцы, как и тасийцы и меримдийцы, все еще занимались охотой и рыболовством для пополнения своих кладовых и разнообразия своей диеты, в основном они жили земледелием и разведением крупного рогатого скота и овец. В отличие от меримдийцев, они не разводили свиней. Куя медь, они вошли в переходный этап от неолита к эпохе металла. Они плавали по Нилу на кораблях, чей образ известен из керамических моделей, но мы не можем быть уверены, что они управляли ими. Эти бадарийцы, без сомнения, были новичками в Верхнем Египте – они заменили тасийцев и, возможно, других своих предшественников.

Очень трудно определить половую принадлежность бадарийских черепов, ибо сам этот тип хрупкий и женственный, демонстрирующий очень слабое развитие мышц¹⁶². По этой причине различные исследователи, измерявшие бадарийские черепа, не согласны друг с другом в их половой принадлежности. Соответственно изменяются и их средние значения, но по самому крайнему разделению половые пропорции необычайно маленькие даже для египетских серий.

Бадарийская серия – это древнейшая сколько-нибудь многочисленная выборка черепов из какой-либо части мира. Это наша первая серия, единая во времени и пространстве, которая достаточно велика для изучения точными статистическими методами. Они показывают, что эта серия не очень разнообразна, но ее изменчивость не меньше, чем у многих современных популяций. Поэтому Морант заключает, что «по-видимому, за последние 6 тысяч лет в изменчивости расовых популяций изменилось немного»¹⁶³.

Бадарийский тип представляет собой малую ветвь средиземноморской расовой группы. Голова необычно большая по сравнению с другими размерами, а кости лица в абсолютном измерении необычно маленькие; нижняя челюсть маленькая, узкая и легкая. Ее средний двухмышечковый диаметр у мужчин – самый маленький из известных, а бигониальный диаметр 91,6 мм также очень низкий.

Хотя бадарийский тип определенно родственен последующему типу додинастического населения, он отличается от него. Бадарийские черепа более прогнатные, чем черепа их наследников, и имеют большие носовые указатели. Их носовой указатель находится как раз на границе между мезоринией и хамеринией. Хотя из-за прогнатизма и формы носа можно предположить негроидную тенденцию, ее нельзя установить точно, так как форма волос определенно не является негроидной.

Морант демонстрирует, что бадарийский тип черепа сильно похож на некоторые черепа современных христиан северной Эфиопии, которые в этой связи не демонстрируют негроидных черт в строении черепа, а также на черепа дравидов южной Индии. Можно добавить, что современные сомалийцы демонстрируют близкое соответствие этому физическому типу в большинстве отношений, и крайне узкая челюсть, по которой бадарийцы, видимо, достигли мирового максимума, может быть найдена как среди сомалийцев, так и среди обитателей южной Индии. В Европе самая близкая параллель бадарийскому типу находится среди современных сардинцев, но она не такая близкая, как их связь с другими и более поздними египтянами.

¹⁶² Morant, G. M., *Biometrika*, 1927, vol. 27, pp. 293–309.

¹⁶³ *Ibid.*, p. 306.

На основе этого сравнительного расового анализа кажется разумным предположить, что бадарийский физический тип появился с юга, с истоков Нила. Он может представлять собой древний хамитский тип, который до сегодняшнего дня сохранился в Эфиопии и Сомали, несмотря на негроидную примесь.

Бадарийцев в Верхнем Египте сменила последовательность культур, которые можно обозначить коллективным термином «додинастические». В додинастические египетские времена обитатели Нижнего Египта, т.е. области около Мемфиса и современного Каира, физически и культурно отличались от обитателей Верхнего Египта. Египетское письмо развилось в Нижнем Египте, где тростник, птицы и другие природные объекты, типичные для окружающей среды, были включены в слоговые и алфавитные знаки. Объединение двух Египтов во время Менеса около 3000 г. до н.э. отмечает начало династической традиции. Следовательно, можно рассматривать додинастические времена как занимающие большую часть предыдущего тысячелетия.

В Верхнем Египте ранний додинастический физический тип лучше всего представлен сериями из Накады¹⁶⁴ (см. приложение I, кол. 6). Люди из Накады, хотя и напоминают бадарийцев во многих отношениях, тем не менее существенно отличаются от них, что убеждает нас в том, что это разные, хотя и родственные, популяции. Вероятно, они были выше бадарийцев, хотя у нас нет определенных данных о бадарийском росте. Как головы, так и лица были шире и больше, чем у бадарийцев; носы были уже, а прогнатизм меньше.

Не такие многочисленные бадарийцы, вероятно, растворились в накадском населении, хотя этому предположению нет прямых подтверждений.

В Нижнем Египте жила другая группа средиземноморского додинастического населения, в определенном отношении отличавшаяся от населения Верхнего Египта. Их головы были шире, а черепной указатель выше, достигая в среднем 75, в то время как среднее значение у населения Верхнего Египта – 72. Их высота свода меньше, лицо не шире, но немного длиннее, а носовой указатель ниже.

Эти два типа из Верхнего и Нижнего Египта представляют собой крайние типы собственно египетского населения, но с начала династических времен около 3000 г. до н.э. до времен Птолемея многочисленные серии, дающие прекрасную картину расового развития и перемен в Египте, демонстрируют взаимодействие этих двух типов. Расовая история Египта в течение трех тысяч лет была просто постепенным замещением верхнеегипетского типа нижнеегипетским¹⁶⁵ (см. приложение I, кол. 7, 8). Если смотреть на таблицы от столетия к столетию, то видно, что черепа постепенно увеличивались по ширине от 131 до 139 мм, а лица – от 124 до 129 мм. Древний Египет, должно быть, остается единственным в мире выдающимся примером значительного, природно изолированного региона, в котором местные расовые типы развивались сами по себе несколько тысяч лет, совершенно незатронутые внешними контактами.

Современные копты, вероятно, представляющие собой древний египетский тип более точно, чем мусульманское население, отклоняются от более древних типов только по сокращению длины черепа с примерно 183 мм до 177 мм. Следовательно, эволюционное изменение в Египте состояло только в небольшом сокращении длины головы и местами в удлинении лица и сужении носа; но эти изменения незаметны. Изменения физического типа в любой части Европы за последние пятьсот лет были гораздо больше, чем в Египте за пять тысяч лет.

ТИПЫ ЛИЦА В ЕГИПЕТСКОМ ДИНАСТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

¹⁶⁴ Morant G. M., *Biometrika*, vol. 17, 1925, pp. 1–52.

¹⁶⁵ Morant, *op. cit.*, 1925.

Рис. 22 – голова мужчины в зеленом сланце, в Египетском музее, Берлин; по anon. *The Art of Ancient Egypt*, Phaidon Press, Vienna, 1936, Plate 166.

Рис. 23 – портрет Рахотепа, Каирский музей, по Schäfer, H., and Andrae W., *Die Kunst des alten Orients*, 1925, p. 222.

Рис. 24 – гипсовая маска из мастерской скульптора Тутмоса, Statlisches музей, Берлин. Schäfer and Andrae, p. 339.

Рис. 25 – статуя во владении лорда Карнавона, фронтиспис, *Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 7, 1917.

Все богатство нынешнего иллюстративного материала из египетского искусства можно разделить на два класса – условные изображения и портреты. Последние демонстрируют определенный и узнаваемый тип – стройный и выносливый, с узкими бедрами и небольшими руками и ногами. Голова и лицо принадлежат к ровно очерченной изящной средиземноморской форме.

Эти портреты, с другой стороны, в особой степени демонстрируют две вещи: значительное индивидуальное разнообразие как по строению тела, так и по форме головы и лица среди долихоцефалов и мезоцефалов, а также то, что многие из чиновников, придворных и жрецов, представляющих верхний класс египетского общества (но не члены семьи фараона), особенно длинноголовые, были похожи на современных европейцев. Возможно, тому причиной тот факт, что египетский нос обычно не имел высокого корня, как у месопотамцев, как они изображали в своем искусстве; а также, возможно, из-за того, что портреты, по крайней мере людские, демонстрируют бо́льшую угловатость линий и форм, чем условные изображения.

Возможно, у царских семей было некоторое отличие по типу, ибо правители часто имеют крайне долихоцефальную форму головы в сочетании с покатым лбом и сильной орлоносостью, с весьма вывернутыми ноздрями, типичный пример чего можно видеть у известной мумии Рамзеса III и нынешнего императора Эфиопии Хайле Селассие. Этот тип, вероятно, появился в древнейшие времена с истоков Нила.

Пигментация египтян была обычно смуглой; на условных изображениях мужчины представлены красным цветом, а женщины часто более светлым и даже белым цветом. Хотя волосы почти всегда неизбежно черные или темно-каштановые, а глаза карие, Хетеп-Херес II из четвертой династии, дочь Хеопса, строителя великой пирамиды, показана на цветном барельефе своей гробницы как определенная блондинка. Ее волосы окрашены в ярко-желтый цвет с красными горизонтальными линиями¹⁶⁶, а ее кожа белая. Это самое древнее в мире свидетельство светлой пигментации. Позднее египетские рельефы, однако, часто представляли ливийцев светлыми¹⁶⁷, а в древнеегипетские времена территория ливийцев простиралась до самой дельты. Египетские картины иностранцев весьма точны; кроме ливийцев, у которых были нордическими как черты, как и пигментация, также показаны азиаты с выдающимися носами и вьющимися волосами, народы моря со Средиземноморья со светлой кожей и более отчетливыми чертами лица, чем египтяне, а также негроиды. Очевидно, светлая пигментация Хетеп-Херес II скорее принадлежала дельте и ее связям с востоком и западом, нежели собственно Египту, потому что она никогда не повторялась в качестве важной детали, типичной для египтян. Средиземноморская пигментация египтян, видимо, несильно изменилась за последние пять тысяч лет.

¹⁶⁶ Reisner, G. A., BBMF, vol. 25, #151, October, 1927, pp. 64–79.

¹⁶⁷ Bates, O., The Eastern Libyans.

5. Северная Африка в неолите

Учитывая важность Северной Африки как одного из двух главных коридоров неолитического проникновения в Европу, крайне печален тот факт, что здесь найдено очень мало человеческих останков. Небольшое количество черепов из Редеефа и Тебессы около границы Алжира и Туниса – это единственные описанные неолитические находки, в которых мы можем быть уверены¹⁶⁸.

Все они принадлежат к той разновидности средиземноморского типа, которую мы уже видели в Мугем: низкий рост, тонкое тело, долихо- и мезоцефалия. Они в целом меньше большинства древних египтян и более короткоголовы, чем маленькие бадарийцы. Их нельзя вывести из собственно Египта или любой известной популяции дельты, если несколько уже упомянутых меримдийских скелетов можно рассматривать в качестве типичных для этой области. Эта небольшая и географически ограниченная группа является локальной формой средиземноморского типа той же самой разновидности, которая, вероятно, ранее пересекла пролив, проникнув на Иберийский полуостров.

Другие останки, найденные в пещерах восточного Алжира¹⁶⁹, – это таким же образом небольшие по размерам тела, в среднем с ростом около 160 см, но они напоминают скорее тип Тевьек, чем тип Мугем. Они могут быть претерпевшими утончение остатками населения Афалу, но не могут с определенностью быть приписаны к неолиту. Многие, если не все, могут быть датированы мезолитом¹⁷⁰.

Мегалитический культурный комплекс, привнесенный в Средиземноморье морским путем в позднем неолите и распространившийся на север из Гибралтара до Британских островов, Франции и Скандинавии, достиг берегов Северной Африки. Но на этом небольшом театре мегалитической активности каменные памятники, не встречающиеся к востоку от Туниса, могли быть воздвигнуты уже после неолита, так как многие из них содержат объекты из бронзы или даже из железа. В самом деле, в римское время и до пришествия мусульман они иногда использовались как погребальные своды. В этих условиях мы не можем ожидать найти чистую мегалитическую расу в тунисских и алжирских дольменах¹⁷¹, и материал в определенной степени оправдывает наши ожидания. Хотя черепной указатель у тридцати образцов варьируется от 67 до 84, большинство черепов являются долихоцефальными, и некоторые из них очень длинные. Большинство из них лепторинны, в отличие от обычных средиземноморских широконосовых черепов неолита. Более того, у этих дольменцев высокий рост – его среднее значение у мужчин около 168 см¹⁷². Если это не скелеты хамитов или арабов, мы можем сделать вывод, что строители мегалитов не были собственно малыми средиземноморцами, восходящими к мезолиту, а новым этническим элементом, который мы сможем изучить более полно, обнаружив его в больших количествах на севере.

¹⁶⁸ Bertholon and Chantre, *Récherches anthropologiques dans la Berbérie Orientale*, pp. 237–242.

¹⁶⁹ *Ibid.*, pp. 240–242.

¹⁷⁰ Boule, M., Verneau, R., Vallois, H., *AIPH*, Mem. 13, p. 190.

¹⁷¹ Их очень мало в Марокко, и ничего не известно об их скелетном содержимом.

¹⁷² Bertholon and Chantre, *op. cit.*, pp. 243–249.

6. Неолит Испании и Португалии

Находясь вдали от Иберийского полуострова, нелегко собрать данные об его неолитическом населении и сделать их обзор. Я смог собрать данные о примерно пятидесяти черепах из Испании и девяти из Португалии, которые с достаточной уверенностью можно приписать неолитической эпохе¹⁷³.

Португальские образцы, все из долины Тежу, можно классифицировать как средиземноморские. Однако они включают не только малый тип Мугем, но и образцы с большим черепом и более высоким ростом – в случае одного мужчины 168 см¹⁷⁴.

Испанский материал лучше всего представлен двумя сериями: первая из пещеры Ла-Солана у Ангостуры, Сеговия¹⁷⁵ (см. приложение I, кол. 9), а вторая – из пещеры Тикусо у Сепульведы в той же самой провинции¹⁷⁶. Обе эти серии изначально были названы магдаленскими, но присутствие керамики и каменных орудий-резцов в пещере Солана и трепанации в Тикусо не оставляет сомнений, что обе они на самом деле неолитические.

Серия из Соланы, включающая десять мужчин и четыре женщины, представляет относительно большой средиземноморский тип, почти идентичный египетской серии из гробниц фараонов в Абидосе¹⁷⁷, а также метрически входящий в месопотамскую группу евроафриканского типа. Морфологически эти черепа относительно тяжелые, с умеренно большими надглазничными валиками.

Вторая серия из Тикусо (см. приложение I, кол. 10) включает четырнадцать мужских и семь женских черепов. Они немного меньше и более хрупкие, чем серия из Соланы, и метрически напоминают додинастические накадские черепа из Верхнего Египта. Меньшие серии и отдельные черепа других частей Испании обычно попадают в эту же категорию.

Следовательно, человеческие останки неолитического периода в Португалии и Испании, хотя и неполные, подтверждают археологические свидетельства. Иберийский полуостров был коридором движений в Западную Европу из Северной Африки, и, по меньшей мере, два типа воспользовались этим проходом – небольшая разновидность средиземноморцев, немного больших, чем мезолитическое население из Мугем, но в своей основе таких же и идентичных населению, двигавшемуся в верхнюю долину Нила в додинастические времена; и немного большее и тяжелое подразделение той же расы, похожее на неолитическое население Западной Азии, и, возможно, на древних земледельцев египетской дельты. Невозможно сказать, до какой степени эти два типа вобрали в себя местных жителей, оставшихся с мезолита.

¹⁷³ В. Шейдт в своей книге *Die Rassen der jungeren Steinzeit in N. W. Europa* (стр. 87–92) признал только 38 черепов, за исключением 68 черепов раннего бронзового века из Эль-Аргара. С. Чортковер, автор другого собрания (PAn, vol. 8, 1934, pp. 45–52), использовал 118 черепов из Испании, которые, возможно, включают Эль-Аргар. При их вычитании его список приобретает точно такой же размер, как и мой.

¹⁷⁴ Barros e Cunha, J.-G. D., ACIA, 3me Session, Amsterdam, 1927, pp. 358–360; Hervé, G., REAP, vol. 9, 1899, pp. 265–280; Mendes-Correa, A., BAC, vol. 3, 1925, pp. 117–146. Херве утверждает (стр. 274), что эта серия включала немногих брахицефалов, но опубликованные данные этого не подтверждают.

¹⁷⁵ Barras de Aragon, F. de las, AMSE, vol. 12, 1933, Cuad. 1, pp. 90–123; Verneau, RDAP, 1886, ser. 3, vol. 1, pp. 10–24.

¹⁷⁶ Hoyos Sainz, L., CRCA, 14me Sess., Geneva, 1912, vol. 2, pp. 399–408; Barras de Aragon, *ibid.*

¹⁷⁷ Hoyos Sainz, L., CRCA, 14me Sess., Geneva, 1912, vol. 2, pp. 399–408; Barras de Aragon, *ibid.*

7. Восточные источники: юг, центр и север

К северу от Пиреней неолитическое население Европы происходит не только из Африки, но также и с востока. Чтобы понять расовую сложность Европы за Пиренеями в неолите, мы должны объединить данные с разных частей света. Восточные области, откуда могло появиться новое население, и возможные пути проникновения человека в Европу можно разделить на три части:

1) Крит и Эгейские острова, оттуда по морю в Грецию и Италию, а из Греции на север в Македонию;

2) из Анатолии через Босфор на Балканы, а оттуда в Вардар и вниз по реке Мораве на Дунай выше Железных ворот;

3) вдоль северного берега Черного моря, и, возможно, также и Каспийского моря, затем по степям южной России и долинам от Польши до Германии, и далее к долине Дуная.

Наши знания о физическом типе населения Греции во время неолита ограничены маленьким, узким женским черепом средиземноморского типа из Аркадии¹⁷⁸, который, как мы скоро увидим, абсолютно согласуется с расовой картиной, наблюдаемой севернее, хотя маловероятно¹⁷⁹, что в это время расовое движение из этой области дошло до севера. Крит, чья цивилизация уходит корнями в неолит, с расовой точки зрения известен только с эпохи бронзы.

Неолитические жители Италии, вероятно, пришли с востока и по большей части морем, хотя некоторые могли появиться и с других направлений – из Северной Африки через Мальту и Сицилию, вокруг Тирренского моря из Каталонии и через Альпы с севера.

Также весьма вероятно, что мезолитические типы, содержащие более древний палеолитический элемент, сохранились в Италии и в неолите, ибо до знакомства с металлом Италия и ее острова были областью относительной изоляции от главных расовых и культурных потоков, влиявших на всю Европу.

Хотя энеолитических скелетов или скелетов медного века из Италии достаточно, датируемые неолитом довольно редки¹⁸⁰. Все, что были найдены¹⁸¹ (51), – длинноголовые и принадлежат к средиземноморскому типу. Три черепа из Лигурийской пещеры из Арен-Кандид, очень большие и длинные, могут представлять, по крайней мере частично, сохранившееся верхнепалеолитическое население раннего ориньякского типа или вторжение высокого средиземноморского типа, обычно отождествляемого со строителями мегалитов. Однако изучение расовых типов древней Италии и ее островов лучше отложить до нашей дискуссии о населении медного и бронзового веков, когда у нас будет более определенный и обширный материал для проработки.

Второй восточный источник, откуда неолитические завоеватели могли вторгнуться в Европу, – это анатолийское плато. В какой степени дунайские крестьяне происходят из этих плоскогорий, все еще остается предметом споров среди археологов, в которые мы не будем вдаваться. Во всяком случае, никаких останков неолитических скелетов там пока не найдено, а изученные места периодов использования металла относятся к более поздним временам, чем в Месопотамии. Далее на восток, в месте под названием Зизернакаберд в Армении, обнаружена мозговая коробка высокого человека (172 см) с отчетливыми верхнепалеолитическими чертами, напоминающими образец из Мурзак-Кобы. Возможно, этот человек был

¹⁷⁸ Fürst, Carl M., *LUA, NF. Avd 2, Bd. 28, #13*, 1932.

¹⁷⁹ Fewkes, V. J., Goldman, H., Ehrich, R. W., *BASP, #9*, 1933, p. 18.

¹⁸⁰ Sergi, G., *Europa*, pp. 270–289.

¹⁸¹ За исключением одного микроцефального черепа, *op. cit.*, стр. 279.

захоронен в раннем неолите¹⁸². Этот один образец из Армении является всего лишь скудным свидетельством, и мы все еще не знаем, что за люди жили в Анатолии во время, когда первые земледельцы осваивали долину Дуная.

Третьим восточным источником, и, возможно, наиболее значительным из них в заселении Европы в неолите и позднее, является травяная равнина, тянущаяся от Польши через Украину и Бессарабию, Северное Причерноморье и Северный Кавказ до Каспийского моря и даже далее в Туркестан. Здесь свидетельств о неолитическом населении значительно больше, чем в двух других случаях.

На восточном берегу Каспийского моря возле современной границы России и Ирана находятся три знаменитых кургана Анау. Древнейший культурный пласт, найденный на этом месте, Анау I из северных курганов, вероятно, принадлежит времени от 3500 до 3000 гг. до н.э., согласно оценке с завышением погрешностей. Этот уровень по большей части, хотя и не весь, неолитический и содержит большое количество человеческих скелетов¹⁸³, большинство из которых детские.

Все эти дети долихоцефальны и, очевидно, принадлежат к средиземноморскому типу. Одна взрослая женщина, найденная с ними, такая же. Она мезоцефальна, с черепным указателем 76, а ее череп демонстрирует минимум костного рельефа. Лоб выдается вперед, надпереносье практически отсутствует, корень носа высокий, а носовой профиль, очевидно, прямой; орбиты мезоконхные, а кости лица тонкие.

Другой взрослый экземпляр, в этом случае – мужчина, представлен нижней челюстью и некоторыми лицевыми костями под назионом. Здесь снова представлен средиземноморский тип – ортогнатный, с сильной нижней челюстью и небольшим носом, умеренно лепторинным. Этого образца, женщины и детей, едва ли составляющих серию, тем не менее достаточно для того, чтобы показать, что в этой юго-западной части Туркестана во второй половине IV тысячелетия до н.э. жили люди общего средиземноморского типа, занимающиеся земледелием, скотоводством и гончарным делом, уже во время додинастического периода в Месопотамии.

Длинные кости из следующего уровня в северном кургане демонстрируют разнообразие по росту – два мужчины 170 см и 161 см соответственно и женщина ростом 149 см.

Посленеолитический череп из южного кургана, вероятно, III тысячелетия, и, как и другие, долихоцефальный. У него низкий, четко очерченный лоб, нет надбровных дуг, небольшие скуловые дуги и, очевидно, значительный прогнатизм¹⁸⁴, но четкий расовый диагноз поставить нельзя.

Возвращаясь к неолитическому материалу, можно быть уверенным, что он весь принадлежит к какой-то ветви средиземноморской расы, но сегодня со свидетельствами, которых недостаточно для того, чтобы составить один полный мужской образец, мы не можем надеяться различить скелетный подтип.

На лугах Европейской России южнее лесного пояса расовая последовательность с Анау простирается на запад на территорию Украины. Одно из древнейших мест, которое демонстрирует эту связь, расположено в Мариуполе у устья реки Кальмиус на берегу Азовского моря¹⁸⁵. Здесь было найдено некоторое количество скелетов, лежащих в рядах и покрытых красной охрой, рядом с очевидно ранненеолитическими принадлежностями, и множество костей, кусков шкур и бивней. Хотя типологически эти артефакты довольно древние,

¹⁸² Vishnevsky, B. N., MAGW, vol. 64, 1934, pp. 102–111.

¹⁸³ Mollison, T., Some Human Remains Found in the North Kurgan, Anau в Pumpelly, R., Explorations in Turkestan, vol. 2, pp. 449–463; Sergi, G., Description of Some Skulls from the North Kurgan, Anau *ibid.*, pp. 445–448; ASRA, #13, 1917, pp. 305–321. Warner, Langdon, Report on Skeletons Excavated at Anau в Pumpelly, R., *op. cit.*, p. 484.

¹⁸⁴ Из фотографии плохого качества, данной Серджи Пампелли и опубликованной первым без измерений.

¹⁸⁵ Makarenko, N., ESA, vol. 9, 1934, pp. 135–153.

нам неизвестна их датировка, но отсутствие керамики, по-видимому, не позволяет интерпретировать их как поздние.

Ни одного результата измерения этих скелетов не было опубликовано, но их описания достаточно, чтобы продемонстрировать, что среди них, вероятно, присутствует средиземноморский тип, возможно, похожий на найденный в Анау. Их рост «немного выше, чем средний рост сегодня»¹⁸⁶, что помещает их в диапазон 165–170 см. Кости конечностей вытянутые, руки узкие и длинные. Черепа небольшие, и во всех случаях долихо- или мезоцефальные.

Неолитические черепа из юго-восточной России и соседней части Польши немногочисленны, но четко дифференцированы по расе¹⁸⁷. Они принадлежат к двум типам. Первый тип имеет высокий свод, умеренно широконосый, от долихо- до мезоцефального, с низким ростом – 160 см или меньше у мужчин. Этот тип, несущий форму из Анау на запад, – самый многочисленный, и его центр находится в Волынском районе на Украине. В позднелитической фатьяновской культуре с ним связано немного брахицефалов, которые за исключением формы головы несильно отличаются от остальных. Этот «дунайский» тип в своей основе не отличается от некоторых групп Нижнего Египта и дельты.

Второй тип, самый распространенный в позднелитических захоронениях Киевской губернии, состоит из высоких (171–172 см) гипердолихоцефалов, обычно лепторинных и обладающих высоким сводом, которых мы уже называли «шнуровиками». Черепа этой общности немногочисленны и, вероятно, относятся к позднему неолиту. Метрически они напоминают древнейшие шумерские черепа из Эль-Убейда.

Около тридцати лет назад Серджи при посещении Москвы измерил около 70 «курганных» мужских черепов из южной России, датируемых временем от неолита до железного века. Они, объявленные им «средиземноморцами»¹⁸⁸, соответствуют двум вышеупомянутым типам. Главная группа, меньшая разновидность, соответствует нашему «дунайскому» типу, а большая – «шнуровому». В общем, метрические отклонения всей группы от месопотамских данных не очень велики.

Результат этого южнорусского исследования приводит к некоторым общим и, возможно, предварительным выводам:

1) Во время неолита все известные пути в Европу от Гибралтара до южной границы русских лесов демонстрируют только варианты человека средиземноморского типа или типа Галлей-Хилл. Как говорит Серджи, неолитическая культура с ее производящей экономикой неразрывно связана со средиземноморской расой.

2) Особая «средиземноморская» форма, очевидно, принеся сельское хозяйство в страны, расположенные севернее Иранского нагорья и Черного моря, найдена, как и другие, в более южных регионах, в которых предположительно появилось сельское хозяйство Старого Света.

3) Высокий, гипердолихоцефальный вариант с высоким сводом базового типа Галлей-Хилл, появившийся как «население культуры шнуровой керамики», присутствовал, по крайней мере, в позднем неолите в южной России.

¹⁸⁶ Ibid., p. 140.

¹⁸⁷ Bogdanov, A. P., AAM, vol. 3, 1879, part 1, p. 305; Czarnowski, S. J., Swiatowit, vol. 3, 1901, pp. 75–84; Levit'kyj, I., AntrM, vol. 2, 1928, pp. 192–222; ZVAK, vol. 1, 1930, pp. 159–178; Saller, K., AAnz, vol. 2, 1925, pp. 26–46; Zabrowski, S., BMSA, ser. 5, vol. 2, 1901, pp. 640–666.

¹⁸⁸ Sergi, G., Europa, pp. 309–316. По словам Серджи, евроафриканский. Этот термин с тех пор приобрел более узкое значение в речи месопотамских археологов.

8. Носители дунайской культуры

Одним из наиболее поразительных событий неолитического периода Европы была постепенная миграция земледельцев из долины Дуная в Центральную Европу. Эти новые поселенцы оставались вблизи от берегов рек и их притоков, обрабатывая кусочки леса, где землю не надо было расчищать при помощи топора. Южная Венгрия, Моравия, Богемия и Силезия были областями, которые они посчитали наиболее благоприятными и в которых они поселились в большом количестве. По мере движения на запад они достигли южной Баварии, Бадена и севера Франции, особенно района Парижа. Начиная с южной Германии, они встречали потомков неолитического населения, которое появилось в Европе, пройдя через Гибралтар.

Должно быть, речные долины, которые занимали дунайцы, были относительно свободны от людей; остатки мезолита в восточной и центральной долине Дуная очень скудны, если вообще присутствуют¹⁸⁹. Следовательно, можно ожидать, что останки дунайских мигрантов представляют без особых изменений физические характеристики популяции или популяций, от которых они произошли.

Дунайская хронология основана на типах керамики, особенно на техниках отделки. Самый древний дунайский период I характеризуется ленточной керамикой с насечками, а второй и третий периоды отмечены частым использованием крашеной керамики. Сельское хозяйство дунайцев было мотыжной культурой, так как типичным орудием была мотыга с кремневым лезвием, называемая клиновидным топором (shoe-last celt). Их домашними животными были волы, овцы и свиньи.

Одна из проблем, решение которой остается археологам будущего, – это открытие области происхождения дунайской керамики. Украшенные насечками черные изделия ленточного типа, без сомнения, произошли откуда-то с востока – из северного Причерноморья или из Анатолии, откуда на них мог оказать влияние тот же источник, что создал меримдийцев египетской дельты. В этом случае два движения – дунайское и прошедшее через Гибралтар – возможно, произошли из одного источника в Западной Азии. Войдя в Европу с двух разных направлений, они слились в Швейцарии, южной Германии и Франции.

С другой стороны, крашеная керамика демонстрирует определенные сходства с азиатской: крашеная керамика найдена в древнейших известных культурах Ирака; Анатолия содержит некоторые ее разновидности; Иранское нагорье, как говорят, полно ими; крашеная керамика существует и в Анау в Туркестане; также крашеная керамика рано проникла в Кансу в Китае. Несмотря на эти случаи, нам пока неизвестен тот путь или пути, по которым она проникла в Европу с востока. Она могла пересечь Босфор вокруг Черного моря. Опять же, она могла путешествовать далее на восток севернее или южнее Каспия.

Физические свидетельства, находящиеся в нашем распоряжении, вряд ли решат проблему происхождения дунайцев, хотя они могут частично помочь отвергнуть большое количество необоснованных гипотез. В материале, использованном в настоящем исследовании, все, что может без сомнений быть приписано дунайскому неолиту, – это 17 мужских черепов, связанных с ленточной керамикой¹⁹⁰, и семь, связанных с крашеной¹⁹¹. Их можно дополнить меньшей женской серией.

¹⁸⁹ Fewkes, V. J., Goldman, H., Ehrich, R. W., BASP, #9, 1933, pp. 17–32. Также личное общение с д-ром В. Дж. Фьюксом.

¹⁹⁰ Bayer, J., MAGW, vol. 51, 1921, pp. 46–47; Lebzelter, V., MAGW, vol. 66, 1936, pp. 14–15; *ibid.*, *Sitzungsberichte*, p. 16; Reche, O., AFA, vol. 35, 1908, pp. 232–237.

¹⁹¹ Doniči, A., ACAP, 1931, pp. 114–115; Lebzelter, V., WPZ, vol. 15, 1928, pp. 35–41; Nestor, I., BRGK, #119, 1933, p. 37; Schürer von Waldheim, Hella, MAGW, vols. 48–49, 1919, pp. 247–263; Virchow, R., ZFE, vol. 22, 1890, p. 97; Zimmerman, G., AJKS, vol. 10, 1935, pp. 227–236.

Эти две серии, ленточная и крашенная, антропометрически так близки друг к другу, что их легко можно объединить (см. приложение I, кол. 11). Их тип нам уже знаком – это малый средиземноморский тип с черепными указателями от 68 до 81 и средней величиной 73,6. Средняя длина черепа 185,5 мм, но отдельные черепа достигают 196 мм. Высота свода – 139 мм – больше по сравнению с другими размерами. Лица невысокие (116 мм) и умеренно узкие (130 мм); как лоб, так и челюсти (наименьшая ширина лба 96 мм, бигониальный диаметр 94 мм) также умеренной ширины. Орбиты низкие со средним орбитным указателем 80, носы хамеринные со средним носовым указателем 55. Наиболее орбитный череп имеет орбитный указатель 91, а самый лепторинный – носовой указатель 45.

Хотя эта дунайская группа довольно гомогенна даже в тех небольших количествах, которые у нас имеются, видимо, в строгом смысле она включает в себя более чем один тип. Например, их рост низкий; Рехе обнаружил, что средний рост восьми ленточных мужских скелетов из Йордансмуля¹⁹² составляет 153 см, и в этой небольшой серии четыре мезоцефальных черепа связаны с более высоким ростом, чем чисто долихоцефальные. Некоторые из черепов с более высокими орбитами и более длинными сводами опять же отличаются от большинства. Однако в целом эта группа определенно долихо- и мезоцефальная и определенно средиземноморская. Насколько позволяют сказать изученные критерии, эта серия очень похожа на курганную группу Серджи из южной России и может рассматриваться как содержащая такие же расовые элементы, хотя русский материал в целом менее гомогенный.

Если мы продолжим наше сравнение, мы снова обнаружим большое сходство с испанским неолитом и со всеми небольшими средиземноморскими группами. Без сомнения, дунайцы представляют собой другую ветвь той же самой расовой группы, которая прибыла в Европу из Северной Африки с юго-запада. Однако где они жили непосредственно перед их прибытием в Европу, пока невозможно сказать. Свидетельства из России, включая свидетельства из Мариуполя и Анау, указывают на трансэвксинское происхождение, но в то же время они могли появиться и из Анатолии, из которой пока нет никаких неолитических свидетельств. Опять же возможно, что дунайские миграции вовлекали родственные элементы из более чем одного географического источника.

Мы не знаем, на каком языке говорили эти дунайцы. Нам также неизвестна пигментация их кожи, волос и глаз. Но по немногим собранным свидетельствам мы можем предположить, что эти следующие одна за другой волны происходили от групп, не отличающихся от них в расовом отношении.

Хотя на основании этих свидетельств мы не можем утверждать, какие именно расовые элементы отсутствовали в дунайских странах во время неолита, мы знаем, что носители этой культуры, появившиеся с востока, принадлежали или включали в себя членов большой средиземноморской расы, которая, видимо, везде связана с наиболее древним использованием производящего хозяйства. Очевидно, самым значительным элементом этой культуры был небольшой, легкокостный, достаточно инфантильный средиземноморский элемент.

¹⁹² Ныне Йорданув. – Прим. перев.

9. Население культуры шнуровой керамики или боевых топоров

Последняя часть неолитического периода на большинстве северных территорий Центральной Европы отмечена появлением загадочной группы людей, которые украшали свою керамику, пока она была еще влажной, шнуровыми образами и которые также помещали в свои могилы просверленные каменные боевые топоры, подозрительно похожие на топоры фатьяновской культуры в южной России и других культур Кавказа. Эти топоры, опять же, имеют медные параллели в Шумере. Границы земель, населенных шнуровиками, очерчивают Восгес на западе, Урал на востоке, Балтика на севере и динарские Альпы на юге¹⁹³. Хотя эти завоеватели занимались и земледелием, их могилы содержат скорее оружие, нежели мотыги, а в некоторых случаях – кости лошадей (возможно, одомашненных).

Их роль в экономической и политической картине неолитической Европы все еще остается неопределенной. Хотя они были оснащены оружием, они не сражались только из любви к битвам. Местонахождение их захоронений около источников природных богатств – таких как янтарь, а позднее и олово, показывает, что их интересовали товары, которые можно легко продать – небольшие, но обладающие высокой ценностью. Возможно, они были неолитическими вымогателями, получающими свою долю прибылей, или же классом господ, стоящим над земледельцами, или просто усердными и хорошо вооруженными торговцами. В любом случае, были ли они мирными или нет, им было суждено в значительной степени повлиять на поздние культуры Европы.

Типичнейшее скопление черепов шнуровиков происходит из Силезии и Богемии, откуда может быть собрана серия в 29 мужских черепов¹⁹⁴ (см. приложение I, кол. 12). Они принадлежат к определенному, весьма отличному от других физическому типу. Длина свода большая, в большинстве случаев больше 190 мм; ширина небольшая, дающая низкий средний черепной указатель 71, а высота большая, значительно превышающая ширину. В сочетании с этой преувеличенно длинной, узкой и высокосводчатой формой обычно находится высокий, относительно крутой лоб; более сильные надбровные дуги и мышечные отметки, чем обычно у средиземноморских типов, знакомых нам по Египту, Испании и Дунаю; форма лица включает сжатые скулы, низкие орбиты и лепторинный нос. Высоты лица, вероятно, большие, а нижняя челюсть глубокая и сильно отмеченная, хотя обычно и узкая. К сожалению, в этой серии эти описания лица намного менее определенные, чем описания свода, так как только немногие из черепов сохранили свои лицевые сегменты. Длинные кости тяжелее и грубее, чем у меньших средиземноморских разновидностей, но рост между 157 и 170 см у десяти мужских экземпляров достигает невыразительного среднего значения 164 см. В других шнуровых сериях, как мы увидим ниже, он почти всегда большой.

Череп шнуровиков больше, чем череп из Египта, и метрически очень похож на эльментейтские черепа из восточной Африки – эти две группы можно объединить, не утратив их гомогенности. В Месопотамии их вполне возможно сравнить с тремя династическими черепами из Ура, хотя у них более высокий свод, чем у любой другой древней группы.

О происхождении шнуровиков было много дискуссий, и для них предлагалось много прародин. Чайлд, несмотря на некоторые возражения, которые он сам выдвигает, предпочитает выводить их из южной России, где найдены типичные культурные элементы шнуровиков, смешанные с другими элементами. Так называемые ладьевидные топоры – типичные

¹⁹³ Childe, V. G., *The Danube in Prehistory*, pp. 145–160.

¹⁹⁴ Reche, O., *AFA*, vol. 35, 1908, pp. 232–237; Stocký, A., *AnthPr*, vol. 7, 1929, pp. 65–78.

боевые топоры, использовавшиеся ими, – имеют родственников повсюду до Кавказа и далее. И лошади (использование которых в одомашненном виде полностью не подтверждено, так как экземпляры из могил могли, вероятно, быть и дикими) были впервые одомашнены в Азии или южной России.

На основе также и физических свидетельств вероятно, что шнутовики произошли из северного или восточного Причерноморья. Неолитические черепа из южной России, которые мы только что рассмотрели, включают в себя этот тип, который также присутствует в курганной коллекции Серджи. Пока у нас не будет лучших свидетельств откуда-то еще, мы имеем право считать южную Россию самым вероятным претендентом на роль области, откуда шнутовики двинулись на запад.

Здесь необходимо сделать одно осторожное замечание: причин предполагать, что шнутовики были нордиками, пока что не существует. Их черепной тип, насколько мы знаем, близок к формам, которые, как нам известно, в более поздние времена связываются со светлой пигментацией; но они также близки к черепам с Иранского нагорья и Ура, которые, предположительно, связаны с темной пигментацией. Следовательно, пока мы обойдемся без суждений о мягких тканях и пигментации шнутовиков и рассмотрим эти останки в более научном, но менее живом свете типов скелета.

Этот тип встречается и в Польше, где он найден в могилах, связанных с соответствующей культурой, но эта страна также содержит более обычный дунайский тип, связанный с неолитической сельскохозяйственной экономикой, а также определенное количество брахицефальных и других черепов, у которых есть северные связи, и по этой причине мы рассмотрим их позже¹⁹⁵.

В южной и западной Германии останки шнутовиков найдены в сравнительном изобилии. Они особенно процветали в Саксонии и Тюрингии и, очевидно, вели более стабильную жизнь, чем на территории восточнее. Из десяти черепов, принадлежащих к саксонско-тюрингской культуре шнутовой керамики¹⁹⁶, четыре из семи, которые могут быть измерены, являются мезоцефальными и только три – долихоцефальными. В южной шнутовой группе наивысший указатель равен 75. Эти три долихоцефала, видимо, принадлежали к обычному типу.

Рост двух из них был 168 см. Остальные из черепов, насколько можно сказать, – это обычные экземпляры неолитических средиземноморцев, которые могли иметь или дунайский, или североафриканский источник, или же оба. Шнутовики на западе и юге Германии стали оседлыми и смешались с неолитическими земледельцами.

Перед окончанием этой части давайте посмотрим западнее – на Баден, раннеолитическое захоронение Альтенбург¹⁹⁷. Здесь, в центре одного из наиболее брахицефальных районов сегодняшней Европы, были похоронены четыре мужчины, черепа которых варьировались от 65 до 71 по черепным указателям, и две женщины с указателем 77. Длинные кости небольшие, а рост низкий; черепа тонкие по внешности и чисто средиземноморские – но можно отметить, что у мужчин узкая форма свода. Шесть других неолитических мужских черепов из Вёрмса подобны им¹⁹⁸. Это свидетельство, хотя и не полное, по крайней мере показывает, что до шнутовиков в южной и юго-восточной Германии жило сельскохозяйственное население малой средиземноморской разновидности, на которое и наложились шнутовики.

¹⁹⁵ Lencewicz, Stanislaw, Swiatowit, vol. 10, 1912, pp. 53–64; Rosinski, B., WArc, vol. 9, 1924–25, pp. 29–50; ACIA, 2me Session, Prague, 1929, pp. 164–174; Westlawawa, Eleanora, PAn, vol. 9, 1935, pp. 80–84, французская аннотация, pp. 142–143.

¹⁹⁶ Götze, W., JVST, vol. 24, 1936, pp. 91–100; Heberer, G., JVST, vol. 24, 1936, pp. 82–90; Strauch, K., MannusZ., vol. 7, 1915, pp. 249–262.

¹⁹⁷ Mühlmann, Wm. E., ZFMA, vol. 28, 1939, pp. 244–255.

¹⁹⁸ Virchow, R., ZFE, vol. 29, 1897, p. 464.

10. Неолит Британских островов

Следующий шаг в этой географической игре влечет нас опять на запад – в Британию. Ранненеолитическая культура Британских островов была периферийным отзвуком движений, влиявших на остальную Западную Европу. Так называемая культура Виндмилл-Хилл, тесно связанная с михельсбергской культурой в южной Германии, могла возникнуть под североафриканским или дунайским влиянием или же иметь оба этих источника своего происхождения. Чайлд, рассматривая сходства с меримдийцами в керамике, предполагает дунайскую версию, но не настаивает на ней. Во всяком случае, в самой Британии у нас нет веских свидетельств физического типа населения, принесшего эту культуру¹⁹⁹.

Основная масса неолитического населения Британских островов, видимо, прибыла сюда морем²⁰⁰ с мегалитическими вторжениями, которые также устремились в Данию и южную Швецию. Строители мегалитов вполне могли впервые принести неолитическое хозяйство во многие части Шотландии и в Ирландию. В Англии в их обычае было погребать важных людей под длинными земляными курганами, без камер в Йоркшире и Дербишире и с камерами в более южных графствах.

Останки черепов населения культуры длинных курганов, как называют похороненных в этих курганах, имеются в изобилии²⁰¹ (см. приложение I, кол. 13). Хотя эту группу представляют более 160 черепов, их географическое распределение далеко не равномерное. Вилтшир, Стаффордшир и Глoucestershire дают 120 черепов; только 14 происходит из Шотландии и один из Ирландии. Оставшиеся 30 происходят из нескольких графств Англии. Уэльс здесь не представлен, как и большая часть Шотландии; несколько черепов, найденных в этой стране, захоронены рядом с морем. Люди длинных курганов, пришедшие с моря, выбирали для жизни открытые, безлесные пространства. Таким образом, большая часть земли на Британских островах была или незаселена, или открыта для странствий более древних обитателей.

Население длинных курганов составляет отдельный гомогенный тип, насколько нам известно, отличающийся от населения, населявшего Британские острова со времен Галлей-Хилл; ему нельзя найти аналога где-либо на западноевропейском континенте, за исключением тех случаев, когда он встречается в качестве элемента в смешанном населении. Таким образом, это приводит нас к заключению, что мегалитический культ не был только комплексом похоронных обрядов, который распространился без видимых носителей, а также что носители этого комплекса избегли смешения на пути в Британию, воспользовавшись морским путем.

По росту и строению тела строители мегалитов принадлежали к крупной разновидности средиземноморцев. Рост большого количества мужчин²⁰² из Англии варьируется около

¹⁹⁹ Так называемые русловые черепа, выкопанные со дна Темзы, принадлежат средиземноморцам с низким сводом. Они могут включать экземпляры раннего неолита, но это свидетельство неубедительно (Garson, J. G., JRAI, vol. 20, 1890, pp. 20–25). Три черепа из каменных гробниц из Ла-Мотт, о. Джерси, схожи (Marett, R. R., Archaeologia, vol. 63, 1911–12, pp. 203–230. Keith, Sir A., Antiquity of Man, vol. 1, pp. 52–65).

²⁰⁰ Чайлд, прочитавший главы с второй по седьмую в рукописи до их переработки, комментирует их так: «Я нахожу трудным поверить, что основная масса британского населения появилась из-за моря. Культура Виндмилл-Хилл доминирует в мегалитических погребениях, но она возникла раньше». В то время как Чайлд, без сомнения, прав в том, что касается значимости населения Виндмилл-Хилл в культурном отношении, свидетельств о его физическом облике мало. Это очевидное противоречие нельзя объяснить на основе нынешних данных. Тот факт, что малые средиземноморцы различимы в современном британском населении (см. гл. X), указывает на то, что наблюдение Чайлда может быть вполне обоснованным.

²⁰¹ Morant, G. M., Biometrika, vol. 18, 1926, pp. 56–98.

²⁰² Вычислено по формуле Пирсона по бедрям из нескольких серий, включая восемьдесят два человека из Англии, из которых многие могут быть двойниками; трое из Шотландии и один из Ирландии. Источники: Crania Britannica; Thurman,

среднего значения 167–168 см, что не опровергается и скудными свидетельствами из Шотландии и Ирландии. Четыре мужских скелета из единственного захоронения в Кенте²⁰³ могут представлять (скорее приближенно) группу Виндмилл-Хилл: они несколько ниже остальных.

Череп населения длинных курганов большие для средиземноморской подрасы, но не такие большие, как у людей верхнего палеолита. Они длинные, умеренно узкие и средней высоты. В отличие от шнуровых черепов, их высота меньше, чем ширина. В большинстве случаев затылок выступает далеко назад; теменные кости параллельные; лоб умеренно покатый и, в противоположность узкому черепу, очень прямой и широкий.

Лица средней длины и умеренной ширины; орбиты средних размеров и во многих случаях выдаются вниз и наружу, как если бы границы лица были слишком узкими для них. Углубление в области переносья среднее, находящееся под среднеразвитыми надбровными дугами, а прямой нос лепторинный. В общем, тип населения длинных курганов как исключителен, так и поразителен.

В поисках родственного населения этой же эпохи мы можем сразу же исключить меньшие, менее долихоцефальные ветви собственно средиземноморской расы, включая дунайцев. Подошли бы несколько отдельных черепов неолита Испании и Италии, но ни одна из серий из этих стран. Обычные египетские черепа в группах слишком малы, как и единственный женский череп из Греции. По одной своей особенности – носовому указателю – население культуры длинных курганов напоминает египтян больше, чем большинство более северных средиземноморцев, так как черепа населения культуры длинных курганов являются лепторинными.

По своей крайней долихоцефалии черепа длинных курганов напоминают группу шнуровой керамики, но это сравнение не выявляет сходства всех черт – черепа типа длинных курганов немного длиннее, существенно шире и намного шире по размерам лба, чем образцы шнуровой керамики, и, конечно же, свод у черепов длинных курганов намного ниже²⁰⁴. Насколько можно сказать, орбиты в этих двух сериях очень похожи, а что касается лиц, то в группе шнуровой керамики недостаточно свидетельств для действительного сравнения.

Однако можно найти реальное сходство между английской серией длинных курганов и древними черепами из Эль-Убейда из Шумера, которые, принадлежа к IV или III тысячелетию до н.э., в любом случае древнее, чем их британские двойники. Единственное отличие, не дающее установить их идентичность, – это то, что месопотамские лица и носы несколько длиннее.

Нынешнее мнение, что население культуры длинных курганов напрямую происходит от верхнепалеолитических жителей Британии, очевидно, ошибочно. Черепа типа длинных курганов определенно меньше, короче и уже, чем у верхнепалеолитической группы, но такой же или большей высоты; у них такая же ширина лба, верхняя высота лица, но меньше челюсти, намного уже лицо и уже орбиты. Возможно, существует генетическая связь между населением культуры длинных курганов или мегалитическим типом и древним европейским типом Галлей-Хилл или Комб-Капель, но по историческим причинам непрерывность в Англии не могла иметь место.

Несколько черепов с шотландских берегов принадлежат к обычному типу длинных курганов, и то же самое можно сказать об одном неолитическом образце из Ирландии – муж-

J.; Garson, J. G.; Mortimer, J. R.; Keith and Bennett; Edwards, A. J. H., and Low, A.; Laing, S., and Huxley, T. H.; and Bryce.

²⁰³ Keith, Sir A., and Bennett, JRAI, vol. 43, 1910, pp. 86–100.

²⁰⁴ В этом я полагаюсь на среднее значение Моранта 135,5 мм для 25 мужских черепов. Шустер (1905) дает 137,8 мм для 12, Гаррисон – 135 мм для четырех из кургана Хув-хилл, Йоркшир. С другой стороны, упорядоченные 45 мужских черепов Турмана (1867) – 143 мм, 59 из *Crania Britannica* и Турмана – 142,1 мм.

ском своде из Стони-Айленд, Портумна, графство Гэлвэй²⁰⁵. Мужской череп из Рингабеллы, графство Корк²⁰⁶, который, возможно, также неолитический, таким же образом принадлежит к мегалитической расе, а спорный образец из Килгрини, каков бы ни был его возраст, хотя и с низким сводом, также в своей основе принадлежит к средиземноморскому типу Галлей-Хилл²⁰⁷. Однако большая нижняя челюсть последнего и его низкий свод делает его нетипичным – и как два черепа из Феникс-парка, Дублин²⁰⁸, которые могут принадлежать неолиту или раннему бронзовому веку, он не характерен для расы длинных курганов, и его особенности могут иметь происхождение как в мезолите, так и в раннем бронзовом веке. В свете этих отклонений мы должны повторить, что только один однозначно неолитический череп из Ирландии относится к расе длинных курганов.

Мегалитическое население культуры длинных курганов, должно быть, прибыло морским путем и, вероятно, откуда-то из Средиземноморья. Они встретили Британские острова уже обитаемыми, и их гомогенность в нескольких ограниченных местностях не может означать, что они вызвали вымирание более древних народов. Также и они сами не вымерли, когда еще более поздние завоевания, принесшие другие физические комплексы, достигли Британских островов²⁰⁹. Горы Уэльса, холмы Корнуолла и Девона и почти вся Ирландия остаются пустыми на нашей древней скелетной карте Британских островов.

²⁰⁵ Martin, C. P., JSAI, vol. 64, June, 1934, pp. 87–89; Movius, H. L., Jr., op. cit., vol. 65, Dec., 1935, p. 282. По палеоботанической датировке см. Shea, S., JGAS, vol. 15, 1931, pp. 73 ff. White, Miss J. M., INF, vol. 3, 1934, pp. 270–274.

²⁰⁶ Martin, C. P., в Ó Riordáin, S. P., JSAI, vol. 64, June, 1934, pp. 86–87.

²⁰⁷ Fawcett, E., PBSS for 1928, vol. 3, #3, pp. 126–133; Martin, C. P., ук. соч.; Movius, H. L., Jr., ук. соч.; Tratman, E. K., ibid., pp. 134–136.

²⁰⁸ Haddon, A. C., PRIA, vols. 3, 4, 1896–98, pp. 570–585. Также Crania Britannica, черепа 22 А и В.

²⁰⁹ Как предложено в статье Hooke, Beatrix, G. E., и Morant, G. M., Biometrika, vol. 18, 1926, pp. 99–104.

11. Западная Европа и альпийская раса

К этому времени мы уже изучили все пути, по которым неолитические производители заняли Европу, и увидели, что во всех известных случаях эти мигранты принадлежали к некоторому ответвлению расы Галлей-Хилл, или к большой средиземноморской расе. Сейчас мы подошли к тем частям Европы, в которых в значительной степени сохранилась культурная традиция мезолита, в качестве примеси в неолитическом хозяйстве или как его идеальное продолжение. Эти части можно разделить на три общие группы: 1) Западная Европа – т.е. Швейцария, Франция и Бельгия; 2) Скандинавия, северная Германия и восточный берег Балтики; 3) лесной пояс, тянувшийся через северную Россию в Сибирь. Сейчас мы рассмотрим первую из них.

Начиная со Швейцарии, мы обнаруживаем смешение старого с новым в так называемой культуре озерных поселений неолита. Ранняя культура озерных поселений западной Швейцарии, сконцентрированная вокруг озера Невшатель, состоит из смешения североафриканского сельского хозяйства и местной мезолитической основы, а восточная Швейцария представляет тот же самый феномен, к которому мог позднее добавиться дунайский элемент. К концу неолита, непосредственно перед внедрением металла, шнуровики завоевали Швейцарию с севера, и в это время местные региональные различия до какой-то степени сгладились²¹⁰.

В этих обстоятельствах мы можем ожидать, что во всей коллекции скелетов швейцарских озерных поселений раннего и среднего неолита мы обнаружим образцы малой средиземноморской расы, представляющей носителей земледелия и скотоводства по сравнению с охотой и птицеводством, а также и остатки предыдущего населения, какими бы они ни были в расовом смысле.

К сожалению, археологам только предстоит открыть захоронения, в которых население озерных поселений хоронило своих мертвых; те немногие останки, что были найдены, видимо, по большей части принадлежат людям, погибшим случайно, и особенно детям. Шлагинхауфен заявляет, что известны 73 черепа из озерных поселений, подходящие для изучения черепного указателя, но немногие из них были описаны в публикациях. Шлагинхауфен смог найти только 9 взрослых черепов с измеримыми лицами²¹¹.

Его заключение таково: в самой ранней фазе швейцарского неолита доминировали брахицефалы; в поздней стадии круглые и длинные черепа примерно одинаковы по количеству, с небольшим числом промежуточных форм; позднее они смешиваются, и в начале эры металлов происходит увеличение числа долихоцефалов. Брахицефалы раннего неолита были небольшого роста, с низкими лицами, низкими орбитами и широкими носами; позднее их форма лица стала длиннее и уже, к концу неолита производя дисгармоничные формы. Первоначальное сочетание круглоголовости с низкими лицами и орбитами было нарушено смешением с завоевателями-средиземноморцами.

Нужно помнить, что эти выводы об изменениях в связи между формой головы и формой лица основаны на не более чем девяти образцах. Пять из них можно изучить непосредственно из уже опубликованных данных²¹². Три из них брахицефальны, а два мезоцефальны. Первые имеют верхний лицевой указатель ниже 50, а носовой указатель выше 50; последние

²¹⁰ Childe, *The Danube in Prehistory*, p. 186.

²¹¹ Schlaginhaufen, O., *Die menschlichen Skeletreste aus der Steinzeit des Wauwilensees*.

²¹² Освещающие следующие черепа: 1) Pittard, E., *ASAG*, vol. 7, 1935, pp. 118–122. Одна женщина, озеро Невшатель. 2) Pittard, E., *Anth*, vol. 10, 1899, pp. 281–289. Одна женщина, мыс, озеро Невшатель. 3) Schenk, A., *REAP*, vol. 15, 1905, pp. 389–407. Одна женщина, озеро Леман. 4) Koilman, J., *KDGA*, vol. 29, 1899, p. 116. Одна женщина, Овернь. 5) Schlaginhaufen, O., *op. cit.* Одна женщина, Грайфензее.

занимают противоположное место в каждом случае. По орбитному указателю двое из брахицефальных черепов опускаются ниже 80, а один находится выше; в то время как оба долихоцефала находятся выше. Из этих пяти примеров круглые черепа сочетаются с короткими лицами, низкими или широкими носами и низкими орбитами, а более длинные образцы выше и уже в форме лица, орбит и носа.

Швейцарские долихо- и мезоцефальные черепа озерных поселений, видимо, все без исключения принадлежат к некоторой разновидности малых средиземноморцев, которые могли появиться с востока или с юго-запада вместе с сельскохозяйственными миграциями. Брахицефалы – самые многочисленные и по меньшей мере смешанные на самых ранних уровнях – составляют один элемент в расовом комплексе озерных поселений, который нельзя вывести из известных неолитических источников, и поэтому могут быть с помощью косвенных доказательств связаны с мезолитическим элементом, таким значительным в культурах швейцарских озерных поселений.

Кроме озерных поселений с бедным содержанием человеческих останков, но большим количеством культурных объектов, в других местах исчезнувших, в Швейцарии существуют неолитические стоянки иного рода, включая горные пещеры и могилы. Большинство из этих погребений, которые по крайней мере в большинстве случаев не были погребениями типа озерных поселений, содержат человеческие останки средиземноморского типа, хотя в них найдено и небольшое количество брахицефалов²¹³.

Самая большая серия найдена в гробнице в Шамбланде – 10 мужских и 8 женских скелетов²¹⁴ (см. приложение I, кол. 14). Эти останки принадлежат небольшим, легкокостным средиземноморцам, долихо- и мезоцефалам, мезоринным, обладающим мелкими челюстями, с очень слабой половой дифференциацией. В своей основе эти люди из Шамбланде сильно напоминают еще меньшие группы из додинастического Египта, но еще сильнее они напоминают тип Мугем. Кажется, что в типе Шамбланде есть ощутимый негроидный элемент, что подчеркивает родство с Африкой. Они не похожи на дунайцев по величине и высоте свода.

Культура Шамбланде была средненеолитической, и, возможно, представляет собой северное проникновение полукочевого племени или группы из северной Италии, где найдены могилы такого же типа²¹⁵. Так как физический тип Шамбланде – это прекрасный пример малой средиземноморской расы, следовательно, этот тип должен был господствовать в раннем и среднем неолите северной Италии. Его дальнейшее присутствие иллюстрирует сложность этнических миграций в неолитической Европе.

Расовые проблемы, обнаруживаемые при изучении неолитического населения Швейцарии, равным образом приложимы и к Франции, в которой археологическая ситуация еще сложнее. Вдоль всего атлантического берега, и прежде всего в Бретани, в изобилии встречаются дольмены и другие типы мегалитических памятников. Север Франции, особенно Парижский бассейн, является самым западным отражением дунайских завоеваний с востока через смешанные культуры южной Германии, но в Парижском бассейне эта культура смешалась с мегалитическими элементами, так как многие из захоронений находятся в вытесанных подземных склепах и дольменах.

Юго-восток Франции содержит сохранившуюся пещерную культуру, а весь восточный район страны в долине Рейна и границах Швейцарии был занят земледельцами с таким же смешением мезолитических и неолитических культурных элементов, которые в Швейцарии появляются в западных озерных поселениях. Как Дешелет, так и Менгин выводят земледель-

²¹³ Schlaginhaufen O., op. cit.

²¹⁴ Schenk, A., REAP, vol. 14, 1904, pp. 335–375.

²¹⁵ Childe, The Danube in Prehistory, pp. 163, 174.

ческий элемент неолита Франции на территории к югу от Парижского бассейна из северной Африки²¹⁶.

Хотя в неолите Франция была густонаселенной страной, если судить по количеству находок, распределение населения было крайне неравномерным. Очень вероятно, что большие территории, особенно в Центральном французском массиве – центре гор юга Франции, где тонкая почва и гранитная основа неблагоприятны для земледелия, были заселены за время неолита отдельными группами мезолитических охотников и корчевщиков. Основная масса населения жила в больших долинах рек.

Как указание на форму головы неолитического населения Франции, мы можем обратиться к сборной серии из 608 черепов, из которых 43% долихоцефальны, 38% – мезоцефальны, а 19% – брахицефальны²¹⁷. Хотя это распределение не является бимодальным, присутствуют по крайней мере два типа – длинный и круглый.

Длинноголовый тип или типы ясно принадлежат к средиземноморцам. Хотя большинство серий включает брахицефальные черепа, немногие черепа чисто длинноголовые. Некоторые из них, такие как серия из Л'Омме Морт и Лозер²¹⁸ (см. приложение I, кол. 15), сильно долихоцефальные со средним значением указателя 72; они не вполне достигают значений британских длинных курганов, хотя и приближаются к ним. Черепа из коридорной могилы Воданкур, департамент Уаза, достигают величины длинных курганов, а рост этого типа высокий. Таким образом, во французском неолите здесь и там, очевидно, существовал высокий, крупный и весьма длинноголовый элемент, родственник доминирующему на Британских островах. Он был редким, но тем не менее чистым.

Мезоцефальные черепа, как правило, больше по размеру свода, чем большинство из средиземноморских групп, изученных нами, – таких как дунайцы, серия из Шамблане и мезолитические черепа из Мугем. Подозревают, что мезоцефалия, так часто встречающаяся среди неолитических французских черепов, может частично объясняться смешением с брахицефалами скорее мегалитического, нежели малого средиземноморского долихоцефального типа. Это поддерживается свидетельством роста, так как средние значения у французских серий неолита доходят до 164–165 см – это выше, чем большинство собственно средиземноморцев.

В определенных чертах длинноголовые черепа французского неолита в целом демонстрируют западную принадлежность: ширина свода больше высоты, а носы лепторинные или слабomezоринные. В этом отношении они отличаются от дунайцев таким же образом, как и по величине; а по форме свода они отличаются от группы шнуровой керамики. Эти особенности далее усиливают подобие между более длинными и большими экземплярами и британским типом длинных курганов. Из этого можно заключить, что большая часть средиземноморского расового элемента во Франции происходит из Северной Африки и Средиземноморья, и лишь малая – из Центральной и Восточной Европы.

Географическое распределение неолитических черепов по форме головы может быть частично определено из исследования Сальмона²¹⁹. В нем представлен 41 департамент, что покрывает менее чем половину Франции. Из этого числа только 15 департаментов – одна шестая Франции – представлены десятью или более черепами. Насколько можно сказать из этого географического распределения, существовало два центра сильной брахицефалии – один в районе Оверни, пересекая Рейн по направлению к Савойе и затухая в Центральном

²¹⁶ Dechelette, J., Manuel d'archaeologie prehistorique; Menghin, O., Weltgeschichte der Steinzeit.

²¹⁷ Salmon, P., REAP, vol. 5, 1895, pp. 155–181. Серии разделены заново, чтобы соответствовать условному разбиению по черепному указателю.

²¹⁸ Неопубликованные измерения г-жи Рут Сотел Уоллис (Ruth Sawtelle Wallis).

²¹⁹ Salmon op. cit.

французском массиве, а второй – на севере Франции, от Парижа до Мёза. Побережье Атлантики южнее Бретани и западная часть центра Франции во время неолита были центрами долихоцефалии.

Диапазон указателей во французском неолите простирается от 63 до 97, что является практически обычным диапазоном для всего мира. Целые группы из более чем тридцати черепов (как в Боме-Шоде), найденные в одной пещере, совершенно длинноголовые. Это демонстрирует, что некоторые чисто долихоцефальные местные популяции существовали в неолитической Франции, как они существуют в некоторых частях страны и сегодня²²⁰ (см. приложение I, кол. 16), в то время как меньшие погребения содержат совершенно брахицефальные группы. Гипербрахицефалия уже появилась как эволюционный феномен, ибо двадцать пять из шестисот восьми черепов из коллекции Сальмона имеют указатели между 85 и 97. Другие черепа с указателем более 90 были найдены в швейцарском собрании. Эта крайняя форма головы, очевидно, не была настолько же частой, как сегодня.

К счастью, список Сальмона содержит данные как о способе захоронения, так и о черепном указателе и местоположении. Большинство черепов происходят из мегалитических погребений или пещер. Горные убежища и пещеры содержат то же самое соотношение форм головы, как и в общем по Франции; и это также верно для мегалитических погребений в общем. Брахицефальные черепа найдены во всех типах захоронений; с точки зрения археологии в них нет ничего, что этнически или социально отличало бы их от других. Таким образом, они были составной частью неолитического населения во всех районах, где они были найдены. Они не могли принадлежать к отдельной единой группе иммигрантов, а скорее составляли остаточный элемент в общем населении, с сильной генетической тенденцией сохранения и увеличения их особой формы головы независимо от других расовых факторов.

Дальнейшее изучение этой проблемы западноевропейской брахицефалии может быть наилучшим образом продолжено исследованием Бельгии, которая в неолите является продолжением археологической северной Франции. Большинство из находок этого периода происходит из Арденн, из современной валлонской части Бельгии, так как болота и топи фламандской части слабо притягивали к себе неолитических земледельцев. Возможно, именно по этой причине неолитические бельгийцы были еще более брахицефальны, чем их родственники во Франции – из 70 черепов обоих полов²²¹ половина имеет черепные указатели более 80. Самая большая серия из Астьера²²² имеет среднее значение 79,8 и высокое разнообразие²²³.

Среди доступных описанных черепов можно последовательно расположить 18 мужских образцов²²⁴, адекватные измерения которых были проведены. Эти 18 черепов взрослых мужчин делятся на две подгруппы – соответственно из восьми и десяти образцов. У первой группы черепной указатель находится в диапазоне от 74 до 77; у второй – от 80 до 83. Это естественное разделение так отчетливо, что было бы нелепо представлять их в виде одной серии, ибо средняя величина попала бы в точку, не представленную ни одним образцом. Семь женских черепов, сопровождающих эту серию, таким же образом не имеют ничего общего.

Долихоцефальная группа из восьми мужских черепов принадлежит к обычному средиземноморскому типу, мезоцефальному и с относительно низким сводом. Брахицефалы (см.

²²⁰ Г. фон Бонин считает серию из Боме-Шоде сохранившимся с палеолита населением. NB, vol. 7, 1935, pp. 216–217.

²²¹ Включая черепа из списка Сальмона и другие.

²²² Сальмон, 1895 г., 33 черепа.

²²³ Диапазон 72–88, $\sigma = 3,65$.

²²⁴ Антверпен – 3; Сандрон – 10; Преалль – 4; Грот-дю-Доктор, Хукорген – 1.

приложение I, кол. 17), значимая для наших целей группа, при помощи сравнения могут служить для объяснения проблемы неолитической брахицефалии в Западной Европе.

В Швейцарии у нас были для изучения только несколько отдельных черепов; во Франции брахицефальные черепа смешаны в отдельных сериях с долихоцефальными. Однако в небольшой бельгийской группе из десяти мужчин у нас есть чисто брахицефальная серия для сравнения²²⁵.

В поисках происхождения этих неолитических альпийских черепов для сравнения естественно обратиться к нескольким верхнепалеолитическим и мезолитическим черепам брахицефального типа²²⁶. По размерам свода неолитические черепа хорошо соответствуют образцам из Офнет, но женские образцы меньше, чем образцы верхнего палеолита. Все образцы из всех трех периодов имеют низкий свод.

Неолитические альпийские лица, насколько мы можем судить, немного меньше и уже, чем большинство из более древних; орбиты во многом схожи, но носы кажутся меньшими по размеру. В целом, неолитические брахицефальные черепа менее грубые и намного более гладкие, чем древние экземпляры, более сферические и более инфантильные. Во многих случаях их лица выглядят немного отличающимися от лиц средиземноморцев, которые их сопровождают. Рост этих брахицефалов варьируется, но сильнее, чем рост сопровождающих долихоцефалов, достигая 165–166 см у мужчин в некоторых выявленных случаях. Эта корреляция служит доводом в пользу сравнения с верхним палеолитом.

Невозможно логично и последовательно объяснить присутствие этих предков альпийцев во время неолита в Европе западнее Альп, севернее Пиренеев и южнее Рейна. Но определенные гипотезы²²⁷ заслуживают обсуждения, и, отбросив обладающие невысокой вероятностью, мы можем сузить это поле. Самые значимые из этих гипотез таковы:

1) *Альпийские брахицефалы появились в данной области во время неолита с востока в качестве части земледельческого населения*. Эта теория, принимаемая как факт большинством антропологов на протяжении тридцати или более лет, может быть практически исключена. Все существующие свидетельства ей противоречат.

2) *Альпийские брахицефалы появились в данной области во время мезолита как часть доземледельческого населения из Северной Африки через Иберийский полуостров*. Эта теория основана на открытии предположительно брахицефальных черепов в Мугем в Португалии. Валлуа недавно продемонстрировал, что черепа из Мугем на самом деле принадлежат к средиземноморскому типу и что большинство случаев приписываемой им брахицефалии, если не все из них, объясняются посмертной деформацией нескольких черепов. Таким образом, эту теорию также можно считать сомнительной, хотя и менее невероятной, чем первую.

3) *Альпийские брахицефалы – это круглоголовый тип Афалу, принесенный в Западную Европу с мезолитическими миграциями из Северной Африки или Азии некоторым неизвестным мезолитическим элементом*. Мы уже предполагали, что черепа из Офнет могут иметь подобное происхождение. Но альпийские черепа меньше и более сферообразны. Их лица намного меньше, хотя и сходны по пропорциям. Эти различия можно объяснить смешением со средиземноморцами с небольшими головами и невысоким ростом.

4) *Альпийские брахицефалы представляют собой продолжение ориньякской тенденции брахицефализации, обнаруженной в Солютре*. Азильская культура была смешением капсийских и мадленских элементов. Возможно, что брахицефальный элемент из палеолити-

²²⁵ Эти черепа происходят из тех же серий, что и долихоцефальные Сандрон и Преалль, плюс череп из Юккорн (Nussorgne). Чисто брахицефальных неолитических групп не существует.

²²⁶ Солютре № 2, № 5, Ле-Плакар (1881). Солютре № 1 и № 3, и Ле-Плакар F и B в значительной степени мезоцефальны. Среди мезолитических черепов – Офнет 1800, 1801, 1802, 1806, 1815.

²²⁷ Гипотеза, что они были предками лопарей, никоим образом не объясняет их происхождения, и мы рассмотрим ее позже.

ческой Франции вошел в мезолитическую культуру и сохранился до неолита, содержащего много мезолитических культурных форм.

5) *Альпийские брахицефалы являются результатом генетической тенденции к сферообразной форме черепа, действующей в долихоцефальной группе.* Без особых сомнений, тенденция к усилению брахицефалии существует в альпийской расовой зоне и в современности. Но по различным причинам мы не можем предполагать, что неолитические альпийцы были просто брахицефализированными средиземноморцами. Они часто выше, у них большие своды, более низкие орбиты, более короткие лица и более широкие носы. Более того, мягкие ткани у современных представителей этого типа отчетливо несредиземноморские.

Точный ответ на вопрос «каково происхождение западноевропейских альпийцев?» дать пока что нельзя. Но мы можем быть уверены, что они существовали и до неолита, что их редуцированная величина свода и лица могла хотя бы частично иметь своей причиной смешение со средиземноморцами и что их круглоголовость была генетически весьма устойчивой чертой. В настоящее время самой разумной кажется теория сохранившихся типов верхнего палеолита, претерпевших некоторую редукцию в размерах головы и лица.

12. Неолитическая Скандинавия

Наш следующий шаг приведет нас во вторую область, где в наибольшей степени сохранилось население мезолита – в южную Скандинавию. Здесь неолитические культуры и техники появились поздно и сохранялись достаточно долго, чтобы достигнуть значительной сложности, процветая долгое время после того, как большая часть Европы стала широко использовать металл. Старая область Эртебелле в Дании и юго-западной Швеции стала местом плотного заселения успешными земледельцами и скотоводами, частично произошедшими от древних охотников и рыбаков, а частично от новых мигрантов, принесших новый образ жизни. Эта часть Скандинавии в суббореальный период, последовавший за литоринским и бывший свидетелем неолитического развития, в высшей степени подходила для земледелия и скотоводства, ибо теперь климат был суше, чем сейчас, а средняя годовая температура теплее на четыре градуса по Фаренгейту²²⁸.

Неолитические импульсы, наконец достигнувшие Скандинавии, вероятно, не ранее 2500 г. до н.э., появились в этом районе из более чем одного источника. Возможно, что дунайские влияния, переданные при помощи южнонемецких посредников, ощущались населением культуры эртебелле в самом начале, а культурные движения неолита проникли в Скандинавию непосредственно из южной России. Однако первое движение, которое можно проследить с определенностью, – это движение мегалитических иммигрантов. Они появились морским путем с юга и запада – вероятно, по большей части с Британских островов, хотя также возможно, что некоторые из них также появились из Бретани. Они принесли с собой не только обычай воздвижения впечатляющих погребальных памятников, но также и земледелие и скотоводство, которое, видимо, они внедрились первыми в качестве основного источника продовольствия, хотя неолитические техники могли проникать с востока и юга и до них.

Мегалитические завоеватели обнаружили стойкое оседлое население рыбаков и охотников, селившихся в основном на берегу, что, очевидно, не мешало им основывать свои хозяйства и торговые центры. Археологические находки, более того, заставляют считать, что аборигены не были изгнаны или уничтожены, а сохранились, составив значительный элемент в более позднем датском населении.

Формы обильных мегалитических памятников в сочетании с типами оружия обеспечивают нас шкалой неолитической хронологии. После периода с отсутствием гробниц, характеризующегося топорами на древках цилиндрической формы (round-poled axes), впервые строятся дольмены, за которыми идут гробницы с ходом под бретонским влиянием, принесенным через Голландию; и длинными курганами, принесенными как особая черта из Англии морем.

В поздней части периода дольменов и в начале эпохи гробниц с ходом Скандинавию с востока и юго-востока завоевала новая группа, возможно, первоначально привлеченная богатыми запасами янтаря в Ютландии. Это было так называемое население культуры боевых топоров, которые были нашими старыми знакомыми – шнуrowиками. Их путь лежал из Гольштейна через Шлезвиг в Ютландию, и только позднее они достигли Датского архипелага и Швеции. Придя из Германии, они вряд ли представляли собой чисто шнуrowой расовый тип: он стал менее чистым из-за смешения со своими предшественниками в Скандинавии – строителями мегалитов и населением культуры кухонных куч. Форма погребений

²²⁸ Shetelig, Falk, and Gordon, *Scandinavian Archaeology*, p. 53. Большая часть вводного материала вступления основана на этой книге.

получившегося сплава была каменной гробницей (цистой) – мегалитически-шнуровым ком-промиссом, с гробницами с ходом и одиночными могилами боевых топоров как прототипом.

В течение всего неолита почти вся Норвегия, как и центральная и северная Швеция, оставалась на стадии культуры, соответствующей собирательству, хотя неолитические топоры и другие объекты поступали с торговлей с юга. Не может быть особых сомнений в том, что в большой степени северные охотники были непосредственными потомками мезолитического, и следовательно, верхнепалеолитического населения. Многие черты их так называемой арктической культуры сохранились до недавних времен.

Без знания неолитических движений и их последовательности, тщательно исследованных скандинавскими археологами, и без предварительного изучения неолитической ситуации было бы трудно проинтерпретировать человеческие останки из Дании и Швеции, так как в расовом отношении это самая сложная и самая смешанная часть континента. Представление о Скандинавии как о родине чистой нордической расы или любой иной группы во время неолита является совершенно ложным.

Общее число неолитических черепов из Скандинавии более двух сотен²²⁹; из них почти три четверти происходит из Дании. Только один представляет Норвегию – это образец с тяжелыми костями, сильными надбровными дугами, мезоцефальным сводом, мезоринным носом и низкими орбитами; очевидно, это частично или полностью сохранившийся мезолитический тип.

Как в шведских, так и в датских сериях найдены два главных контрастирующих типа. Один имеет очень длинный, достаточно узкий череп умеренной высоты с выдающимся затылком, параллельными стенками, умеренными надбровными дугами, умеренно покатым лбом, который обычно весьма широк; умеренной верхней высотой лица в совокупности с небольшой шириной; и мезоконхными орбитами квадратной формы, опускающимися к внешним уголкам. Этот тип черепа, составляющий примерно 39% шведских серий и 5% датских, был рано распознан Фюрстом как двойник британской расы длинных курганов, которая чаще встречается в Британии в несмешанной форме. В датских могилах типа длинных курганов чисто британского типа форма черепа также идентична британской²³⁰. Большинство людей этого типа в неолитической Скандинавии, должно быть, появились морским путем – маршрутом, пролежавшим вокруг Британии; однако некоторые могли прийти и по суше из южной России во времена, предшествующие появлению шнуровиков.

Однако эта мегалитическая форма не является единственным длинноголовым типом, различимым среди скандинавского неолитического длинноголового населения; также часто встречаются отдельные черепа шнурового типа с более длинными и более высокими сводами. Средний рост 172 см у длинноголовых скелетов²³¹ показывает, что эти расовые типы были высокими – их рост выше, чем средние величины у длинных курганов из Англии или у шнуровых групп из Силезии и Богемии. Но это увеличение роста не может считаться признаком сильной примеси длинноголового населения палеолита у этого типа, ибо их размеры свода несравнимы, а лицо очень узкое – как и у мегалитических и шнуровых черепов повсюду.

К сожалению, невозможно проследить развитие этого длинноголового населения через различные типы и стадии неолитического культурного развития. Тип из дольменных могил и из гробниц с ходом в Дании был классифицирован вместе – и их можно сопоставлять только со скелетами поздних каменных могил. В обеих группах происходило сильное сме-

²²⁹ Главные источники: Fürst, C. M., Zur Kraniologie der Schwedischen Steinzeit; Nielsen, H. A., ANOH, 1905, 1911, 1915; Retzius A., Crania Suecica.

²³⁰ Пять черепов из датских длинных курганов.

²³¹ Формула Пирсона, M = 172,4 см. Цифра Нильсена, основанная на таблицах Мануври, – 173,4 см.

шение между длинно- и круглоголовыми формами: средний черепной указатель 77 в каждом случае указывает на среднее состояние. Так как брахицефальный элемент в каждой группе, вероятно, был одним и тем же, и, очевидно, был представлен в одинаковых количествах, можно с некоторой обоснованностью сравнить две эти группы. Черепа из каменных могил обладают более высоким сводом, более длинным и в общем большим лицом и более длинным носом, чем черепа строителей мегалитов. Во всех расходящихся параметрах черепа из каменных могил отличаются от своих мегалитических предшественников в направлении шнуровиков. Таким образом, мы приходим к выводу, что шнуровой расовый элемент сыграл ощутимую роль в формировании неолитического датского населения и не является просто набором отдельных образцов.

В Швеции из 22 мужских черепов, найденных в гробницах с ходом, только один брахицефален; по большей части представлен чистый тип длинных курганов²³². В поздних каменных могилах уже присутствует гораздо более сильный брахицефальный элемент. В общем, шведский материал сильнее принадлежит к двум крайним типам, чем датский (см. приложение I, кол. 18, 19). Сорок девять процентов шведских черепов рассматриваются как смешение длинно- и круглоголовых форм, в Дании же это количество составляет 87%. В Швеции круглые головы сконцентрированы в Сконе, в юго-западной части страны. В Дании они чаще всего встречаются на островах Зеландия, Лааланд и Фальстер. Длинноголовые формы особенно часто встречаются в центральной Швеции, в Ютландии и на островах Фюнел и Лангеланд. Таким образом, брахицефалия сконцентрирована в районе Копенгагена и особенно на островах, что, естественно, давало возможность хорошо сохраниться людям, добывающим свое пропитание из моря.

В любом случае кажется, что этот брахицефальный элемент в населении связан с доземледельческим населением культуры кухонных куч. Тем не менее, из нашего скудного списка мезолитических останков нам известно, что основным элементом этого времени, вероятно, был сохранившийся длинноголовый верхнепалеолитический европейский тип, похожий на тип Брюнн. В Дании и северной Германии к концу мезолита или началу неолита появляется множество больших брахицефальных черепов с квадратными челюстями. Большинство из них было приписано скорее к неолиту, чем к предыдущему периоду собирательства, в основном из-за осторожности. Таковы черепа из Киля, Пляу, Шпандау и других многочисленных мест раскопок²³³.

Каков бы ни был их возраст, они сильно напоминают безусловно неолитические брахицефальные черепа. Последние, в свою очередь, достаточно многочисленны для точной расовой оценки. Датские и шведские брахицефалы были высокими (средний рост 168,2 см²³⁴) людьми с тяжелыми костями. Их черепа большие, с высокими сводами и длиннее, чем большинство черепов с таким же указателем. Надбровные дуги обычно тяжелые, лоб часто покатый, лямбдовидная область уплощена часто, а затылочная реже. Лицо короткое и широкое; орбиты квадратные и относительно низкие; носовой скелет часто выдающийся; носовой указатель обычно лепторинный или мезоринный; нижняя челюсть тяжелая, широкая и угловатая. Видимо, не подлежит обсуждению вывод, что этот тип черепа состоит в близком родстве с типом, найденным в Офнете (Бавария) в мезолите; и что он по меньшей мере очень похож на брахицефалов верхнего палеолита из Афалу-бу-Руммель в Алжире, с которыми часто сравнивают черепа из Офнет. Отдельные скандинавские черепа можно сопоставить с черепами из Афалу.

²³² Fürst, op. cit.; Retzius, op. cit.

²³³ Aichel, O., Der deutsche Mensch; Clarke, J. G., The Mesolithic Age in Northern Europe; Kossinna, Gustav, Ursprung und Verbreitung der Germanen, MannusB, #6a, 1928.

²³⁴ Формула Пирсона, по таблицам Мануври 170,7 см.

Брахицефальные черепа часты в неолитических могилах центральной и южной Германии, где мы уже обнаружили, что они смешаны с длинноголовой разновидностью. То же самое верно и для Польши. На юго-западе датский брахицефальный тип, которого обычно называют по имени места раскопок Борребю, найден даже в Бельгии, где три черепа из Склайнё, возможно, являются его маргинальными представителями²³⁵. Так как более ничего не известно, невозможно определенно утверждать, был ли этот брахицефальный тип главным в периоде культуры кухонных куч Эртебелле или нет. Но наиболее разумным кажется предположить, что он присутствовал в южной Германии во время большей части мезолита и распространялся на запад и восток; и что однажды в позднем мезолите или начале неолита он проник в северную Германию и береговую зону от Бельгии до Дании и южной Швеции, где он пережил вторжения строителей мегалитов и шнуровиков и где он все еще присутствует и теперь.

Интересно то, что на всем протяжении Европейского континента, на котором неолитические завоеватели смешивались с предшествующим мезолитическим населением, от южной Франции до Швеции, проявилась какая-то форма брахицефалии. Этот северный тип борребю отличается от альпийского типа Франции, Швейцарии и Бельгии по многим признакам. Их своды выше, орбиты несколько ниже, лица больше, челюсти тяжелее. Тогда как французские черепа обычно сферообразные, многие из черепов борребю напоминают современные типы с плоским затылком по угловатости формы свода. Люди типа борребю, будучи хотя и ниже, чем их длинноголовые спутники, были достаточно высокими; альпийцы, будучи часто выше, чем борребю, были ниже северных долихоцефалов. Возникает искушение проинтерпретировать это различие частично в терминах этих типов, каждый из которых является смешанным: смешение мегалитического и шнурового типа с верхнепалеолитическим брахицефальным типом имело бы иной результат, нежели смешение дунайского или испанского типа с меньшими размерами с последним. В любом случае мы можем задать вопрос: что произошло с длинноголовым палеолитическим элементом, сопровождавшим брахицефалов как в Западной Европе, так и в Северной Африке?

Но эта проблема далека от своего решения. Мы установили присутствие брахицефалов в самых ранних неолитических уровнях в различных частях Западной Европы, в каждом случае в сочетании с сильным сохранившимся влиянием мезолита. Чтобы найти ответ, необходимо подождать дальнейших свидетельств из таинственного мезолита.

²³⁵ Virchow, R., AFA, vol. 6, 1873, pp. 85–118. В статье Вирхова в описании черепа № 3 допущена опечатка. Длина должна быть 175 мм, а ширина 151 мм.

13. Неолитические обитатели северных лесов

От Балтики до Урала тянется пояс лесов и болот, пересеченный многими реками, которые долго были убежищем первобытных охотников и рыболовов, в то время как степи на юге завоевывались удачливыми группами земледельцев и кочевников-скотоводов с раннего неолита до наших дней. Эта северная культурная заводь с точки зрения окружающей среды создает западное расширение огромных сибирских пространств тундры и тайги; с древних дославянских времен она была родиной различных финских племен, некоторые из которых вели на европейской земле жизнь, весьма похожую на жизнь сибирских остяков и вогулов недавних столетий.

Во время неолита в общеевропейском смысле жители этих лесов жили охотой и рыболовством, напоминая своих предшественников культуры маглемозе. Некоторые культурные инновации проникали на север из земледельческих земель, и среди них была керамика, украшенная образами гребней и другими отметками, что позволяет легко ее опознавать. В последние годы было много дискуссий об этой гребенчатой керамике, так как она была обнаружена в более или менее продолжительном поясе от Финляндии через Россию до Сибири, и далее в разнообразных точках области северных лесов Северной Америки вплоть до Атлантики. Быстро формируется школа, согласно которой этот тип является циркумполярным (околополюсным), северным, неземледельческим и связанным с охотниками и рыболовами всего севера. Внушительный список авторитетов археологии, включая Коссину, Айлио и Чайлда, полагает, что в Европе она связана с древним лесным финно-угорским населением, прямыми предками разнообразных финских групп современности²³⁶.

Скелетные свидетельства эпохи неолита из этого лесного пояса, хотя и не обильные, достаточны для того, чтобы продемонстрировать, что расовое однообразие не было характерно для этой обширной культурной провинции. Пятнадцать неолитических черепов с берегов озера Ладога²³⁷ почти поровну разделены между двумя типами: обычный южнорусский долихоцефал, вероятно, с крайней длинноголовостью, с узким лицом и носом, и мезоцефал, не имеющий финской внешности в современном смысле. Черепа последнего типа характеризуются низкими орбитами, короткими и широкими носами и лицами, которые как отдельные образцы превышают сопутствующую мозговую коробку по ширине. Форма лица и головы несет определенное влияние кроманьонского типа и действительно может указывать на происхождение от какой-то пока неоткрытой восточной верхнепалеолитической формы.

В Салис-Ройе (Salis Roje) в Ливонии в Рижском заливе другое собрание из тридцати одного неолитического черепа еще более разнообразно²³⁸. Оно включает в себя не только типы, присутствующие у озера Ладога, но также и брахицефальную форму короткого роста с длинным лицом, небольшим прогнатизмом, высокими орбитами и широким носом. Считается, что морфологически у этих черепов монголоидная внешность. Таким образом, это добавляет третий элемент в северное лесное население неолита.

Далее на восток у Волосово на берегу Оки суббрахицефальный череп из этого же культурного слоя, очевидно, входит в финноподобную ладожскую категорию²³⁹. Восточнее Уральских гор в Сибири собственно европейский характер людей культуры гребенчатой

²³⁶ Childe, V. G., *Adaptions to the Postglacial forest on the North Eurasiatic Plain*, в McCurdy, G. G., *Early Man*.

²³⁷ Bogdanov, A. P., 1882; из Saller, K., *AAZ*, 1925.

²³⁸ Virchow, R., *ZFE*, vol. 9, 1877, p. 412. Также см. Saller, K., *AAZ*, 1925.

²³⁹ Pavlov, A., *RAJ*, vol. 16, 1927, p. 56. Также см. Ouvarov, A. S., *Archaeologie de la Russie*.

керамики постепенно подходит к концу. Женский череп из Базайхи²⁴⁰ в Красноярском крае напоминает брахицефальный тип из Салис-Ройе, но у него узкий выступающий нос. Этот образец связывается с формой, типичной для современных тюрко-татарских женщин. Далее на восток мы встречаем гипербрахицефальный, совершенно монголоидный череп из Кокуя на Трансбайкальской железной дороге²⁴¹ и, кроме этого, протяженную и тщательно изученную неолитическую серию с озера Байкал, главный тип которой Дебек находит тождественным черепам современных тунгусов²⁴².

Подытоживая этот материал, мы не будем спорить с мнением занимающихся этой областью археологов, что охотники и рыболовы культуры гребенчатой керамики северной России и лесов на обеих сторонах были культурными предками по меньшей мере некоторых народов, говорящих на финно-угорских языках. Но расовый аспект проблемы далеко не прост: здесь присутствовали по меньшей мере три элемента – крайне длинноголовая средиземноморская форма с южными родственными связями; похожий на кроманьонца широколицый, низкоорбитный мезоцефал, ближе всего подходящий к современному финскому типу; и низкорослый брахицефал с длинным лицом и высокими орбитами, который в некоторых случаях по меньшей мере частично монголоиден. Как мы увидим позже, суббрахицефальный элемент в дунайском населении, вероятно, был связан с этими несредиземноморскими лесными типами.

²⁴⁰ Dus, AF, vol. 1, 1923, pp. 72–78. Также см. Saller, K., AAnz, 1925.

²⁴¹ Dus, *ibid.*; Saller, *ibid.*

²⁴² Debetz, G., RAJ, vol. 19, 1930, pp. 7–50.

14. Выводы

Это исследование белой расы в неолитические времена, потребовавшее обширного изучения большого количества скелетных останков и их места в пространстве, времени и культурах, привело к некоторому количеству определенных заключений, некоторые из которых являются последним выводом современной физической антропологии, а другие, по общему признанию, как предварительные, так и незамысловатые.

Неолитический образ жизни радикально отличается от палеолитического и мезолитического, так как он включает производство пищи при помощи земледелия и скотоводства. Сами эти растения и животные происходят не из Европы, а по большей части из Западной Азии. Неолитическая цивилизация, вероятно, зародилась в Египте, Месопотамии и, возможно, в долине Инда к 5000 г. до н.э. Люди, открывшие или изобретшие это управление природой, вероятно, принадлежали к сапиентной ветви белой расы в широком смысле, включая группу долихо- и мезоцефальных типов, которые не составляли часть более специализированной европейской и североафриканской верхнепалеолитической группы, хотя они были тесно связаны с такими генерализованными формами, как Галлей-Хилл и Комб-Капель.

Члены этой большой расовой группы завоевали Европу с нескольких направлений, начиная с конца IV тысячелетия до н.э. Их главными путями были маршруты из Северной Африки в Испанию, из Средиземноморья в Западную Европу по морю, через южнорусские равнины и до долины Дуная. Дунайская миграция могла питаться потоками с Северного Причерноморья, из Анатолии через Босфор, из южной Анатолии и областей далее на юг и восток через Грецию или некоторым сочетанием этих трех путей. Точный источник или источники дунайской миграции остаются загадкой. Другой путь был маршрутом в Грецию и Италию с востока по морю.

Завоевателей можно разделить на некоторое количество подтипов. Во-первых, существует основное разделение на низкорослую, недифференцированную по полу и часто мезоцефальную разновидность с относительно небольшими головами, которая лучше всего подходит к особенностям средиземноморской расы в наиболее часто используемом смысле этого термина. К этому типу в основном, если не полностью, принадлежали три группы носителей неолитической культуры: дунайцы; земледельцы и свиноводы, переселившиеся на запад вдоль плодородных прибрежных областей северной Африки и далее в Испанию, а оттуда на север во Францию и Швейцарию; и перебравшиеся по морю поселенцы в Италии, и, возможно, также и Греции. Дунайцы отличаются особенно высоким сводом черепа и высоким носовым указателем; западная ветвь – более низким сводом и более узким носом. К последнему классу принадлежали также и древние египтяне.

Другая часть неолитической средиземноморской расы отмечена высоким ростом и более долихоцефальной формой черепа. Этот вариант обнаружен в Восточной Африке; он также был частым в древней Месопотамии и Иране, в то время как египтяне принадлежали скорее к малому средиземноморскому варианту. Эта высокая, более длинноголовая часть расы имеет более длинное лицо, более узкий нос, и менее хрупкая по костной структуре, чем другая. Также кажется, что она ближе к таким возможным палеолитическим прототипам, как Галлей-Хилл и Комб-Капель.

Эту высокую ветвь также можно разделить. Одна подветвь, с умеренными высотами свода и лица, по всей вероятности, путешествовала по морю с Восточного Средиземноморья к Гибралтару, вокруг Испании и до западной Франции, Британии и Скандинавии. В последних двух странах, и особенно на Британских островах, она составила значительный элемент местного населения. Найти прототип этой мегалитической группы нелегко: кажется, очень близки к ней метрически некоторые месопотамцы, а также некоторые восточноафриканцы.

Позднее мы найдем свидетельство о ней на берегах Черного моря. На данный момент мы можем утверждать только то, что она появилась из пока что неидентифицированной части юго-западной Азии, юго-восточной Европы или северо-восточной Африки.

Другая подветвь, которая характеризуется крайне высоким черепным сводом и очень длинным лицом и носом, двигалась на запад с равнин южной России и Польши в Центральную и Западную Европу. Члены этой группы, связываемые с культурой шнуровой керамики, сыграли свою роль в неолитической истории, отличную от дунайской. Они были не крестьянами, а торговцами и, предположительно, воинами. Их пунктом назначения стала южная и центральная Германия, особенно Саксония и Тюрингия, а также южная Скандинавия. В их позднем центре в Рейнланде им было суждено сыграть важную роль в последующей предыстории эпохи металлов.

Неолитическое население Европы состояло не только из этих только что описанных разнообразных завоевателей, хотя они, возможно, составляли более многочисленный элемент. На западной и северной периферии, далеко от путей расселения, сохранилось население мезолитической и даже палеолитической традиции. В Испании, Португалии и Италии небольшие средиземноморские типы донеолитического или раннеолитического периода вполне могли смешиваться с завоевателями в больших количествах, но так как эти два элемента были сильно похожи, невозможно определить их пропорции.

Во Франции, Швейцарии и Бельгии значительное сохранение мезолитических культурных элементов в неолите сопровождалось значительным увеличением брахицефального элемента, несомненно, связанного с современной альпийской расой и в какой-то мере являющегося ее предком. Далее на севере от Бельгии до Швеции, и особенно на Датском архипелаге, при схожих обстоятельствах сохранения культуры обнаруживается многочисленный брахицефальный элемент, названный типом борребю, который несколько отличается от праальпийской формы на юге. Северные брахицефалы имели больший размер головы и определенно более высокий свод и более широкое лицо; у них был более высокий рост, тяжелее кости конечностей и во многих случаях тяжелые надбровные дуги, широкие челюсти и низкие орбиты. Форма черепа иногда угловатая, в то время как у альпийцев она, вероятно, чаще сферическая, хотя это различие неверно для всех отдельных образцов и поэтому его нельзя переоценивать.

Как альпийский тип, так и тип борребю демонстрируют значительное совпадение с несколькими известными брахицефальными образцами верхнепалеолитических черепов. Тип борребю особенно напоминает черепа из Афалу-бу-Руммель в Алжире. Оба также напоминают мезолитические черепа из Офнета из Баварии. Не может быть особых сомнений, что брахицефал в Западной Европе не был неолитическим пришельцем, а сохранился со времен мезолита. Возможно, что эти два типа развились из палеолитического населения в процессе, включавшем исчезновение или поглощение обычного длинноголового и численно более значительного элемента. Также возможно, что они появились в Европе в мезолите из одного или нескольких неизвестных источников. Мезолит пока еще настолько слабо известен в расовом смысле, что почти любые движения могли пройти незамеченными.

Во время всего неолита Северная Британия, части Ирландии, Норвегия и север Швеции составили область изоляции, в которую идеи и продукты цивилизации проникали постепенно и только частично. В настоящее время нам неизвестно, чтобы палеолитический человек уже обозначил свое присутствие в этих районах во время мезолита и сохранился в них во время неолита, но более поздние свидетельства сделают это предположение разумным.

Леса Северной Европы к востоку от Скандинавии были населены охотниками и рыбаками, составлявшими часть общей приполярной культурной группы, которая, вероятно, простиралась с небольшими техническими изменениями через Сибирь до Тихого океана и могла повлиять на Северную Америку. В европейском и западносибирском сегментах этого

по мнению авторитетных ученых на культурных основаниях таково, что неолитические жители были прямыми физическими, хотя и не обязательно языковыми, предками некоторого элемента в современных финно-угорских народах. Скелетные останки из этого региона, хотя и немногочисленные, тем не менее демонстрируют присутствие по меньшей мере трех отдельных типов: вероятно, шнурового варианта средиземноморского типа, палеолитического по виду мезоцефала с низкими орбитами и широким лицом, напоминающего частый среди современных финнов тип, и зачаточный или частично монголоидный брахицефал, с высокими орбитами, длинным лицом и выступающим носом, напоминающего определенных современных тюрок Средней Азии.

Таким образом, расовая история Европы в неолите является вопросом баланса между новыми расовыми потоками относительно единообразного типа, исходящими с юга и востока, и более древними остаточными элементами, которые сохранились или претерпели смещение на западе и севере. Она опять демонстрирует пограничный характер Европы как в расовом, так и в культурном смысле и необходимость лучшего изучения расового состава Азии и Африки, если мы хотим понять наше происхождение.

Глава пятая Бронзовый век

1. Введение

Разделительную линию между неолитом и эпохой металлов трудно провести: она по своей основе искусственна. Внедрение в Европе меди и бронзы, как и любых других материалов, было постепенным процессом. На большей части континента использование этого нового вещества впервые привилось у оседлого земледельческого населения, и поэтому предполагается, что бронзовый век был периодом распространения культурных элементов, но при этом также и временем расовой стабильности. Это предположение истинно только наполовину. В областях высокой цивилизации, в которых впервые было отмечено использование металла – Месопотамии и Египте – в долинах, которые были густо заселены и хорошо обустроены, непрерывность местных ветвей средиземноморской расы оставалась вполне постоянной. Но мы сейчас увидим, что это ни в коем случае не является истиной для земель, лежащих на севере и западе.

Бронзовый век был периодом этнической сложности. Он является единым только в общем использовании одного металлического сплава некоторыми народами, получившими технологию производства орудий труда, оружия, сосудов и орнаментов из земель древнейших цивилизаций. На протяжении этого времени в составе населения происходили большие изменения – если не такие же, как в неолите, то по меньшей мере сравнимые с ними.

На Востоке, где бронза появилась рано, а железо – поздно, бронзовый век длился пятнадцать столетий или более того. В Месопотамии и Египте расцвет высокой цивилизации произошел именно в бронзовом веке. К тому времени, когда в обиход вошли более твердые металлы, высшие культурные уровни были уже давно достигнуты, и эти две долины утратили свое культурное лидерство.

Однако в Европе бронза процветала во многих районах, но только в коротком промежутке в несколько столетий между камнем и железом. Бронзовый век длился долго только на дальней периферии, как в Британии, где железо появилось поздно. Здесь, как в Месопотамии и Египте, он длился почти пятнадцать столетий; но эти два равных промежутка времени едва ли перекрывались. Неолитический ребенок в Дании мог иметь отца из бронзового века; таким же образом ребенок бронзового века в Британии мог родиться у кельта, искусного в использовании железа и посетившего западные острова раньше своего народа.

Большинство авторов разделяют медный век и бронзовый век. Как в Месопотамии, так и в Египте существовал экспериментальный период до использования олова как сплава и были известны необходимые пропорции этих двух металлов. В эти древние дни медь распространяется на север и на запад, и многие образцы оружия и орнаментов Западной Европы в этот так называемый халколитический или энеолитический период (медный век) напоминают древнеегипетские или шумерские формы. Самые древние вещи из меди и бронзы проникали в дальние и варварские районы с торговцами, и их могли приобретать только те, у кого было что предложить взамен. Энеолитический итальянец или испанец мог с таким же успехом создать металлический нож, как современный араб – пулемет. Однако в собственно бронзовом веке импортированные бруски отливались на месте в желаемую форму, и в каждой деревне был свой кузнец.

В неолите земледелец или скотовод мог сам создавать большинство своих орудий и сосудов, которые ему были нужны, из местных материалов. Торговля велась в большей сте-

пени предметами роскоши типа раковин, нежели предметами первой необходимости. Но в бронзовый век торговля стала затрагивать всех, ибо металл, из которого делались обыденные орудия труда и оружие, находился только в относительно немногих местах. Медь привозили из Испании, Карпатского региона и Кавказа. Олово было найдено в Богемии, Корнуолле и опять же в Испании. Неизбежно возникла обширная торговля, связавшая воедино продукцию этих добывающих регионов.

Чтобы обладать вещами из бронзы, европейцам нужны были ценные товары, которые можно было предложить взамен. На севере это был конечно же янтарь. Главный янтарный путь шел из Дании в Саксонию и Тюрингию, в Богемию, на реку Инн в Австрии; и по перевалу Бреннер к реке По. Люди в Богемии были посредниками, покупая янтарь у датчан на золото, которое они получали из Трансильвании в обмен на олово. Таким образом, даже в бронзовом веке европейская культура опиралась на основу взаимного обмена местными продуктами.

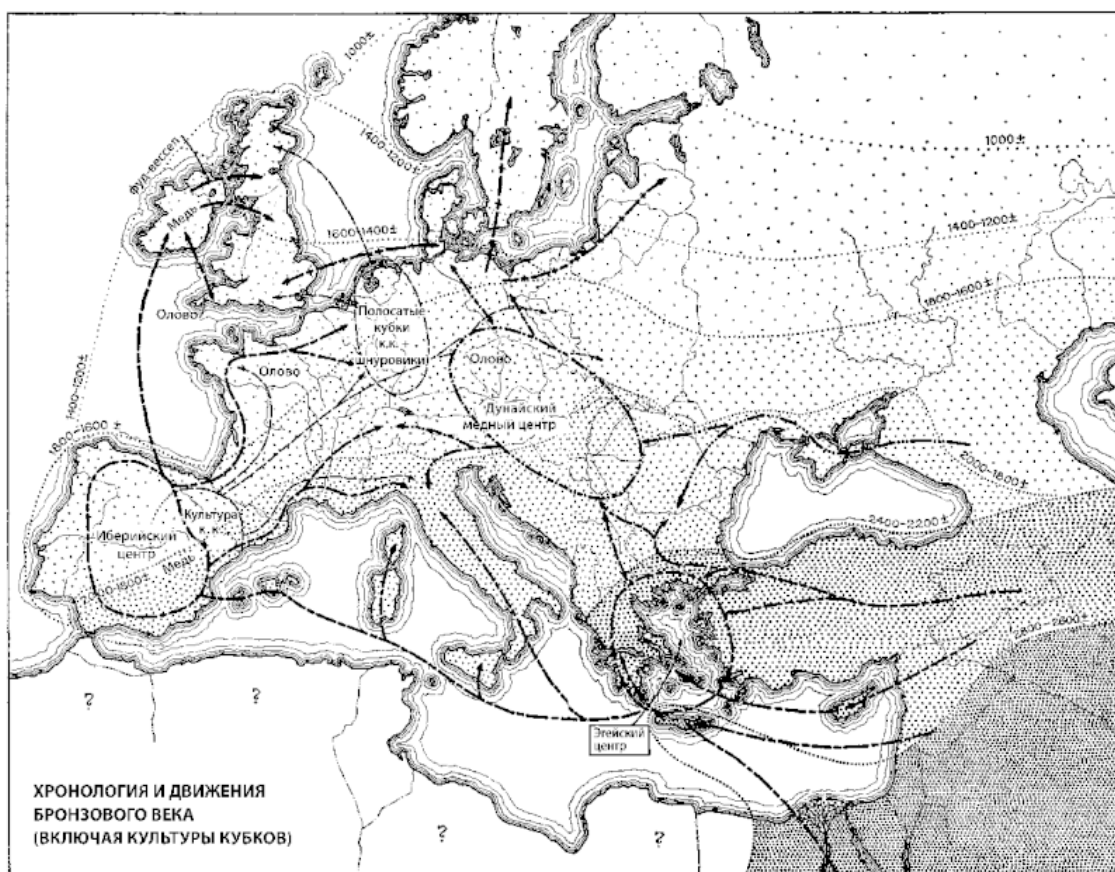
Этот обширный поток материальных предметов должен был подразумевать значительные путешествия части большого класса торговцев. Подобные путешествия неизбежно означали в какой-то степени и обмен населением. Чайлд полагает, что самые древние предметы бронзового века были созданы ремесленниками, мигрировавшими из южной России или Малой Азии, которые создавали небольшие колонии в варварских европейских поселениях.

Неолитический период в большей части Европы проходил в дождливой, теплой климатической эпохе, когда большая часть континента была покрыта лесами, и это изобилие растительности затрудняло миграции и развитие пастушеского кочевничества. Однако во время бронзового века суббореальный климат²⁴³, который затем стал господствующим, был более континентальным и сухим, и области, которые ранее были лесами, стали лугами или во многих случаях открытыми степями.

Во многих областях североευропейской равнины засуха могла быть достаточной, чтобы отвратить некоторые народы от земледелия и заставить их полностью положиться на свои стада, таким образом изменив свой образ жизни с земледелия на пастушеское кочевничество. Засухи такого вида также порождали племенные миграции, и политические беспорядки в Месопотамии и Анатолии в начале II тысячелетия до н.э. указывают на широкое распространение таких движений по экономическим причинам.

Карта 3. Движения бронзового века и их хронология

²⁴³ Большая часть неолита Скандинавии, где бронза появилась поздно, также попала в суббореальный период.

Примерно в середине бронзового века мы находим первое определенное свидетельство одомашнивания лошади как транспортного животного. Используя лошадь кочевники завоевали Месопотамию и принесли с собой вавилонские темные века. Другие – гиксосы – появились в Египте, где они сначала завоевали дельту, а затем получили контроль над всем царством. В отсутствие определенной информации предполагают, что эти вторжения были косвенным результатом засухи на севере, где степи стали слишком сухими для пахоты и прежние земледельцы обратились к пастушескому кочевому образу жизни.

Хотя все движения по восточноевропейской равнине ни в коем случае не были направлены на запад, позднее можно обнаружить параллели миграциям бронзового века, принесшим гиксосов в Египет, хеттов в Малую Азию, а других варваров в Месопотамию. Западные миграции скифов, гуннов, тюрков и монголов были просто событиями одной последовательности, которая могла начаться задолго до времени Геродота.

Однако не все движения бронзового века происходили по суше. Искатели металлов из восточного Средиземноморья следовали за строителями мегалитов по их морскому пути от Эгейского моря до Итальянских островов, и далее в Испанию и вокруг Гибралтара в Британию и на север. Во время позднего бронзового века движения народов можно проследить археологически, но их расовая интерпретация затруднена применением практики кремации, уничтожавшей свидетельства, необходимые физическим антропологам.

2. Бронзовый век в Западной Азии

Эпоха металлов началась в Египте и Месопотамии в начале IV тысячелетия до н.э., распространившись к 3000 г. до н.э. на Эгейские острова и в Анатолию. Вероятно, Крит испытал влияние эпохи металлов из Палестины и Египта раньше, чем основная часть Анатолии. Другим древним центром был Кипр, само название которого означает «медь». Народы Малой Азии, Кипра, Крита и Эгейских островов сыграли важную роль в проникновении древней культуры эпохи металлов на запад вдоль Средиземного моря и на северо-запад до Дуная, перенося импульсы, возникшие в Египте и Шумере.

Давайте сначала изучим скелетный материал бронзового века в Малой Азии. Пока что весь он происходит из двух мест – Алишар-Гуюк, который в более поздний период стал хеттским городом, и Гиссарлик, седьмой уровень которого был гомеровской Троей. В бронзовом веке они оба были важными центрами. В Алишаре были изучены 53 черепа из семи археологических периодов в диапазоне от самого раннего медного века, датируемого промежутком между 2600 и 2300 гг. до н.э., до османского завоевания²⁴⁴.

Десять черепов древнейшего периода (два «халколитических», восемь медного века) однозначно дунайские по типу – как метрически, так и морфологически. Небольшая, с высоким сводом, в чем-то инфантильная долихо- и мезоцефальная форма, с небольшим лицом и носом от мезоринного до хамеринного не отличается от примерно такого же типа из Анау, из Мариуполя в Киевской губернии и из долины Дуная, связанного с неолитическими культурами. Два других черепа, более длинные, могут принадлежать к мегалитическому или шнуровому типу. Следовательно, мы видим единство древних производителей на обеих сторонах Кавказа и Черного моря. С расовой точки зрения дунайцы могли появиться в Центральной Европе или из южной России, или из Анатолии, или из обоих источников.

Во втором и третьем периоде Алишара, датируемых периодом между 2300 и 1500 гг. до н.э. и названных ранним бронзовым веком, появляются брахицефальные черепа. Они сохраняются весь период Хеттского царства – несколько столетий после 1500 г. до н.э. Эти черепа большие, с низким сводом, только умеренно брахицефальные, с ламбдовидным уплощением и умеренными надбровными дугами. Их лица средней длины и узкие, хотя несколько шире, чем у более древнего дунайского типа. Рост одного мужчины был большим – 174 см²⁴⁵.

Не все черепа Хеттского царства являются брахицефальными. Длинноголовый тип, видимо, вытеснивший брахицефалов ко времени фригийского вторжения, имеет как более длинный, так и более низкий свод по сравнению с дунайским типом медного века; он характеризуется сильно выступающими носовыми костями типично ближневосточной формы с небольшим углублением в области переносья. Барельефы исторических хеттов воспроизводят этот тип внешности с орлиным носом и широкими глазами.

Вероятно, последовательность расовых типов в Малой Азии во время эпохи металлов такова: древнейшие производители были такими же, как и в западном Туркестане и южной России. Последние, вероятно, появились в более древние времена из высокогорного пояса, часть которого составляет Анатолия. Незадолго до 2000 г. до н.э. из еще не установленных областей в Анатолии появляется умеренно брахицефальный тип с высоким ростом. За ним последовала средиземноморская форма с низким сводом и орлиным носом, хорошо извест-

²⁴⁴ Kansu, Shevket Aziz, TAM, vol. 6, #10, 1930, pp. 25–30; *ibid.*, vol. 10, #15–16, 1934 pp. 105 seq.; BTTK, vol. 1, #1, 1937, pp. 192–202; Krogman, W. M., POIC, #20, 1933, app. #4, pp. 123–138; Cranial Types from Alishar Hüyük, в H. H. von der Osten, The Alishar Hüyük, POIC, #30, Chicago, 1937, Part IV, pp. 213–293.

²⁴⁵ Kansu, Shevket Aziz, 1937, скелет № 3.

ная на современном Ближнем Востоке. Очевидно, настоящие арменоиды или динарцы нечасто встречались в древние времена.

В III тысячелетии до н.э. Троя, расположенная в стратегически важном месте на восточном берегу Босфора, выросла из деревни в город и стала важнейшим центром распространения культуры бронзового века на север и запад, особенно в долину Дуная. Троя II, первый настоящий город, стоял на протяжении большей части III тысячелетия и был разрушен вскоре после 2000 г. до н.э. Череп молодой женщины с этого уровня²⁴⁶, видимо, представляет собой такой же брахицефальный тип, как и найденный в Алишаре, с которым, очевидно, они были современниками.

Если в то время ремесленники и иммигранты пересекали Босфор, неся технику обработки металла в Центральную Европу, то, следовательно, можно предположить, что некоторые из немногочисленных круглоголовых людей, найденных на Балканах, которые потом появились в Европе с востока, происходили из этой области.

К концу II тысячелетия был построен Илион, который светловолосые ахейцы позднее сотрут с лица земли. Поселения между значительным городом III тысячелетия и городом гомеровских героев были только небольшими деревнями. Троя III (последовательность Шлимана), существовавшая в I в. II тысячелетия и, возможно, позднее, дала два мужских и один женский череп²⁴⁷. Эта троица принадлежит к одному типу – большому долихоцефальному со сводом от низкого до среднего и с лицом умеренного размера. В общем, они напоминают «евроафриканский» тип, господствовавший в то же время в Месопотамии, а также неолитические формы длинных курганов или строителей мегалитов. В гомеровской Трое, полностью принадлежащей к бронзовому веку, скелетов не обнаружено.

Рис. 26. Хетт. По Schäfer, H., and Andrac, W., *Die Kunst des alien Orients*, 1925, p. 554.

В Палестине в городе Мегиддо обнаружены 27 черепов с уровня медного века, или халколита, датируемые до 3000 г. до н.э., и еще пять из следующего за ними горизонта раннего бронзового века, длившегося примерно до 2600 г. до н.э.²⁴⁸

Череп из обоих уровней принадлежат небольшим долихоцефалам средиземноморского типа; они хрупкие и женоподобные по виду, а разделение по полу затруднительно. Нос выступающий, с высоким корнем, который часто выступает из надпереносья без углубления в области переносья. Тем не менее, во многих случаях выпуклой формой лба над надпереносьем создается разрыв в боковом профиле. Развитие затылка сильное, а прогнатизм встречается часто.

Высоконосый каппадокийский элемент, обнаруживаемый в Алишар-Гуюке со времен Хеттского царства, таким образом, в этот период господствовал по крайней мере в одном значительном городе Палестины. Четыре черепа из бронзового века, по два соответственно из горы Оливес и Айн-Джебул, можно включить в ту же категорию²⁴⁹. Однако в Палестине бронзового века в пещере Умм-Кватафа в Вади-Хрейтум обнаружен один брахицефальный череп²⁵⁰. Он принадлежал молодому человеку, видимо, мужского пола, с плоским лбом,

²⁴⁶ Schliemann, H., *Ilios, City and Country of the Trojans*, pp. 270–272.

²⁴⁷ Schliemann, H., *op. cit.*, 509–512.

²⁴⁸ Engberg, R. M., and Shipton, G. M., *Notes on the Chalcolithic and Early Bronze Age Pottery of Megiddo*, pp. 44–46.

²⁴⁹ Henckel, K. O., *ZFMA*, vol. 28, 1930, pp. 238–243.

²⁵⁰ Neuville, R., and Boureau, R., *BSAP*, ser. 8, vol. 1, 1930, pp. 33–36.

небольшими надбровными дугами и плоским затылком. Вместе с ним находился большой долихоцефал, обладавший прогнатизмом. Они не были похоронены в могиле, а оказались в ловушке из-за падения скалы.

Возвращаясь в Мегиддо, мы знаем, что «череп периода гиксосов и погребения позднего бронзового века заметно отличаются от образцов раннего бронзового века и халколита и вместе, видимо, составляют другую большую физическую группу»²⁵¹. Черты этой группы без дополнительной информации установить невозможно. Но у нас есть еще один показатель расовых типов Ближнего Востока бронзового века – это картинки на египетских памятниках, которые практически без исключения изображают западных азиатов как белокожих, бородатых и обладающих орлиным носом. Некоторые из них светловолосые, но большинство – брюнеты.

Следующая серия черепов бронзового века Ближнего Востока происходит с Кипра. Культура бронзового века, процветавшая на этом острове, делится на три периода: ранний (3000–2100 гг. до н.э.), средний (2100–1600 гг. до н.э.) и поздний (1600–1000 гг. до н.э.)²⁵². Черепа из раннего периода включают два брахицефальных экземпляра, слишком фрагментарных для дальнейшего исследования, и один мезоцефальный экземпляр с высоким сводом. В объединенных раннем и среднем периодах было изучено 20 черепов. Из них 40%, большинство из среднего периода, являются брахицефальными²⁵³ (см. приложение I, кол. 20). Население было отчетливо смешанным: его составляющими были брахицефальный элемент и длинноголовый хеттоподобный элемент с орлиным носом. В позднем периоде 70% из 47 черепов были брахицефальными. Круглоголовый элемент явно увеличивался во время бронзового века, и он мог начать появляться на острове между 3000 и 2100 гг. до н.э. Судя по свидетельствам из Малой Азии и Палестины, можно предположить, что это происходило ближе к последней, чем к первой дате. В конце бронзового века использовавшие железо завоеватели заново утвердили долихоцефалию.

Длинноголовый элемент в бронзовом веке Кипра принадлежал, очевидно, к типичному каппадокийскому или ближневосточному средиземноморскому типу. В позднекипрский период, во время господства брахицефалии, при помощи искусственной деформации делались попытки удлинить форму головы, создавая так называемый «хеттский» стиль деформации. Таким образом была деформирована голова Эхнатона в Египте, как и головы двух его дочерей.

Круглоголовый элемент на Кипре, который кажется идентичным с алишарским, достаточно многочисленный, чтобы оправдать статистические сравнения. Фюрст называет эти черепа арменоидными. Они сильно напоминают армян железного века и современности по размеру и пропорциям свода, но лица и носы киприотов меньше как по длине, так и по ширине. В то же время они напоминают современных альпийцев, хотя их лица уже. Объединение древних брахицефалов Западной Европы и Северной Африки, включающее черепа типов Афалу, Офнет и Борребю, существенно отличается от них, будучи намного больше по размерам свода и в лицевых размерах. У киприотов явно нет тяжелой нижней челюсти брахицефалов Западной Европы.

В современной расовой схеме киприоты попадают в брахицефальную группу с умеренным сводом, включающую альпийцев, арменоидов и динарцев; самая заметная их черта – это небольшое узкое лицо, отмеченное легкой челюстью. Они больше похожи на современных динарцев, чем на кого-либо другого, так как они отличаются от арменоидного стандарта

²⁵¹ Engberg and Shipton, p. 46.

²⁵² Fürst, C. M., *LUA*, N. F. Bd. 29/6, 1933.

²⁵³ 3 эурикранных и 2 мезокранных черепа Фюрста и 15 эурикранных и мезокранных черепов Бакстона См. Fürst, *op. cit.*; Buxton, L. D., *JRAI*, 1920, vol. 50, pp. 183–235; Massari, C., *APA*, vol. 59, 1929, pp. 65–75.

так же, как и современные албанцы. Их рост²⁵⁴ большой, как и у современных динарцев, а длинные кости тонкие. Таким образом, брахицефалы, проникнувшие в анатолийско-восточносредиземноморский регион в конце III тысячелетия до н.э., были древней формой динарцев, как, вероятно, таковыми являлись и так называемые «арменоиды», появившиеся в Месопотамии в то же время. Здесь мы впервые сталкиваемся с динарской расой. Ее появление в Западной Азии кажется достаточно неожиданным, но оно, возможно, было результатом постепенного развития, за которым последовал исход с места, для которого она была типичной. Где это могло происходить, до сих пор неизвестно.

ТИПЫ ЛИЦА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ КИПРА

Рис. 27

Рис. 28

Gjerstadt, J.; Lindros, J.; Sjöqvist, E.; Westholm, A.; Swedish Cyprus Expedition, Stockholm, 1935. Vol. II, plates CCXVI and CLXXXIX.

Тем не менее, большое число предположений можно отбросить. Эта раса появилась не из Египта и не из Месопотамии, а также не из северных степей, занятых долихоцефалами. Место ее происхождения, вероятно, находилось не так далеко от Кипра. Несмотря на свидетельства из Анатолии, она могла развиваться где-нибудь в высокогорьях Малой Азии или горах Сирии, так как сегодня она особенно многочисленна в обоих этих местах.

По-видимому, она не могла представлять нередуцированный и несмешанный верхнепалеолитический тип. Ей недостает размера свода, ширины лица и низких орбит, которые характерны для всех таких групп. По форме и величине лица и носа она напоминает общие средиземноморские типы Малой Азии, Месопотамии и ирано-афганского нагорья. Следовательно, она могла быть местной специализированной ближневосточной формой, брахицефализированной посредством какого-то агента и механизма, который мы объясним ниже²⁵⁵. Из своей точки рассеивания на восточном конце Средиземноморья она распространилась по морю в далекие страны.

²⁵⁴ Средний рост 13 мужчин – 168 см.

²⁵⁵ Биологический статус и происхождение динарской расы будут объяснены в главах о современных расах, особенно в главе VIII, разделе 6, и главе XII, разделах 11, 12 и 17.

3. Минойцы

Самая древняя считающаяся частью Европы страна, получившая металл, – это Крит. Здесь минойская цивилизация бронзового века началась за столетие или два до 3000 г. до н.э. В древние времена Крит был занят неолитическими народами, от которых, к сожалению, не осталось физических следов. Эпоха металлов началась вместе с иммигрантами с двух направлений – из египетской дельты, примерно в то время, когда Менес расширял свою власть на север, и с азиатского континента – по-видимому, из Палестины. Критская техника работы с металлом была скорее азиатской, чем египетской²⁵⁶.

Хотя неолитические останки отсутствуют, минойская эпоха представлена сотней и более черепов и меньшим числом длинных костей²⁵⁷, так же как и значительным корпусом очень реалистичных фресок и скульптур.

Критские черепа, найденные на различных местах острова, принадлежат к весьма однородному типу: это малый средиземноморский тип со средним черепным указателем около 72. Метрически они совершенно совпадают с большим числом египетских собраний из додинастической Накады до Среднего царства. В общем эти критские черепа немного меньше, с несколько более короткими лицами; они менее лепторинны, чем большинство черепов из Алишара и черепов раннего бронзового века из Палестины. Средний тип составлял нечто среднее между дунайским, каппадокийским и египетским.

Длинные кости свидетельствуют, что это была низкорослая разновидность средиземноморской расы: средние величины роста колеблются от 156 до 162 см. Следовательно, критяне были меньшего роста, чем египтяне, а также с более низкими лицами. Строение тела критян известно из фресок и скульптур – местный идеал узкой талии и жилистой, легкой, но сильной мускулатуры, так часто демонстрируемый в минойском искусстве, в большой степени должен был быть основан на реальности. Тем не менее, было и меньшинство с широкими костями и (у женщин) большой грудью²⁵⁸: это отклонение от обычной средиземноморской формы также наблюдалось в Египте и не обязательно означает присутствие чуждой расы.

Минойцы были преимущественно темноглазыми брюнетами, но в позднеминойские времена среди них были известны и светлые волосы, хотя, очевидно, таковые встречались нечасто²⁵⁹. Их кожа представлена минойскими художниками как имеющая цвет красной обожженной глины у мужчин и белая у женщин. Это показывает преувеличенное различие между домашним и уличным образом жизни и снова отражает египетское влияние. Однако египтяне редко раскрашивали настенные изображения своих женщин чисто белым цветом: за исключением богинь и таких смертных, как Хетеп Херес II, обычным цветом был розовато-желтый.

Черты лица критян, если не принимать во внимание условности художников, были чисто средиземноморскими – ясно видны прямой выступающий нос с высоким корнем, гладкий профиль лба и легкость нижней челюсти. Волосы волнистые или слегка кудрявые, а борода, обычно сбрита, очевидно, росла слабо. Расовый тип, который может обозначать альпийский элемент, похожий на найденный в Греции (см. следующий раздел), виден

²⁵⁶ Childe, V. C., *The Bronze Age*, pp. 19–20.

²⁵⁷ Evans, Sir A., *Palace of Minos at Knossos*, vol. 1, pp. 7–13; Duckworth, W. L. H., *ARBS*, vol. 9, 1902–03, pp. 344–355; Hawes, C. H., and H. B., *Crete, the Forerunner of Greece*, pp. 23–26; Luschan, E. von, *ZFE*, vol. 45, 1913, pp. 307–393; Rosinski, B., *Kosmos*, vol. 50, 1925, pp. 584–637; Sergi, C., *AJA*, second ser., vol. 5, 1901, pp. 315–318.

²⁵⁸ Myres, J. L., *Who Were The Greeks?* pp. 74–76.

²⁵⁹ Myres, J. L., *op. cit.*, pp. 198–199.

в широколицей форме, связанной с латеральным телосложением и иногда с курносостью. Хотя физический тип критян несколько изменился со времен упадка минойской державы, нам все еще знакомы черты счастливых, атлетически сложенных людей, показанных на фресках Кносса, и хмурый взгляд из-под бровей поглощенной мыслями змеиной богини, так как они отражают общее наследие средиземноморской расы повсюду.

Большинство из ранних минойских черепов принадлежат к только что описанному средиземноморскому типу, что демонстрирует смешение между обычным неолитическим типом и выпуклоносый типом, господствующим на Ближнем Востоке. В некоторых местах, как в Агиос Николас и Патеме, население было чисто средиземноморским. В других же встречаются некоторые брахицефальные образцы, и они, очевидно, принадлежат к типу, найденному на Кипре.

В более поздние минойские периоды брахицефалов становится больше, но они всегда оставались меньшинством среди населения, – вероятно, не более одной шестой части. Так как 70% населения Кипра могли принадлежать к этому типу, то критяне, вероятно, остались относительно чистыми от восточной примеси после первоначального основания своей национальной культуры и державы. Как и сегодня, во время дорийского завоевания критяне были по преимуществу средиземноморцами.

К концу раннего минойского периода примерно около 2100 г. до н.э. Крит попал под сильное кикладское воздействие, и возможно, что некоторые из черепов среднего и позднего периода необычного размера, соответствующие мегалитическому типу, могут быть результатом этого движения. Современное население Крита в основном принадлежит к высокому средиземноморскому типу, который мог частично предшествовать дорийскому нашествию²⁶⁰.

²⁶⁰ Наши данные, на которых основано предположение, что все критяне имели низкий рост, немногочисленные. Филистимляне – по-видимому, родственники критян в Палестине – считаются высокими, в то время как некоторые микенцы в Греции были большого роста.

4. Греки

Вопрос о происхождении греков долгое время был неразрешимой загадкой. Столетиями до развития археологии как научной дисциплины история начиналась с Геродота, а Гомер был окошком, позволяющим соблазнительные взгляды на самое отдаленное прошлое. Однако в последние годы после лингвистических и исторических исследований Майрса²⁶¹ и публикации описаний скелетного материала Фюрстом и Кумарисом был достигнут большой прогресс в решении этой проблемы.

Историческую реконструкцию можно кратко суммировать следующим образом: во время неолита Греция была культурно связана с Северной Африкой и остальным Средиземноморьем. Единственный известный череп принадлежит к обычному средиземноморскому расовому типу. В начале эпохи металлов иммигранты с Кикладских островов, будучи по происхождению из Малой Азии, вместе с культом богини-матери привнесли в Грецию медь и поселились на обеих сторонах Коринфского перешейка. Тем временем население культуры крашеной керамики, по происхождению принадлежащее к дунайской культуре, проникло в Грецию с севера, вытесняемое шнуrowиками. Таким образом, к 2000 г. до н.э. с культурной точки зрения в греческом населении были три элемента: а) местные неолитические средиземноморцы, б) дунайцы с севера, в) кикладцы малоазиатского происхождения.

Между 2000 г. до н.э. и временем Гомера Греция была завоевана еще три раза: а) шнуrowиками (Майрс называет их «народом курганов», *Kurgan people*), появившимися с севера около 1900 г. до н.э. и которые, как думает Майрс²⁶², могли принести индоевропейскую основу эллинской речи, б) минойцами с Крита, основавшими «длинные генеалогии»: династии правителей в Тебесе, Афинах, Микенах и других местах; большинство из них проникли в Грецию около 1400 г. до н.э., хотя некоторые, возможно, и раньше, вплоть до 1700 г. до н.э.; в) «божественнорожденные» иностранцы, такие как Атрей, Пелопс и т.д., приплывшие в Грецию через Эгейское море на кораблях, выучившие греческий язык, занявшие троны и женившиеся на дочерях царей минойцев.

Эти иностранцы, которых Майрс уподобляет норманнам английской истории, дали жизнь героям Троянской войны. Сама эта война отражает близкое родство между этими путешественниками и приамовской Троей. В этих войнах гомеровские герои составили ядра небольших групп «товарищей»: они были бездомными героями с тесными личными связями. Основная масса греческой армии была составлена из местных новобранцев из различных греческих царств, у которых было разное этническое происхождение и у которых, как у Терсита, не было особого интереса в разрушении Трои.

Дорийцы послегомеровской эпохи железного века долго считались завоевателями с севера. Согласно реконструкции Майрса, они говорили на греческом языке и в результате военной активности фиванцев жили изолированно в районе горы Олимп, получая железо из Малой Азии.

Таким образом, греки великого периода афинской цивилизации были продуктом значительного смешения элементов из различных этнических источников, что показывает и изучение происхождения греческого языка.

Скелетные свидетельства могут, в свою очередь, дополнить свидетельства реконструированной истории. Шесть черепов из Агиас-Космос возле Афин представляют период смешения неолитического средиземноморского, дунайского и кикладского элементов между

²⁶¹ Myres, J. L., op. cit., 1930.

²⁶² Принимая во внимания свидетельства, которые мы представим выше, более вероятно, что его принесли дунайцы (гл. VI).

2500 и 2200 гг. до н.э.²⁶³ Три из них долихоцефальны, один мезоцефальный, а два брахицефальны. Их лица узкие, носы лепторинные, а орбиты высокие. Можно заключить, что здесь присутствует как критский средиземноморский, так и кипрский динарский тип.

Двадцать пять среднеэлладских черепов представляют период после пришествия шнуриков или «населения курганов» с севера и во время захвата власти минойскими завоевателями с Крита²⁶⁴. Из них 23 происходят из Азины, а два из Микен. Не стоит и говорить, что население этого времени было в большой степени смешанным. Только два черепа брахицефальны; оба они мужские, и оба связаны с очень низким ростом. Один из них средней величины, с высоким сводом, узким лицом и узким носом; другой – хамеринный и с очень широким лицом. Видимо, они представляют собой два разных широкоголовых типа, оба из которых, вероятно, можно найти в Греции и сегодня.

Длинноголовый тип не является единым: некоторые черепа с большими сводами и сильно выраженными надбровными дугами, с глубокими выемками в области переносья напоминают тип неолитических долихоцефалов – как тип длинных курганов, так и шнуриков. Фюрст считает, что большое их количество очень похоже на поздненеолитические черепа из Скандинавии примерно равного возраста. Не стоит и говорить, что в это время в Дании и Швеции присутствовали как шнурики, так и строители мегалитов.

Остальные длинноголовые черепа, которые, вероятно, более точно представляют основную массу среднегреческого населения, принадлежат к типу с высоким носом и слабо выступающими костями черепа, знакомому по Криту и Малой Азии той же самой эпохи. Они также низкого роста, в то время как несколько экземпляров более большеголовых типа, как и ожидалось, выше. По нынешним данным выделить из основной массы этих черепов дунайский тип невозможно, хотя он вполне мог присутствовать.

Сорок один позднеэлладский череп, датируемый промежутком с 1500 до 1200 г. до н.э. и происходящий опять же из Арголиса, может включать и черепа «божественнорожденных» завоевателей. Среди них одна пятая часть брахицефальна, и, очевидно, в основном принадлежит к кипriotскому динарскому типу. Из длинноголовых черепов значительное количество является большими и имеющими более отчетливые отметки, а меньшая часть относится к меньшему средиземноморскому типу. Сходство с северными типами и особенно со шнуриками видно даже сильнее, чем раньше. Это усиление неминойских черт может быть связано с прибытием предков гомеровских героев.

Этот обзор несет нас через весь бронзовый век. Расовая история Греции классической античности не так хорошо документирована, как только что изученные периоды. Однако до начала работорговли²⁶⁵ в Афинах и других центрах производства и экспорта могло и не быть значительного изменения населения. В Арголисе единственным расовым элементом, ясно различимым в шести протогеометрических и «эллинических» черепах, является средиземноморский²⁶⁶. Согласно данным Кумариса по черепным указателям²⁶⁷, во время классического периода, а также в эллинистические и римские времена на всей территории Греции господствовала мезоцефалия. Средний указатель для Афин в этот период был равен 75,6 для 30 черепов. Эта мезоцефалия, возможно, демонстрирует присутствие расового смешения при господстве средиземноморского типа. Греческие колонии в Малой Азии демонстрируют во многом такую же комбинацию типов, которую мы видели в самой Греции²⁶⁸. Смешение с

²⁶³ Koumaris, J., RA, vol. 44, 1934, pp. 248–251.

²⁶⁴ Fürst, C. M., LUA, N. F., vol. 26, #8, 1930; VHPA, vol. 4, 1930 pp. 3–14.

²⁶⁵ Zaborowski, S., ARSI for 1912, 1913, pp. 597–608.

²⁶⁶ Fürst, C.M., LUA, vol. 26, #8, 1930, pp. 92–95.

²⁶⁷ Koumaris J., ACAP, 1931, pp. 218 seq.

²⁶⁸ Schumacher, O., ZFMA, vol. 25, 1926, pp. 435–463; Zaborowski, S., BSAP ser. 4, vol. 3, 1881, pp. 234–238.

азиатами, должно быть, было скрыто расовой схожестью населения на обоих берегах Эгейского моря.

Греческая литература и искусство предоставляют изобилие свидетельств о пигментации и характерных лицевых чертах древних обитателей Эллады. Олимпийские боги, предки полугероев, по большей части были светловолосыми, с голеньями цвета слоновой кости и золотыми волосами. У Афины были серые глаза, однако Посейдон был черноволосым. Если верить Гомеру, эти боги несильно отличались от своих потомков, большинство из которых имели белую кожу и золотистые волосы²⁶⁹.

У вестника Одиссея Эврибата была смуглая кожа и вьющиеся волосы; сын Ахилла Неоптолем был рыжим, и возможно, что его мать была брюнеткой. Спартанцев описывали как светловолосых, а в V в. афинянки в поисках светлого идеала красили свои волосы в золотисто-желтый цвет при помощи трав. Расписывавшие вазы художники с VI до IV в. до н.э. могли различать светлый и темный цвет условными видами глазури и применяли это различие для представления как живых моделей, так и героев.

Греческая терминология включала названия голубых и карих глаз, а также зеленых (цвет оливкового листа); в цвете кожи выделяли розовость, бледность, напоминавшую сливочный сыр или кожуру незрелых яблок, цвет меда и темный цвет. Финикийским торговцам и смуглым морякам других национальностей было дано имя «rhoiñix» – этот цвет сравнивали с цветом зрелого финика или гнедой лошади. Таким образом, как в греческом сообществе, так и за его пределами можно было найти все варианты пигментации, известные современным европейцам.

Минойские традиции носа с высоко расположенным корнем и гибкого тела перешли в классическую Грецию как художественный идеал, но портреты отдельных личностей показывают, что они не были распространены. Злодеи, комические персонажи, сатиры, кентавры, великаны и все неприятные люди, которыми нельзя было восхищаться, часто показаны в скульптурах и в росписи на вазах как широколицые, курносые и обладающие обильной бородой. Сократа, принадлежащего к такому типу, недоброжелатели сравнивали с сатиром. Этот тип все еще можно найти в Греции – это обычный альпийский тип. В древних скелетных останках он представлен некоторыми из брахицефальных черепов.

В общем, по портретам афинян и глиняным маскам спартанцев можно составить впечатление, что они напоминали современных западных европейцев. Однако это сходство становится менее отчетливым в искусстве Византии, где более часты современные ближневосточные лица; но византийцы жили в основном за пределами собственно Греции. Как мы продемонстрируем ниже (глава XI, раздел 14), современные жители Греции на удивление мало отличаются от своих античных предшественников.

²⁶⁹ Майрс окончательно показал, что слово ζαυθός, о котором шло много споров, на самом деле означало «желтоватый» или «песочный». Стр. 192–194.

5. Медный и бронзовый век в Западном Средиземноморье

В начале эпохи металлов влияния с Крита и Эгейских островов, включая вторую Трою, распространились на запад до Сицилии, Сардинии, Италии и Испании, достигая также небольших островов Западного Средиземноморья. Вероятно, что мореплаватели отправлялись в путешествия в поисках как новых источников металла, так и рынков для своих продуктов. Также торговцы и искатели приключений следовали древним мегалитическим маршрутам. В самом начале носители металла и позднемегалитические колонисты могли быть одним народом.

Свидетельства о расовом составе мореплавателей медного века, достигших Италии и островов, просты и непосредственны. Относительно высокие, длинноголовые, узконосые строители мегалитов в позднем неолите наложились на меньший средиземноморский тип, предшествовавший им. За ними в энеолите последовало аналогичное население, но совместно с такими же высокими брахицефалами. Последние напоминали людей с такой же динарской формой головы с Кипра, Крита и Эгейских островов и, без сомнения, составили западную ветвь того же самого движения.

На Сицилии, которая, вероятно, получила металл раньше, чем большая часть континента или острова западнее, все черепа медного века серии из Иснелло²⁷⁰ принадлежат к общему средиземноморскому типу с доминирующим мегалитическим типом, что видно по большим длинам черепа, умеренным высотам свода и узким носам. Средний рост 21 мужчины, предположительно этого типа, составлял 169 см. Однако другие сицилийские серии включают и брахицефалов, как серии из Чиуселлы и Виллафратти с черепными указателями, достигающими до 91²⁷¹. Однако эти формы составляют не более трети от всех энеолитических серий из Сицилии. В последовавшем собственно бронзовом веке процент этих брахицефалов увеличился.

В Сардинии большая серия из 63 черепов медного века из Ангелу-Руджу²⁷² включает в себя 16%, или десять индивидов, нового брахицефального типа, а остальные напоминают длинноголовый тип из Сицилии. Вся группа в целом была высокой независимо от формы головы²⁷³. Расовый состав Корсики во время этих периодов известен только по присутствию одного небольшого, невысокого, длинноголового женского скелета неолита или энеолита и двух брахицефальных черепов бронзового века²⁷⁴.

Было бы интересно дополнить этот обзор итальянских островов изучением черепов, найденных на разработанных погребениях Мальты позднего неолита или ранней эпохи металлов, но копатели этих сводов, профессионалы и непрофессионалы, буквально выбросили, вероятно, самую большую объединенную серию человеческих черепов из когда-либо найденных числом более семи тысяч. Считается, что эти древние мальтийцы были «средиземноморцами», и сверх этого нам мало что известно о них²⁷⁵.

В самой Италии энеолитические скелеты, найденные в основном на западной части центрального региона полуострова, принадлежат к тем же самым типам, что были найдены на островах, но брахицефалы более обильны – по количеству они равны долихо- и мезоце-

²⁷⁰ Giuffrida Ruggeri, V., ASRA, vol. 11, 1905, pp. 56–103; Zaborowski, S., BMSA, ser. 5, vol. 6, 1905, pp. 196–199.

²⁷¹ Sergi, G., Crani Preistorici della Sicilia; Europa, pp. 270–289.

²⁷² Sergi, G., Crani Antichi della Sardegna.

²⁷³ Bruni, E., RDAR, vol. 26, 1921–25, pp. 235–250.

²⁷⁴ Bloch, A., BSAP, ser. 5, vol. 3, 1902, pp. 333–363.

²⁷⁵ Tagliaferro N. Man, vol. 11, 1911 pp. 147–150.

фалам²⁷⁶. Некоторые из энеолитических итальянцев Кампаньи и Лациума были очень высокими и с большими головами как с брахицефальными, так и с мезоцефальными формами²⁷⁷. В Истрии, у берега Адриатического моря, господствующее на полуострове сегодня динарское население начало появляться в медном и бронзовом веках²⁷⁸, судя по серии из шести женских черепов, несущих черты определенных показателей этого типа – таких как уплощение затылка, узкое лицо и выдающиеся носовые кости. Таким образом, новые завоеватели могли приплыть как из-за Адриатического, так и из-за Тирренского моря²⁷⁹.

Обозревая итальянский материал, как на метрической, так и на морфологической основе мы можем определить, что внедрение металлов было в общем связано с динарцами и, без сомнения, пришло из Малой Азии и Эгейских островов, где оно впервые произошло в последних столетиях III тысячелетия до н.э. Так как эпоха металлов в Среднем и Западном Средиземноморье началась позже, чем в Восточном, хронологический аспект этой теории не вызывает возражений.

Следующими остановками в распространении мореплавателей, несущих технологию обработки металлов через Средиземноморье на запад, были конечно же Балеарские острова, Испания и Португалия. Во время раннего медного века в Испании возникла отдельная культура колоколовидных кубков (КК), которая вскоре распространилась на север и восток в Центральную Европу и в конце концов в Британию как значительное расовое движение. Другая культура такой же локальной важности – культура Лос-Милларес в Альмерии – развилась из восточных начинаний с акцентом на импорте египетских и ближневосточных материалов – таких как кости гиппопотама, скорлупа яиц страусов и подлинно ближневосточная керамика²⁸⁰. Центр цивилизации ранней бронзы, появившейся около 2000 г. до н.э., опять же лежит в Альмерии, в Эль-Аргаре. Во время этого периода, длящегося до железного века, присутствовало сильное египетское и эгейское влияние.

К сожалению, на Иберийском полуострове, как и повсюду, человеческих останков недостаточно, чтобы поддержать всю сложность культурных свидетельств. Краниолог не может идти в ногу с археологами: мы не можем во всех случаях сказать, какие физические типы принадлежали каждой археологической общности без более многочисленных и более точно соотнесенных с археологическими культурами скелетов.

Для начала на Балеарских островах было найдено несколько долихоцефальных черепов и один брахицефальный в талайотах или ступенчатых каменных башнях, напоминающих сардинские нураги и шотландские брохи, которые впервые были построены в медном веке, но использовались до пришествия железа²⁸¹. Считается, что 58 взрослых и 5 детских черепов с длинными костями из наветы, или длинного кургана, на Менорке представляют однородную группу людей с низким ростом, длинными головами (все черепные указатели меньше 75), низкими лицами, выступающими орлиными носами и выступающими подбородками. Форма лопаток и плеч у мужчин показывает, что от использования пращи, от которой эти острова получили свое имя, у них развились сильные мышцы плеч и рук. Три других черепа из склепа у Биньятапа брахицефальные²⁸².

В группах медного века из Испании и Португалии совершенно превалируют древние длинноголовые типы: из 134 черепов, представляющих все, что могло быть собрано для

²⁷⁶ Sabatini, A., RDAR, vol. 29, 1930–32: pp. 577–582; Sergi, Europa, loc. cit; Mochi, A., APA, vol. 42, 1912, pp. 330–347.

²⁷⁷ Genna, G. E., PICP, 1932, pp. 60–64; RDAR, vol. 30, 1933–34, pp. 235–262.

²⁷⁸ Battaglia, R., PICP, 1932, pp. 57–60.

²⁷⁹ Если эти динарцы не пришли по суше из Центральной Европы.

²⁸⁰ Childe, The Bronze Age, pp. 146–153.

²⁸¹ Aranzadi, T. de, BAC, vol. 1, 1923, pp. 134–140; Cameron, John, The Skeleton of British Neolithic Man; Comas, Juan, Aportaciones al Estudio de la Prehistoria de Menorca.

²⁸² Cameron, John, PICP, 1932, p. 60.

этого обзора, только 15, или 9%, брахицефальны²⁸³. Если включить сюда Ариж, Нижние Пиренеи и Авейрон на юге Франции, можно добавить 28 черепов, из которых только два брахицефальны²⁸⁴. Один из них с места раскопок возле Нарбонны обладает всеми черепными и лицевыми чертами брахицефалов бронзового века Кипра, Италии и итальянских островов. Только в описании нескольких испанских экземпляров приведены подробные детали, но вероятно, что брахицефальные черепа были также такого же типа.

Многие из долихоцефальных черепов медного века принадлежат к мегалитическому типу или типу длинных курганов, а другие – к меньшему, менее грубому мезолитическому или неолитическому средиземноморскому типу. Среди мезоцефальных черепов некоторые могут быть опять же малыми средиземноморцами, в то время как другие с большими размерами свода могут во многих случаях быть результатом смешения между мегалитическим и брахицефальным типом. Средний рост больших долихоцефальных групп составляет около 167 или 168 см – это выше, чем рост большинства современных испанцев, и равно росту неолитического населения длинных курганов в Британии. Другие долихоцефальные черепа сочетаются с низким ростом – в среднем около 160 см. К сожалению, сейчас невозможно определить примерные пропорции мегалитического и средиземноморского типов, но последний, кажется, составляет по меньшей мере половину от общей численности.

Особым развитием медного века в Испании была культура КК, о которой больше будет сказано далее, так как ее главное влияние в расовом смысле приходится на области в других частях Европы. Сегодня археологи полагают, что культура КК возникла в Центральной Европе незадолго до 2000 г. до н.э. и имеет местное происхождение²⁸⁵. Ее североафриканское происхождение представляется маловероятным из-за предполагаемого отсутствия бронзового века южнее Гибралтара, хотя недавняя работа в Марокко выявила предположительно древний металл²⁸⁶. Там, где в Центральной Европе встречаются захоронения культуры КК, скелеты почти всегда принадлежат к тому же высокому брахицефальному типу, который мы уже изучили в Восточном Средиземноморье и Италии. В Испании, однако, они часто принадлежат мегалитической расе. Основой для мнения, что население КК Испании было динарским, служит в основном то, что таковы три фрагмента черепа этой культуры в Съем-посуэлоз около Мадрида, и один полный мезоцефальный череп из Серро-де-Томилло на расстоянии сорок миль оттуда²⁸⁷.

Размеры этих трех фрагментов точно неизвестны, и приписать их к определенному типу невозможно²⁸⁸. Однако все три фрагмента, кажется, брахицефальны, а у одного из них высокий свод. Надбровные дуги у одного черепа сильно развиты, у другого слабо. У одного, кажется, есть небольшое ламбдовидное уплощение. В единственном фрагменте с костями лица орбиты высокие, а нос узкий. Однако череп из Серро-де-Томилло не является чисто долихоцефальным и частично напоминает динарский брахицефальный тип, обычный в Средиземноморье в это время.

Хотя кажется, что у археологов нет особых сомнений в том, что культура КК развилась в Испании, а брахицефалы восточного Средиземноморья появились здесь примерно в это

²⁸³ Aguilo, Juan C., AMSE, vol. 1, 1922, pp. 23–36; Aranzadi, T. de, BAC, vol. 3, 1925, pp. 177–206; Barras de Aragon, F. de las, AMSE, vol. 12, 1933, pp. 90–123; vol. 9, 1930, pp. 59–64; Batista i Roca, J. M., BAC, vol. 1, 1923, pp. 104–133; Mendes-Correa, A. A., Os Povos Primitivos da Lusitania; Tormo, I. Ballester, APL, vol. 1, 1928, pp. 44–53.

²⁸⁴ Hélène, Th. and Ph., BAC, vol. 3, 1925, pp. 1–35; Lapouge, G. V. de, Anth, vol. 2, 1891, pp. 681–695; Vallois, H., Anth, vol. 37, 1927, pp. 277–303, 473–489.

²⁸⁵ Bosch-Gimpera, P., Real, vol. 4, pp. 345–362.

²⁸⁶ Ruhlman A., Hespéris, vol. 15, 1932, No. 1, pp. 79–119.

²⁸⁷ Childe, The Danube in Prehistory, Chapter X, pp. 190–201.

²⁸⁸ Anton, M., BRAH, vol. 30, 1897, pp. 267–283; Deslaers, M. H., BRAH, vol. 71, 1917, pp. 18–38.

же время, до сих пор неясно, как именно соотносятся друг с другом эти физический тип и археологическая культура.

В ранний бронзовый век, после расцвета населения культуры КК, Испания стала значимым центром металлургии и торговли, соревнуясь по своей важности с Эгейскими островами. Колонисты с востока, изначально бывшие в Испании рудокопами и распространявшие металл, стали производить готовые бронзовые произведения в самой Испании для местной продажи, так как беспорядки в Микенском и Минойском царствах, очевидно, отрезали их от родины²⁸⁹. Далее, внедрение новых культурных элементов с востока предполагает то, что появилось и новое население.

Главное место раскопок раннего бронзового века – Эль-Аргар в Альмерии расположено рядом с серебряными шахтами Геррериаса, разрабатывавшимися в древности. Из примерно 1300 погребений в урнах изогнутой формы было получено 70 черепов, из которых 29 принадлежат взрослым мужчинам, а 40 – взрослым женщинам²⁹⁰. Серия из Эль-Аргара весьма определенно показывает, что в раннем бронзовом веке население Альмерии не составляли потомки предыдущего населения. Это была во многом новая популяция с определенными родственными связями с Ближним Востоком, как можно предположить из культурных показателей.

Серия в целом принадлежит небольшим людям, со средним ростом у мужчин от 158 до 160 см; более древние иммигранты медного века по большей части были на десять сантиметров выше. Черепные указатели колеблются у отметок 76 и 77: 60% мужских и 58% женских черепов мезоцефальны. Среди оставшихся черепов длинноголовые в два раза превосходят круглоголовых. Эта серия не является очень однородной, и черепной указатель и большинство других морфологических критериев демонстрируют то, что население Эль-Аргара включало в себя по меньшей мере два типа, которые смешались не до конца.

Главный черепной элемент – это обычный, довольно небольшой средиземноморский тип, который напоминает как метрически, так и по описанию додинастические или ранние династические египетские формы, или в то же время элементы, появившиеся в Испании в неолите. Выступление надбровных дуг у надпереносья и существенное углубление в области переносья делают этот средиземноморский тип непохожим на каппадокийский вариант, частый в Малой Азии, хотя ничто не мешает предположить подобное родство по метрическим характеристикам.

Второй тип – это новый брахицефальный и, видимо, политически господствовавший элемент: на двух таких женских черепах найдены серебряные короны. Это была, очевидно, какая-то форма ближневосточного брахицефала, с которым мы в общем уже знакомы – скорее короткий, нежели широкий череп, свод средний или низкий, лоб узкий, ламбдовидная область часто уплощена, в то время как самая большая ширина свода доходит до задней стенки. Нос высокий и узкий, а носовые кости соединяются с лобовыми с небольшим понижением, в то время как гладкое надпереносье усиливает впечатление ближневосточного типа носа с высокой переносицей. Хотя части лица высокие и закругленные, само лицо достаточно низкое, но нижняя челюсть на удивление широкая, часто с вывернутыми углами нижней челюсти. Также встречается заметное количество случаев альвеолярного прогнатизма.

Хотя это не в точности тот же самый брахицефальный тип, который мы встречали в медном веке и который был идентифицирован как население культуры КК, но, тем не менее, это определенно ближневосточный брахицефальный тип, знакомый нам сегодня по Малой Азии и Сирии. Население Эль-Аргара представляет собой смесь элементов, которые могут в точности повторяться на современном Ближнем Востоке, но не ту, с которой мы уже зна-

²⁸⁹ Childe, *The Bronze Age*, p. 146.

²⁹⁰ Jacques, V., *BSAB*, vol. 6, 1887–88, pp. 210–236.

комы, — мы слишком мало знаем об этой оконечности Средиземного моря. Некоторая часть средиземноморцев вполне могла происходить от более древних испанцев, но в таком случае удивляет отсутствие мегалитических форм и форм медного века.

В других частях Испании не представлено такого изменения населения, как в Альмерии. Средиземноморцы, как большие, так и малые, продолжают существовать с неолита и медного века, и большая разновидность брахицефалов также сохраняется²⁹¹. На Мальорке и Менорке долихоцефальный элемент, видимо, сохраняется в качестве единственного или господствующего, в большинстве своем высокого и по форме свода идентичного типу длинных курганов²⁹².

Западные миграции народов с Эгейских островов и восточного берега Средиземного моря во время позднего неолита, энеолита и раннего бронзового века, должно быть, в значительной степени повлияли на население Италии, Сицилии, Сардинии, Корсики, Балеарских островов и Иберийского полуострова. Это была настоящая колонизация, добавившая новые расовые элементы в мезолитический и ранненеолитический средиземноморский субстрат. К середине бронзового века области Центрального и Западного Средиземноморья получили расовые характеристики, которые они сохраняют по большей степени и поныне. За исключением северной и центральной Италии, более поздние миграции принесли мало что нового.

²⁹¹ Aranzadi, T. de, Excavacio de Sepulcres Megalitics, pp. 31–39.

²⁹² Barras de Aragon, F. de las, различные статьи в AMSE, 1921, 1926, 1930.

6. Баски, финикийцы и этруски

Так как с конца бронзового века земли Западного Средиземноморья мало изменились в расовом отношении, то, как я полагаю, будет простительно разорвать последовательность изложения, как было уже сделано ранее с Месопотамией, Египтом и Грецией, и в этой главе описать происхождение и расовые характеристики определенных неиндоевропейских народов, известных сейчас или в прошлом как баски, финикийцы (карфагеняне) и этруски.

Что касается басков, то было замечено, что скелеты из дольменов Гипускоа, вероятно, датирующиеся началом эпохи металлов, по росту, размерам и форме головы, а также по особенностям лица напоминают скелеты современных басков из той же провинции²⁹³. Так как северный берег Испании в области, занимаемой басками с начала их истории, богат металлическими рудами, а также был излюбленным местом назначения морских мигрантов медного и бронзового века, то весьма вероятно, что многочисленный западноазиатский элемент, включающий как мегалитический, так и динарский типы, постоянно влиял на местное население. Когда мы будем обсуждать физическую антропологию современных басков, возможность такого влияния будет иметься в виду.

Второй народ – финикийцы, основавшие свои главные колонии в Карфагене в конце II тысячелетия до н.э. и оставлявшие торговые форпосты в различных точках североафриканского берега как на средиземноморской, так и на атлантической сторонах, – также селились вдоль восточного берега Испании, где они основали город Картахену. За исключением греков, они составили последнюю из групп, мигрировавших на запад из восточного Средиземноморья по морю, но первыми, кто сделал это при свете истории.

Физический тип финикийцев хорошо известен из останков, обнаруженных в могилах Карфагена²⁹⁴. Серия из 117 черепов, 68 из которых мужские, по большей части принадлежит к одному типу: долихо- и мезоцефальному, с черепным указателем около 75; с достаточно длинным и, следовательно, относительно широким сводом; с очень низким сводом, относительно широким лбом, коротким лицом, высокими орбитами и узким, выступающим носом, который часто выступает прямо из лобовой кости с небольшим углублением в области переносья или вообще без такового. Эти черепа во многом похожи на мегалитический тип или тип длинных курганов предыдущего тысячелетия. Но, как и следовало ожидать в свете их позднего восточносредиземноморского происхождения, у них есть изменения в сторону более короткого и широкого свода и вытянутого, напоминающего клюв (beaking) носа.

Несколько брахицефалов динарской формы несущественны для этого типа, а большое количество менее типичных черепов, с более низкими орбитами и менее выступающими, но более широкими носами, могут принадлежать уроженцам северной Африки. Карфагеняне были, очевидно, довольно высокими, со средним ростом у мужчин 168 см. Уже приводившиеся греческие свидетельства показывают, что они были темнопигментированными.

Не может быть сомнений, что большинство из карфагенян, захороненных в этих могилах, были или потомками мореплавателей из Палестины и Сирии, или по крайней мере иммигрантами с востока, принадлежащими к той же расе. Девять черепов знатных людей, взятых из каменных саркофагов, принадлежат к точно такому же типу, как и большинство других, за исключением того, что эти представители привилегированных классов имели голову больше во всех или большинстве измерений, чем у масс. Такая корреляция между размерами и статусом или размерами и возможностями – это известная человеческая черта

²⁹³ Serra i Vilaro, no Mendes-Correa, 1924.

²⁹⁴ Bertholon and Chantre, *Récherches Anthropologiques dans La Bérberie Orientale*, pp. 251–266. См. также: Collignon, R., *Anth.*, vol. 3, 1892, pp. 163–172; Mantegazza, P., *APA*, vol. 6, 1876, pp. 17–29.

повсюду, где существуют социальные и относящиеся к питанию различия, и не имеет соответствующего расового значения. Отдельные финикийские черепа из двух мест в Западном Средиземноморье – Мелиллы в марокканском Рифе и Ибицы в Испании²⁹⁵ – точно соответствуют карфагенским стандартам.

Последняя из групп, говорящих на неиндоевропейских языках, – этруски – вероятно, появилась в Италии в первой четверти X в. до н.э. Считается, что в VIII в. прибыла другая волна. Колонисты, очевидно, поддерживали контакты со своей родиной примерно до 650 г. до н.э. Этой родиной, в соответствии с античной традицией, поддерживаемой всеми греческими и римскими историками от Геродота до Плиния, была Лидия в Малой Азии. Большинство современных специалистов по античности полагает, что эта традиция верна²⁹⁶.

Черепные свидетельства из этруских захоронений²⁹⁷ усиливают мнение, что эти неиндоевропейцы и несемиты были типичным примером древнего населения бронзового века Восточного Средиземноморья. Как и в случае населения из Эль-Аргара в Испании, среднее мезоцефальное значение черепного указателя скрывает присутствие резко выраженных длинных голов и круглых голов с двумя крайностями, в этом случае составляющими примерно равные пропорции. На самом деле метрические характеристики этих серий очень похожи, но этруские черепа немного больше, что неудивительно, так как черепа из Эль-Аргара были по большей части достаточно небольшими.

Этруские черепа заметно гладкие по рельефу поверхности, надбровные дуги выступают слабо; если смотреть сверху, то боковые стенки черепа являются не параллельными, как у более длинноголовых средиземноморских форм, а сходящимися, с максимумом ширины в области темени и узким лбом; орбиты высокие и округлые, а нос узкий. Этруски с типично ближневосточной формой черепа напоминают как каппадокийский тип, найденный в хеттский период в Алишаре, так и брахицефалов с плоскими затылками, появляющихся в кладбищах бронзового века на Кипре. К римскому времени эти два типа смешались в большой степени в изменчивую мезоцефальную форму, к которой также во многом принадлежали и финикийцы.

Было бы трудно переоценить важность миграций восточносредиземноморских народов по морю в Италию, Испанию и на острова между этими двумя полуостровами как в древнейшее, так и в более близкое доисторическое время. Множество людей иммигрировало особенно в Испанию и Италию. Они добавили к основному средиземноморскому населению неолитического происхождения ближневосточные элементы, которые можно все еще выделить среди сегодняшних итальянцев и испанцев. Долг римлян этрускам – как генетический, так и культурный – был особенно большим.

²⁹⁵ Barras de Aragon, F. de las, AMSE, vol. 9, 1930, pp. 35–64; 79–105.

²⁹⁶ Schachermeyer, Fritz, Etruskische Frühgeschichte.

²⁹⁷ Sergi, G., AFA, vol. 41, 1915, pp. 309–313 ff.

7. Медный век в Европе к северу от Средиземноморья: передвижения дунайцев и культура колоколовидных кубков

В то время как самую древнюю культуру эпохи металлов несли на запад по Средиземному морю, другие силы привнесли ее в Центральную Европу по суше. Как и ранее, главным путем была долина Дуная, но на этот раз центром древнейшего распространения была не Богемия, а Венгрия. Серия черепов из Бодроккерестура в этой стране²⁹⁸ единообразно долихоцефальна – из более чем 50 экземпляров самый большой индивидуальный черепной указатель составляет только 76. Это слишком малое значение для дунайцев обычного неолитического типа, и подозревают, что с северо-востока происходило передвижение народов, происходящих от культуры шнуровой керамики. Частое присутствие медных боевых топоров, красной охры, курганов и других южнороссийских культурных черт в местах раскопок медного века в Венгрии²⁹⁹ может служить подтверждением этого вывода. На западе шнуrowики принесли первый металл в Швейцарию, и в этом случае найдены черепа определенно шнуrowого типа³⁰⁰.

Обитатели Югославии в медном веке были, как и обитатели Венгрии, также долихоцефальными³⁰¹. К сожалению, и здесь у нас нет более детальной расовой информации. Однако по мере приближения к устью Дуная это долихоцефальное однообразие исчезает. Четыре черепа из Руссе в Болгарии включают один мужской череп шнуrowого типа, мужской мезоцефальный и два женских брахицефальных черепа³⁰².

Исходя из этих свидетельств, можно сделать вывод, что люди, принесшие медь в дунайскую долину в конце неолита, происходят из двух центров: южной России и Кавказа – и Анатолии (через Трою). Главными носителями были шнуrowики или их долихоцефальные аналоги, а брахицефалы из Малой Азии мало повлияли на ситуацию с расовой точки зрения.

В то время как цивилизация медного века таким образом распространялась на запад вдоль Дуная и на север, противоположное движение в форме завоеваний культуры КК дошло от Рейна до Дуная и даже до Польши и Венгрии. Останки населения культуры КК занимают скорее одиночные могилы или группы могил, нежели кладбища; очевидно, они были путешествовавшими торговцами металлом, ибо их золотые спирали найдены в датских могилах периода коридорных могил. Таким образом, они были, по всей вероятности, соперниками людей культуры боевых топоров в поиске янтаря.

Неизвестно, как они прошли из Испании в Центральную Европу. Отдельные находки во Франции и северной Италии позволяют предположить, что альтернативными маршрутами были Рона–Рейн и перевал Бреннер³⁰³. Ни в одном случае свидетельства не являются удовлетворительными, и ни одно не исключает другого. Из долины Рейна, как из центра, экспедиции культуры КК двигались на восток в Богемию, Австрию, Польшу и Венгрию; принимавшие участие в этих движениях в конце концов растворились в местном населении. Однако население культуры КК, оставшееся в Рейнланде, вошло в близкий контакт со шнуrowиками, вторгшимися с востока и северо-востока, а также с мегалитическим населением

²⁹⁸ Bartucz, L., *MAGW*, vol. 57, 1927, pp. 126–130.

²⁹⁹ Hillebrand, J., *AH*, vol. 4, 1929, pp. 1–51.

³⁰⁰ Virchow, R., *ZFE*, vol. 17, 1885, p. 288 (2 взрослых женщины и 1 подросток, черепа из Финельц).

³⁰¹ Zupanic, N., *RA*, vol. 29, 1919, p. 28.

³⁰² Drontschilow, K., *Mitt. Arch. Inst. Sofia*, 1924, pp. 187–201, цитата в Sailer, K., *ZFAE*, vol. 77, #5/6, 1925, pp. 515–571.

³⁰³ Childe, *The Danube in Prehistory*, p. 196.

коридорных могил севернее, чьи владения простирались в Нидерланды. Эти три элемента, из которых тип культуры КК был, вероятно, господствующим, смешались, составив культурное единство раннего бронзового века – так называемое население культуры полосатых кубков (*Zoned Beaker*), завоевавшее Англию и Шотландию в качестве первых значительных носителей металла.

Физический тип культуры КК известен нам по шестидесяти или более черепам из разбросанных погребений в Германии, Австрии, Польше, Чехословакии и Венгрии³⁰⁴. Из них примерно треть брахицефальны, а остальные почти без исключения мезоцефальны. В Рейнской области около Вёрмса три четверти или больше черепов культуры КК брахицефальны; в Австрии можно найти такое же высокое соотношение; но в Богемии и Польше сильная брахицефалия становится менее частой, и в Токоле в Венгрии в серии из 10 черепов 4 мезоцефальные и 6 долихоцефальны³⁰⁵.

Как высока доля мезоцефалов за исключением Венгрии, так редки длинноголовые черепа, связанные с этим типом; поэтому мезоцефалы – это ветвь главного типа, не являющаяся продуктом местного смешения с длинноголовым населением. Морфологически эти мезоцефалы являются подлинным типом культуры КК.

Серия черепов из Рейнланда, включающая 9 взрослых мужчин, наиболее подходит для сравнения (см. приложение I, кол. 21). По среднему значению черепного указателя она идентична аналогичному показателю, полученному Фюрстом, 41 мужского черепа бронзового века с Кипра, которые уже были изучены и названы динарскими. Рейнские черепа немного больше по размерам свода и особенно по высоте, но в лицевом отношении почти тождественны. Морфологически эти две группы также похожи, но группа культуры КК имеет более крайние значения по многим параметрам: надбровные дуги часто тяжелые, общая грубость часто выражена сильнее. Лица типично узкие, орбиты – от средней до высокой, носовой скелет высокий и орлиный, затылок часто плоский. Рост у 6 мужчин достигал в среднем 177 см.

Отклонение рейнских черепов культуры КК от эгейской и восточно-средиземноморской динарской формы лежит в направлении типа борребю. Следовательно, более чем возможно, что пришельцы смешались с потомками раннеолитических брахицефалов, чья территория простиралась вдоль берега Северного моря от южной Швеции до Бельгии. Однако в целом в периоде, представленном черепами из Вёрмса, восточный или динарский элемент был более значительным.

Проблема испанской культуры КК теперь предстает в несколько более ясном свете, чем ранее. Динарский тип, с которым связано рейнское население культуры КК, появился в Западном Средиземноморье морским путем с востока и в конце концов продвинулся на север, в Центральную Европу – каким-то путем, который еще предстоит обозначить точно. Малочисленность брахицефалов в Испании может иметь своей причиной малочисленность свидетелей этой культуры в общем. Можно добавить, что также возможно, что в расовый тип населения культуры КК были включены определенные североафриканские элементы, но такое добавление необязательно и маловероятно.

Население культуры КК было, возможно, первыми брахицефалами, проникнувшими в австрийские Альпы и горы северо-восточной Богемии, ибо бросок альпийцев озерных поселений на юго-восток к Балканам произошел в бронзовом веке позже. Таким образом, возможно, что современное динарское население динарских Альп и Карпат может частично

³⁰⁴ Bartels, P., PZ, vol. 5, 1912, pp. 67–82; Jankowsky, W., AAnz, vol. 8, 1932, pp. 104–115; Palliardi, J., WPZ, vol. 6, 1919, pp. 41–56; Sailer, K., ZFAE, vol. 77, #516, 1925, pp. 515–571; Schliz, A., AFA, vol. 35, 1908, pp. 239–267; Sedlaczek-Komorowski, L., BAPS, ser. B, vol. 2, 1932, pp. 253–257; Stocky, A., and Matiegka, J., AnthPr, vol. 3, #2, 1925, pp. 138–155; Trauwitz-Hellwig, J. von, MAGW, vol. 53, 1923, pp. 251–265.

³⁰⁵ Bartucz, L., MAGW, vol. 57, 1927, p. 128.

происходить от этого восточного завоевания. Небольшое количество и обычаи разбросанных могил культуры КК на более плотно заселенных равнинах Европы, должно быть, сделали их намного менее влиятельными в расовом отношении, чем в горах.

В своем центре на Рейне более многочисленное население культуры КК имело постоянные взаимоотношения с обитателями Дании, которые по-прежнему хоронили мертвых в коридорных могилах. Более того, шнуровики, одна ветвь которых завоевала Ютландию и внедрила одиночный тип погребения, также мигрировали в долину Рейна и здесь смешивались с населением культуры КК, которые уже смешивались в то время с соседями типа борребю. Результатом этого тройного смешения был бурный рост населения и большая экспансия вниз по Рейну в направлении Британии.

8. Бронзовый век в Британии

Рассмотрение проблемы культуры КК естественно ведет к рассмотрению бронзового века Британских островов, на которых население культуры КК нашло свой лучший и самый долговременный дом. Спускаясь по Рейну и выходя в Северное море, они завоевали весь восточный берег Англии и Шотландии, а также берег Ла-Манша.

Это завоевание Британии не было простым делом. Новоприбывшие не только поселились во многих местах, но и принесли с собой в чем-то различные традиции. Хотя большинство из них принесли полосатые кубки и боевые топоры из-за смешения со шнуrowиками в области Рейна, другие из них – более древнего типа культуры КК и с каменными браслетами испанского типа – видимо, остались незатронутыми влиянием шнуrowиков.

Как их предшественники – население культуры длинных курганов, новые завоеватели выбрали для поселения открытые места и избегали лесов Мидлэнда и Вилда – лесистого района южной Англии (Кент, Суссекс, Суррей). Их излюбленным местом стал Йоркшир с его вересковыми лугами. Другими центрами были Уилтшир и Глочестершир на юге и Дербишир и Стаффордшир между ними³⁰⁶. В целом, население культуры КК выбирало те же области, которые привлекали и население культуры длинных курганов, за исключением того, что новым явлением была их концентрация в Йоркшире. Население культуры КК не уничтожило население культуры длинных курганов, которое какое-то время еще строило свои характерные покрытые землей склепы, в некоторых из которых найдены горшки культуры КК. Однако останки пришельцев всегда захоронены по отдельности под круглыми курганами – этот тип в смешанный рейнский комплекс привнесли шнуrowики.

По сравнению с континентом Великобритания содержит очень много скелетного материала культуры КК. Завоевания, достигавшие острова, принесли с собой большую миграцию многочисленного населения. Только в Англии сохранились и были изучены более 260 черепов. Из серии в 150 черепов, тщательно изученной Морантом, брахицефалы превышают чистый длинноголовый тип в соотношении три к одному, а количество промежуточных форм почти равно количеству последних. Это разделение может указывать на то, что смешение между шнуrowым элементом и их круглоголовыми товарищами оставалось незавершенным как во время завоевания, так и позднее. Во всех областях, в которых было обнаружено значительное количество черепов, пропорция между круглоголовыми и длинноголовыми черепами является постоянной, и это может указывать на то, что сохранившееся население культуры длинных курганов не хоронили в могилах вместе с пришельцами.

Население Англии бронзового века, представленное этой кубковой серией, было отчетливо разнородным. Можно легко различить три предковых элемента из Рейнланда. Все они были высокими, с общим средним ростом 174 см³⁰⁷. Однако шнуrowой элемент был самым высоким, а элемент борребю – самым низким (около 170 см). В общем, тяжелые кости и грубость элемента борребю, кажется, повлияли на телосложение всей группы. Черепа населения культуры кубков в целом большие, длинные и с высоким сводом, независимо от их формы. Они составляют одну из редких в мире групп с длиной черепа 184 мм и указателем более 80. Эту особенность они разделяют с немногими известными брахицефальными черепами верхнего палеолита. Опять же, грубость мышечных отметок, выступание надбровных дуг и затылочных линий, а также глубина и ширина нижней челюсти напоминает верхнепалеолитические черепа.

³⁰⁶ Morant, G. M., *Biometrika*, vol. 18, 1926, pp. 56–98.

³⁰⁷ Получено применением формулы Пирсона к 27 костям бедра взрослых мужчин, перечисленных Терманом. Thurman, J., *MASL*, vol. 1, 1865, pp. 120–168, 459–519; vol. 3, 1867, pp. 47–80.

В *Crania Britannica* присутствуют гравюры 73 мужских черепов этой группы: морфологически их можно разделить на составляющие компоненты. Двадцать четыре из них, или треть, имеют плоские затылки. Это соотношение, вероятно, отражает реальную долю первоначального элемента культуры КК в этой смеси; шнуровая группа составит одну четвертую, а остальную часть – группа борребю. Черепа с плоским затылком, как и можно было ожидать, самые брахицефальные, ибо более 60% всех черепов с указателем более 83 обладают некоторым уплощением на задней поверхности черепа.

Распределенные по группам по значению черепного указателя и форме затылка, брахицефальные мужские черепа (см. приложение I, кол. 22) метрически приближаются к уже обсужденным сериям из Вёрмса, а также сериям бронзового века с Кипра. Британские черепа с плоским затылком характеризуются бóльшим сводом во всех трех измерениях, нежели их континентальные и ближневосточные прототипы; у них также шире лицо; но в общем и по высоте верхнего лица, и в размерах носа они во многом одинаковы. Брахицефальные черепа с изогнутым затылком (см. приложение I, кол. 23) гораздо больше, и именно этот элемент внес свой вклад в сочетание по-настоящему длинного свода с высоким указателем. У них также большие и широкие лица, а также большая нижняя челюсть. Одно из самых поразительных различий между этими двумя брахицефальными британскими подгруппами состоит в диспропорции высоты лица. У обеих одинаковая верхняя высота лица; но общая высота лица (назион-ментон) на 5 мм больше в группе с изогнутыми затылками. Нижняя челюсть черепов с плоскими затылками ближе к обычной динарской форме, а у элемента борребю она почти равна стандарту верхнего палеолита.

Долихоцефальные черепа (см. приложение I, кол. 24), составляющие самый малочисленный из этих трех элементов, принадлежат к чистому шнуровому типу и предоставляют возможность изучить эту форму в бóльших количествах, чем где бы то ни было. Свод очень длинный и крайне высокий, с отношением ширина/высота, равным 105. Лица очень длинные, с глубокими, узкими нижними челюстями. Не может быть сомнений, что эти крайние варианты базовой средиземноморской расы появились в Англии как часть смешанного расового комплекса культуры полосатых кубков и не представляют собой результат развития мегалитической культуры длинных курганов, хотя оба элемента вошли в окончательный состав современного населения как в Англии, так и в Скандинавии.

В Шотландии развитие событий в раннем бронзовом веке сильно отличалось от английского и было более сложным. Население культуры кубков, прибывшее на восточный берег, частично появилось из Голландии, а частично из Англии. Некоторые могли появиться и с запада через Уэльс. В это время или немного спустя другая группа людей, названная населением культуры «фуд-вессел» (Food Vessel) по пищевым сосудам, которые они клали в могилы, видимо, появилась с запада или из Ирландии, где они также господствовали в раннем бронзовом веке. Это население культуры «фуд-вессел» хоронило своих мертвых в отдельных склепах, как и население культуры кубков, но часто и сожженными, из-за чего их скелетные останки относительно редки. Эти две группы состояли в тесных отношениях и обменивались материальными предметами и идеями. Во многих шотландских склепах не присутствует ни один из видов керамики, и не всегда возможно сказать, кому принадлежит погребальный комплекс³⁰⁸.

Скелеты из коротких склепов (short cists) Шотландии были собраны вместе независимо от их культурной принадлежности, которую во многих случаях невозможно определить. Таким образом была получена серия из 77 черепов³⁰⁹ (см. приложение I, кол. 25).

³⁰⁸ Childe, V. G., *The Prehistory of Scotland*, pp. 81–95.

³⁰⁹ Morant, G. M., and Reid, R. W., *Biometrika*, vols. 3–4, 1928. Более поздние публикации, в основном в выпусках PSAS, увеличивают это количество на по меньшей мере двенадцать, но никоим образом не изменяют выводов.

В общем население, оставившее шотландские короткие склепы, напоминало завоевателей культуры кубков из Англии, но ни в коем случае нельзя сказать, что они были идентичны. Средние размеры черепа во многих случаях меньше, а большие элементы в смеси, кажется, представлены слабее. Далее, их рост, видимо, был меньше – среднее значение 165 см³¹⁰. Группа в целом более кубковая в континентальном смысле, или динарская, по сравнению с английской; метрически шотландская серия напоминает брахицефальный элемент британской культуры кубков без элемента борребю и приближается к черепакам из Рейнланда. В некоторых чертах – таких, как более низкий свод, – она ближе к кипрской группе бронзового века, чем любая кубковая серия из изученных нами.

Причины различий между шотландскими и английскими сериями обнаружить нетрудно. Элемент борребю менее заметен в Шотландии, и то же самое относится к шнуровому элементу. В сущности, три из четырех долихоцефальных мужских черепов из низких склепов, видимо, принадлежат к мегалитическому типу, в то время как только один имеет свод, характерный для населения культуры боевых топоров. Длинные головы встречаются здесь реже, чем в Англии, а изначальный восточносредиземноморский брахицефальный тип находится в большинстве. Логически можно ожидать, что население культуры «фуд-вессел» принадлежит к этому же расовому типу.

Однако физический тип населения культуры «фуд-вессел» в Шотландии установить с определенностью невозможно, так как с этой формой керамики связаны только четыре полных скелета. Тем не менее, три из них – мужские – являются брахицефальными, имеют средний рост и принадлежат по совокупности своих черт к малому типу культуры кубков³¹¹, как и одна женщина. Два других индивида, представленные только длинными костями, были соответственно ростом 166 и 173 см. К сожалению, немного можно узнать из этого о членах этой группы, за исключением того, что они не отличались от населения культуры кубков, занимавших такие же типы склепов.

Однако есть гораздо лучший способ определить физические черты населения культуры «фуд-вессел» – изучить останки бронзового века из Ирландии. Насколько нам известно из источников, люди культуры кубков никогда не были в Ирландии. Тридцать известных ирландских скелетов бронзового века, обнаруженные в низких склепах, в большинстве случаев связывают с культурой «фуд-вессел», или, по крайней мере, когда известно, что в склепах была керамика.

Серия в целом³¹² (см. приложение I, кол. 26) высокая и стройная; черепа, почти все брахицефальные, часто с тонкими стенками; костный рельеф редко выступает настолько, как у британских экземпляров. Метрически ирландские черепа имеют более узкую голову и лицо, чем шотландские, почти идентичны альденбургской группе из Германии и очень близки к серии с Кипра. Самое заметное отличие от британской группы, подтверждающее их схожесть с черепами с Кипра, – это их небольшая ширина лица. В этом и во многом другом шотландские черепа находятся посередине между английскими и ирландскими.

³¹⁰ Callander, J. G., PSAS, vol. 58, 1924, pp. 23–27; Callander, J. G., and Low, A., PSAS, vol. 64, 1930, pp. 191–199; Craw, J. H., and Low, A., PSAS, vol. 67, 1933, pp. 308–311; Edwards, A. J. H., PSAS, vol. 65, 1931, p. 421; Edwards, A. J. H., and Low, A., PSAS, vol. 66, 1932, pp. 418–426; vol. 67, 1933, pp. 164–176; Gordon, J. T., and Waterston, D., PSAS, vol. 67, 1933, pp. 354–361; Low, A., PSAS, vol. 67, 1933, pp. 176–186; Ritchie, J., and Dow, D. R., PSAS, vol. 69, 1935, pp. 401–415.

³¹¹ Dow, D. R., PSAS, vol. 69, 1935, pp. 401–415; Low, A., PSAS, vol. 64, 1930, pp. 191–195; vol. 65, 1931, pp. 418–426. PAAS, 1904–06, pp. 133–142; Waterston, D., PSAS, vol. 67, 1933, pp. 354–361.

³¹² Составная группа из следующих источников: Haddon, A. C., PRIA, vols. 3–4, 1896–98, pp. 570–585; Martin, C. P., JSAI, vol. 62, 1932, p. 55; vol. 64, 1934, pp. 87–89; Martin, C. P., Price, L., and Mitchell, G. F., PRIA, vol. 63, 1936, sec. C, #7; Movius, H. L., PRIA, vol. 61, 1934, pp. 258–284; JSAI, vol. 59, 1929, pp. 99–115; vol. 64, 1934, pp. 73–85; vol. 65, 1935, pp. 213–222; Shea, S., JGAS, vol. 12, 1925, pp. 13–22. См. также: Martin, C. P., Prehistoric Man in Ireland; Morant, G. M., JRAI, vol. 66, 1936, pp. 43–55.

Следовательно, ирландское население бронзового века, связываемое с культурой «фуд-вессел», принадлежало к расовому типу, первоначально связанному с комплексом культуры кубков без шнурового элемента и без элемента борребю. Чайлд находит возможные прототипы населения культуры «фуд-вессел» как в Германии, так и в Испании³¹³. Без сомнения, в любом случае в бронзовом веке существовали движения из северной Испании и западного края Пиренеев. Они принесли в Ирландию и оттуда в Шотландию алебарды вместе с другими культурными инновациями. Эти движения были довольно поздними, но, по всей вероятности, таким же было и распространение населения культуры «фуд-вессел», которое часто сжигало своих покойников.

Необходимо выбрать между двумя путями, которыми могли следовать носители культуры «фуд-вессел», ибо очевидно, что они не были автохтонами. Первый вариант – из Германии и Голландии – является отдельным от маршрута культуры кубков, но, тем не менее, он принес бы самый основной кубковый элемент. Второй – из Испании, где население культуры кубков было, вероятно, только одним из некоторого количества брахицефальных групп. Последний вариант кажется более вероятным по расовым соображениям; более того, на шотландских сосудах часто заметны шнуровые влияния, а на ирландских – нет. Следовательно, это движение шло из Ирландии в Шотландию, а не наоборот.

³¹³ Childe, *The Prehistory of Scotland*, pp. 89–95.

9. Бронзовый век в Центральной Европе

В раннем бронзовом веке в Европе существовало три важных культурных центра, не считая Эгейских островов – это юго-восточная Испания, Британия и Центральная Европа. Мы уже рассмотрели первые два центра и изучили расовое происхождение их населения. В Центральной Европе центр цивилизации располагался снова на Дунае – в Богемии, Моравии, Силезии, нижней Австрии и Саксонии с Тюрингией. Культура бронзового века этого дунайского региона названа унетицкой по значительному захоронению Аунетиц (Унетице) в Богемии.

Источников происхождения унетицкой культуры множество. Составляющие ее элементы включают в основном местный неолит и медный век; северные влияния, в основном культуры шнуrowой керамики; вторжение культуры КК, а также металлургию из Анатолии и Эгейских островов, привнесенную сухопутным путем³¹⁴.

К счастью, свидетельства о расовом составе этого культурно разнородного населения многочисленны и ясны. Большое количество обильных и хорошо проанализированных серий дает возможность определить их природу без особых сомнений. В целом эта группа умеренно разнообразна. В нее входят три главных элемента: короткий, умеренно долихоцефальный дунайский неолитический тип с высоким сводом и небольшим лицом; знакомая нам шнуrowая форма; а также некоторые брахицефалы в умеренных количествах, которые, возможно, в большинстве своем происходят от населения культуры КК, хотя тот же расовый тип мог добраться до Дуная с Причерноморья и Эгейских островов. Динарское влияние наиболее очевидно в самых древних унетицких могильниках нижней Австрии, как в Хайнбург-Тейхтале³¹⁵, но оно вскоре исчезло по причине ассимиляции.

Одной из групп, изучение которых привело к наиболее успешным результатам, является группа скелетов из нижнеавстрийского захоронения Гемайнлебарн³¹⁶. Здесь был найден 51 череп в состоянии, пригодном для изучения, к которым можно добавить 25 других из меньших захоронений в нижней Австрии и Моравии. В общем получается 47 мужских и 52 женских черепа, а также и большое количество связанных с ними длинных костей.

Средний рост у мужчин составляет 165 см – это умеренное значение, лежащее посередине между древними неолитическими дунайцами и шнуrowиками из более многочисленных серий из Скандинавии и Англии. Пропорции конечностей демонстрируют большую длину периферийных сегментов как рук, так и ног, чем у исторических германских или нордических скелетов – в этом отношении нижнеавстрийское унетицкое население напоминало своих неолитических предков. Однако кости достаточно тяжелые и мощные, и это демонстрирует, что они, должно быть, имели широкие и тяжелые плечи.

Череп (см. приложение I, кол. 27) метрически находится между средними значениями шнуrowиков и неолитических дунайцев почти по каждой характеристике; единственное исключение – это легкое увеличение ширины головы, что может быть приписано включению нескольких брахицефалов. Черепной указатель, варьирующийся от 64 до 85, имеет среднее значение 74, а долихоцефалия является доминирующей формой. Профиль черепа сверху обычно одной из двух форм – длинный овал с почти параллельными сторонами – шнуrowой тип, и пятиугольный (пентагоноидный), или «щитовидный» – неолитический дунайский. Свод высокий, в большинстве случаев высота больше, чем ширина, – эта черта происходит от обоих главных предковых типов. Лицо достаточно длинное в обоих сегментах, а также

³¹⁴ Childe, *The Bronze Age*, pp. 139–140.

³¹⁵ Geyer, E., *MAGW*, vol. 60, 1930, pp. 65–140.

³¹⁶ Szombathy, J., *MAGW*, vol. 64, 1934, pp. 1–101.

узкое. Хотя средний носовой указатель мезоринный, почти половина серии лепторинная. Орбиты, как и у более древних типов, умеренной высоты.

В мужской серии только у четырех черепов указатели выше 78, и все эти черепа с изогнутыми затылками. Один из них, с тяжелыми надбровными дугами, широким межорбитальным расстоянием, широкой, глубокой челюстью и без клыковых ямок, выглядит как пришелец из североευропейских лесов, которых мы уже встречали в неолите; а другой, гипербрахицефал, имеет крайне узкое лицо и челюсть и может принадлежать как к анатолийскому типу, так и к типу культуры КК.

У всей группы в целом надбровные дуги развиты от нормальной до сильной степени, а форма носовых костей включает узкий корень, выступающий из значительного углубления в области переносья. Продолжающийся лобно-носовой профиль ближневосточных черепов бронзового века, очевидно, чужд этому составному типу.

Описание, приведенное выше, можно применить без особых изменений к другим австрийским унетицким сериям, а именно к штильфридской³¹⁷, включающей 9 мужчин. Здесь отношение составляющих факторов может быть немного иным, так как средний черепной указатель является мезоцефальным, а носовой указатель чисто лепторинный; однако эта группа не содержит брахицефалов.

Около 100 черепов из Богемии, собранных с большого количества захоронений³¹⁸ (см. приложение I, кол. 28), в целом крайне долихоцефальны – средняя величина указателя составляет 71. Серия из 32 мужчин³¹⁹ (см. приложение I, кол. 29), как и австрийская группа, в большинстве, если не во всех измерениях, опять же является промежуточной между средними значениями шнуровиков и неолитических дунайцев. Как и в случае с серией из Гемайнлебарна, самые длинные черепа являются в то же время и самыми высокими и обладают самыми длинными лицами. Мы видим указание на гибрид шнуровиков и дунайцев с очень небольшим динарским элементом (так как самые высокие указатели доходят до 83). Этой гибридной форме, как мы увидим позже, можно дать название «нордической» в скелетном смысле, так как она кажется идентичной историческим нордическим народам, жившим в этой же области.

Рост богемских и моравских мужчин из Унетице, как и у мужчин из нижней Австрии, составляет около 167 см³²⁰. Это значительно меньше, чем рост шнуровиков Скандинавии, а также длинноголовых носителей культуры колоколовидных кубков Британии, но больше, чем у центральноевропейских шнуровых серий неолита. Или наши группы слишком малы для точных выводов, что вполне возможно, или шнуровые группы Центральной Европы были не так высоки, как завоеватели северо-запада. В любом случае, унетицкое население Центральной Европы меньше по размерам головы и лица, чем изученное нами ранее население, и превосходит «нордические» народы железного века.

На периферии верхнедунайского центра существовали модификации обычного унетицкого расового сплава. В Саксонии и Тюрингии, где элемент культуры шнуровой керамики был особенно сильным, соответствующий физический тип также был значительным³²¹. Но на Рейне продолжалось воздействие культуры КК и брахицефалы сохраняли свои позиции³²².

³¹⁷ Schurer von Waldheim, Hella, MAGW, vol. 39, 1919, pp. 247–263.

³¹⁸ Stocký, A., AnthPr, vol. 9, 1931, pp. 225–275.

³¹⁹ Hellich, B., Praehistorické lebky v Čechách ze Sbírky Musea Království Českého.

³²⁰ Matiegka, J., MAGW, vol. 41, 1911, pp. 348–387.

³²¹ Heberer, G., VGPA, vol. 8, 1937, pp. 59–68.

³²² Как у Рейнскейма. Basler, A., MAGW, vol. 55, 1925, pp. 261–266.

В Тироле и верхней Австрии оставались динарцы культуры КК³²³, и в этом горном убежище им суждено было оставаться постоянно.

В Швейцарии известны около сорока черепов из могильников бронзового века³²⁴. Из них можно извлечь тот важнейший факт, что древние неолитические элементы сохранились лишь с незначительными изменениями. Проникновение унетицкой культуры сопровождалось добавлением в эту группу некоторых шнуровых типов, и с течением некоторого времени появились несколько брахицефалов с плоскими затылками из культуры КК. В целом швейцарцы, видимо, стали несколько более длинноголовыми за этот период – возможно, во многом из-за унетицкого влияния.

Вести это исследование расовых типов раннего и среднего бронзового века намного дальше на запад невозможно. Мы уже видели, что брахицефалы этого типа, распространившиеся по Средиземноморью во время бронзового века, вторглись в южные части Франции возле восточной границы Пиренеев и Лионского залива (см. стр. 167). Кроме этого испанского наплыва с юга, французский бронзовый век был во многом ограничен двумя периферийными точками – Савойей и Франш-Конте, а также Бретанью на крайнем западе.

На северо-восточной границе Франции во Франш-Конте было извлечено из могил большое количество скелетов, очевидно, датирующихся средним бронзовым веком – временем, когда из баварских нагорий через верхний Рейн и Юру произошло вторжение в северо-восточную Галлию³²⁵.

Семь из восьми скелетов этого периода были высокими брахицефалами с плоскими затылками³²⁶, принадлежавшими, насколько известно, к типу культуры КК, известному в более древние времена в области Рейна. Два более поздних могильных холма содержат долихоцефальные черепа с высоким сводом, принадлежащие двум низкорослым индивидам, как и один долихоцефальный экземпляр из более древней группы. Таким образом, насколько известно, тип культуры КК, связанный с древним дунайским неолитическим элементом, в среднем бронзовом веке проник в северо-восточную Францию с горного пояса южной Германии, расположенного южнее центра унетицкой культуры.

В Бретани самое древнее производство металла обнаружено по большей части в среднем бронзовом веке. Округлые курганы строились отдельно от мегалитических могил, которые по-прежнему использовались потомками тех, кто принес этот культ на побережье Атлантики. В бронзовом веке в могильнике Сен-Урнель-эн-Пломер в Финистере хоронили высоких, долихоцефальных людей с большими головами, узкими носами и сильными челюстями³²⁷. В Бретани также присутствовало и население культуры КК, и можно предполагать присутствие также и обычного физического типа КК.

Кроме этих примеров, других останков бронзового века из Франции, которые давали бы нам определенную картину населения любой части страны, не существует. Франция по большей части не участвовала в больших культурных движениях бронзового века и была заводью, в которой с небольшими изменениями своего образа жизни сохранилось неолитическое и даже мезолитическое население.

³²³ Meyer, A. B., MAGW, vol. 15, 1885, pp. 99–106.

³²⁴ Pittard, E., Anth, vol. 10, 1899, pp. 281–289; vol. 17, 1906, pp. 547–557; ASAG, #1, 1934, pp. 1–7; RA, vol. 45, 1935, pp. 5–12; Schenk, A., BMSA, ser. 5, vol. 8, 1907, pp. 218–228; REAP, vol. 15, 1905, pp. 389–407; Schlagenhaufen, O., BSGA, vol. 2, 1926, pp. 15–24; MAGZ, vol. 29, 1924, pp. 220–241.

³²⁵ Childe, The Bronze Age, p. 174.

³²⁶ Piroutet, M., Anth, vol. 38, 1928; pp. 51–60.

³²⁷ Le Pontois, Bernard, Le Finistère préhistorique.

10. Бронзовый век на Севере

Во время раннего бронзового века Скандинавия и восточнобалтийские страны не могли получать достаточно металла для инструментов и оружия, и поэтому там процветал поздний неолит, уже изученный нами. Первый действительный период металла обнаружен здесь в среднем бронзовом веке – позднее, чем первые поселения культуры кубков в Англии или развитие унетицкой культуры в Центральной Европе.

Скандинавский бронзовый век, вероятно, начался около 1500 г. до н.э. и продолжался почти тысячу лет. Это был период большого процветания, так как ютландский янтарь с торговлей приносил на север бронзовые и золотые объекты. Однако пределы этого культурного центра были ограниченными. Больше всего бронзы было найдено в Дании, так как в Швеции и южной Норвегии металл был дорогим, и редко его оставляли в могилах. К северу от 68-й параллели северной долготы на протяжении всего этого периода на берегах Арктического океана и в лесах и горах³²⁸ Норвегии и северной Швеции, как и в Финляндии, господствовал арктический каменный век.

Кремация, начавшаяся еще во времена дунайского неолита, за время среднего бронзового века постепенно проникла в качестве заменителя трупоположения и к началу позднего бронзового века стала единственным методом захоронения. Поэтому скелетный материал из пятисот лет среднего бронзового века становится все более и более скудным.

В Швеции мы ограничены 21 черепом, из которых 13 являются мужскими³²⁹. Они принадлежат к типам, уже изученным нами с неолита, и демонстрируют, что смены населения не происходило. Во всяком случае, длинноголовые элементы еще более очевидны, а доминирующая форма головы долихоцефальная. Опять же, в Дании пределом кажутся 20 черепов³³⁰, и здесь древнее неолитическое население также сохранилось без изменений. Люди бронзового века были такими же высокими, как и их предшественники, со средним ростом 172 см, а смешение длинноголового и круглоголового типов вылилось в то же самое крайне мезоцефальное среднее значение.

Есть свидетельства, что некоторые датчане этого периода были светловолосыми, так как волосы, зубы и одежда молодой женщины, похороненной в Эгтведе (Ютландия), превосходно сохранились из-за воздействия дубильной кислоты из дубового гроба, в котором она лежала под курганом. Эти волосы, коротко обрезанные на лбу и связанные в длинную косу сзади, были, очевидно, как прямыми, так и светлыми. К сожалению, кости сохранились не так хорошо, и невозможно сказать, к какому из доминирующих датских расовых типов неолита и бронзового века она принадлежала³³¹.

В целом мы можем быть уверены в достаточной степени, что в среднем бронзовом веке в Скандинавии не было значительных расовых изменений. Та же смесь по меньшей мере трех народов, объединенных в примечательном позднем неолите, продолжала свое существование и в эпоху металлов.

На дальнем севере Скандинавского полуострова, за пределами почти всех, кроме самых отдаленных, влияний бронзового века, на археологических основаниях мы приходим к выводу, что старые народы продолжали вести свое простое существование. Хотя пока еще нет прямых скелетных свидетельств их сохранения, корпус сопутствующих свидетельств со всей Балтики по аналогии делает это определенным.

³²⁸ Shetelig, Falk, and Gordon, pp. 170–172.

³²⁹ Arbo, C., FVO, 1901; Hillebrand, B. E., ATS, 1864; Retzius, G., *Crania Suecica*; Ymer, 1900.

³³⁰ Nielsen, H. A., ANOH, II, vol. 21, 1906; III, vol. 5, 1915, pp. 360–365; Virchow, R., AFA, vol. 4, 1870, p. 55.

³³¹ Coutil, L., BSPF, vol. 27, 1930, pp. 187–189.

В различных точках эстонского берега Финского залива в цистах под могильными холмами была обнаружена примечательная группа скелетов. Она датируется временем около 1200 г. до н.э., около начала среднего бронзового века, хотя они могли быть и старше на семьсот лет³³² (см. приложение I, кол. 30). Десять мужских и пять женских черепов принадлежат к одному однородному расовому типу, крайне долихоцефальному, со средней длиной черепа 195 мм. Их лица очень длинные и широкие; нос очень длинный. Надбровные дуги во многих случаях тяжелые, а носовые кости высокие и выступающие, но глубоко посаженные под сильно развитым надпереносьем. Эти черепа во многих отношениях похожи на шнуровой расовой тип, особенно представленный долихоцефальным элементом в британском населении бронзового века. Как и последний, они связаны с длинными костями, указывающими на высокий рост. В среднем у мужчин он достигал 172 см, у женщин – 165 см.

Однако в отличие от шнуровой группы, эти эстонские черепа такие же большие по размеру свода и лица, как и верхнепалеолитические группы из Центральной Европы, и равны им по большому количеству важных характеристик, включая длину черепа, ширину орбит и скуловой диаметр. По размерам высоты свода и лица эстонские черепа превосходят все известные европейские группы любой эпохи.

Это явный случай смешения остатков верхнепалеолитического населения, сохранивших образ жизни охотников в северных лесах, со шнуровыми всадниками и земледельцами, проникшими в их оплот, принеся им первый прямой контакт с производящей цивилизацией. Если в Эстонии сохранилась верхнепалеолитическая группа, то же самое могло произойти и в Норвегии. В эстонском случае следует отметить увеличение высот лица и черепа шнуровиков вместе с верхнепалеолитическим сохранением большой величины свода и ширины лица. Позднее мы встретимся с этим в нескольких современных североευропейских популяциях.

³³² Friedenthal, A., ZFE, vol. 63, 1931, pp. 1–39.

11. Бронзовый век на восточных равнинах

Оставшиеся части Европы, представленные скелетами бронзового века, могут быть изучены как одна область. Она состоит из травяной равнины, тянущейся от северной Германии и балтийских государств к югу от лесов, через Польшу и южную Россию в Сибирь. Нужно помнить, что во время бронзового века эта равнина была суше, чем сейчас, и сельскому хозяйству неолитических земледельцев препятствовали во многом как засушливость, так и нашествие населения культуры боевых топоров, которое впервые появляется в Центральной и Западной Европе в позднем неолите.

Свидетельства из Польши, хотя и скудные³³³, показывают, что концентрация шнуровиков, имевшая место несколько веков ранее на польской земле, сократилась до небольшой долихоцефальной смеси, уже наблюдаемой в Австрии и Богемии. Во время раннего бронзового века в Польше также было большое количество поселенцев культуры КК, которые также могли оставить своих потомков³³⁴.

Украинцы бронзового века опять же принадлежали к тому же «нордическому» типу со средним черепным указателем 74³³⁵, но без большой высоты свода австрийской и богемской группы. В России в большинстве случаев высота свода меньше ширины.

В областях южной России непосредственно к северу от Черного моря и к востоку от Киевской губернии останки бронзового века не изучались в достаточной степени, чтобы позволить сделать соответствующие выводы. Доступная информация показывает, что это население было, вероятно, длинноголовым и высокого роста³³⁶. Это верно также и для населения северных склонов Кавказа, где черепа по большей степени характеризуются исключительно длинными лицами, узкими носами и сводами значительной высоты, как шнуровые черепа далеко на западе³³⁷, хотя могли присутствовать также и некоторые мегалитические формы. Некоторые из кавказских черепов, однако, принадлежат небольшим долихоцефалам, а небольшое количество в основном женских черепов – брахицефалам. В позднем бронзовом веке люди северных склонов Кавказа практиковали деформацию черепа хеттского типа, которая в своем распространении на юг достигла Египта.

Восточнее Европейской России, в западном Туркестане и южной Сибири существовало ядро цивилизации бронзового века, имеющей культурные связи с Дунаем, Кавказом, Ираном и Китаем³³⁸. Из примечательной серии из 115 черепов взрослых из курганов в минусинском районе южной Сибири около истоков Енисея³³⁹ (см. приложение I, кол. 31) довольно очевидно, что в бронзовом веке здесь жили люди европейского расового типа.

Эта страна, ныне родина кочевых племен киргизов и калмыков, во II тысячелетии до н.э. была занята населением чисто европеоидного характера. Серия, происходящая в основном из I тысячелетия до н.э., хотя и достаточно однородна, демонстрирует такую же вариативность, как и большинство современных групп. Диапазон черепного указателя включает все формы головы, среди которых немного брахицефалов с плоскими затылками, но средняя форма – долихоцефальная; таким же образом лица преимущественно длинные, а носы

³³³ Девять черепов бронзового века были описаны в: Czortkower, S., *AnthPr*, 1932, pp. 212–218; Stojanowski, K., *PAr*, vol. 3, 1925–27, pp. 52–53; Tur, Jan, *Swiatowit*, vol. 3, 1901, pp. 85–93.

³³⁴ Sedlacek-Komorowski, L., *BAPS*, ser. B, vol. 2, 1932, pp. 253–257.

³³⁵ Debetz, G., *AntrM*, vol. 4, 1930, pp. 43–105.

³³⁶ Gochkevitch, цитируемый в Tallgren, A. M., *ESA*, vol. 2, 1926; Rau, P., *ESA*, vol. 4, 1929, pp. 41–57.

³³⁷ Broca, P., *BSAP*, ser. 2, vol. 8, 1873, pp. 572–578; Chantre, E., *RDAP*, ser. 2, vol. 4, 1881, pp. 247–254; Smirnov, M., *BSAP*, vol. 12, 1877, pp. 541–553; Virchow, K., *ZFE*, vol. 22, 1890, pp. 412 ff.

³³⁸ Tallgren, A. M., *ESA*, vol. 2, 1926.

³³⁹ Goroshchenko, K., *Kurgannie cherepa Minusinskago Okruga*, *OMM*, #2, 1900; Debetz, C. F., *AZM*, #2, 1932, pp. 26–48.

узкие. В общем, хотя отдельные черепа такие же большие и длинные, как и у самых крайних шнуровых форм, своды умеренного размера, а высота значительно меньше, чем ширина.

По малой высоте свода и ширине лица минусинские черепа напоминают украинскую группу бронзового века. В целом они составляют дальнейшее восточное крыло типичного населения бронзового века, простиравшегося от Австрии и Богемии до Центральной Азии – и термин «нордический» в скелетном смысле таким же образом применим как к востоку, так и к западу. Можно ожидать областных различий в расовом типе, покрывавшем такую обширную территорию. В данном случае это различие состоит просто в том, что на западе начиная с Польши своды выше, а лица уже, а к востоку от Украины верно обратное.

Андроновская, или минусинская курганная культура существовала примерно с 1000 до н.э. до начала н.э., и за ней последовали другие культуры, существовавшие до VIII в., когда появились киргизы³⁴⁰.

Это более позднее население начало использовать железо и делать посмертные маски. Эти маски не только представляют во многих случаях длинноголовых узколицых людей с узким и часто орлиным носом, но и содержат в некоторых случаях светлые волосы из бороды. Волосы на голове, часто сохранявшиеся на трупах, обычно каштановые.

С IV в. н.э. физический тип определенно меняется, как можно сказать по маскам – теперь лицо широкое и плоское, как и нос с очень низкой переносицей. Глазные щели окрашены голубым, а волосы голубым с черными линиями³⁴¹. Таким образом, только после гуннского времени нордиков юго-западной Сибири сменили монголоиды.

³⁴⁰ Golomshtok, E., AA, vol. 35, 1933, pp. 319–322.

³⁴¹ Golomshtok, E., BUMP, vol. 2, #4, 1933, pp. 40–45.

12. Конец бронзового века и кремация

Два или три столетия, непосредственно предшествующие отметке 1000 до н.э. в Центральной Европе, и чуть позже в более отсталых частях, стали свидетелями нескольких культурных инноваций, отмечающих начало позднего (Late) или конечного (Final) бронзового века. Для физического антрополога самым важным из них была кремация, из-за которой наше знание о расовых типах этого самого важного периода приближается к нулю. Этот пробел особенно неудачен, так как находки археологов проясняют, что поздний бронзовый век был временем значительных изменений и распространения населения.

В большей части Европы суббореальный климат сменился субатлантическим, принесшим увеличение холода и влажности и стимулировавшим рост лесов в бывших степях. Область почвы, подходящей для земледелия, стала меньше, в то время как количество людей увеличилось; только этих факторов было достаточно, чтобы вызвать перемещение населения. Большие перемещения произошли по равнинам как Азии, так и Европы; миграции предков ариев в северную Индию через Афганистан и в Иранское нагорье были явлениями позднего бронзового века.

Кремация началась в Европе в раннем бронзовом веке как дополнительный погребальный обряд и постепенно выросла в популярности на равнинах к северу от альпийского барьера. Кажется, что главный центр экспансии находился в центральных и восточных лугах от восточной Германии до России, где этот ритуал был особенно полезен для кочевых народов, встретившихся с проблемой захоронения мертвых в замерзшей почве.

Механизмы, распространившие эту черту по всей Европе во время позднего бронзового века, называются культурами полей погребальных урн, которые возникли на равнине к северу от Карпат от Силезии до Украины. Из этого центра они распространились во всех направлениях. Некоторые направились на юг через Альпы в Италию, в то время как в Грецию кремация была привнесена еще до времен Троянской войны. Из вторичного центра экспансии в альпийских нагорьях особое распространение полей погребений проникло на Британские острова как заметное завоевание.

По очевидным причинам скелетные останки, связанные с могильниками полей погребений, можно рассмотреть очень кратко. Кремированные кости, уцелевшие при ритуале, обычно такие хрупкие, что в плане их расовой идентификации мало что предпринималось, хотя экспериментально было показано, что в огне они сжимаются мало или вообще не сжимаются³⁴². Кости с Британских островов в общем указывают на то, что завоеватели этого времени могли быть меньше и легче, чем их предшественники. Небольшая серия черепов из южной Англии, избежавшая кремации, принадлежала альпийцам брахицефального типа озерных поселений³⁴³, появившихся из вторичного центра полей погребений в Швейцарии. С другой стороны, все восемь черепов позднего бронзового века из северо-западной Франции³⁴⁴ являются мезо- и долихоцефальными; возможно, они появились непосредственно из Германии в авангарде кельтских миграций. Восемь других черепов из украинских полей погребений³⁴⁵ длинноголовые и похожи на непосредственно предшествующий «нордический» тип той же области.

Некоторые из русских и кавказских останков, уже изученные, относятся к позднему бронзовому веку, как и сибирские. Все они избежали кремации. Общий временной масштаб

³⁴² Movius, H. L., Jr., *PRIA*, vol. 61, 1934, pp. 282–283.

³⁴³ Keith, Sir A., *JA*, vol. 11, 1931, pp. 410–418.

³⁴⁴ Bouchet, Dr., *Anth*, vol. 16, 1905, pp. 309–316; Piroutet, M., *Anth*, vol. 38, 1928, pp. 51–60.

³⁴⁵ Debetz, G., *AntrK*, vol. 4, 1930, pp. 93–105.

культурных феноменов в Центральной Азии по сравнению с Европой показывает, что в это время не происходило значительных этнических перемещений с востока на запад. К концу среднего бронзового века этнические элементы, которые сформируют население Европы в начале железного века, были уже на месте; во время периода кремации не было добавлено новых элементов, но уже присутствующие элементы участвовали в значительной перегруппировке и рекомбинации.

13. Заключение и выводы

Бронзовый век в большей части Европы охватывал небольшой промежуток в примерно шесть столетий по сравнению с в три раза большим временем в Египте и Месопотамии. Однако во время этих шести столетий во многих частях европейского мира произошли важные расовые изменения, в то время как в двух долинах, откуда произошла европейская цивилизация, население осталось тем же. Наиболее затронуты переселением народов в бронзовом веке были север и запад Европы; и отсюда эту активность можно интерпретировать как позднюю фазу перемещений, вызванную отступлением последнего ледника, за которой последовало изобретение производящего хозяйства. К концу бронзового века центры цивилизации начали свое передвижение на север и запад, к Греции и Италии, – движения, позже продолжившие свое передвижение в этом же направлении. Вероятно, не является случайным стечением обстоятельств то, что, начиная с неолита, люди с юга и востока мигрировали на север и запад.

Среди проблем, оставленных нам неолитом, которые помогли прояснить свидетельства бронзового века, – это непосредственное происхождение дунайцев. В неолите подобные дунайцам народы обрабатывали богатую почву южной России и западного Туркестана. Сейчас мы знаем, что они, должно быть, составили большой блок земледельцев, занимающих также и Малую Азию, и, возможно, Кавказ. Таким образом, они могли появиться в долине Дуная или из южной России, или из Анатолии – или же из обоих источников; и их более древнее происхождение из земледельческих нагорий установлено.

Вторая проблема, которая возникла только в бронзовом веке, – это происхождение нового расового типа, появившегося незадолго до 2000 г. до н.э. как бы из ниоткуда в Малой Азии, в Палестине и на Кипре. Этот новый тип был высоким, круглоголовым и часто с плоским затылком; его нос был выдающимся и узким; его лицо – треугольным и умеренной длины. По своим морфологическим чертам он предвосхищает появление динарской расы.

Брахицефалы этого типа следовали древнему мегалитическому пути в Италию, Итальянские острова и Испанию. В Испании некоторые из них, видимо, связаны с культурным феноменом, известным как комплекс культуры КК. Как народ эти пришельцы путешествовали из Испании в Рейнланд и в Центральную Европу, где они были первыми распространителями металла. Появившись в Рейнланде в значительных количествах, они смешались со старым субстратом борребю, оставшимся со времен мезолита, и с шнуровиками, продвигавшимися с востока. Эта тройная комбинация двинулась вниз по Рейну и через Северное море в Британию. Таким образом, во время раннего бронзового века Англия и Шотландия были завоеваны народами совершенного нового типа, появившимися в количествах, достаточных, чтобы радикально изменить население этих стран. В то же время другие передвижения этих брахицефалов с восточного Средиземноморья происходили по морю из Испании в Ирландию и из Ирландии в Шотландию.

Появление этих ранних динарцев на азиатской и европейской сцене отмечает приход третьего важного брахицефального расового типа, который мы встречаем в нашем исследовании послеледниковой праистории белой расы. В отличие от типа борребю и альпийского типа, его нельзя легко или правдоподобно объявить наследником палеолита. По размерам лица он в основе своей средиземноморец; кажется, что это средиземноморский тип, брахицефализированный каким-то несредиземноморским средством³⁴⁶.

³⁴⁶ Принцип динаризации будет объяснен в главе VIII, разделе 6, и главе XII, разделах 11, 12 и 17. Также см. пояснение к вклейке 35.

Эти динарцы появились не из Центральной Азии, Месопотамии или Египта. По личным характеристикам они напоминают долихоцефальных жителей Малой Азии и прибрежных стран Восточного Средиземноморья того периода, когда они впервые появились, в том, что у обоих нос с высоким корнем и высокой переносицей, высокие орбиты и покатый лоб. До тех пор пока не будут найдены дальнейшие свидетельства, лучше придерживаться той точки зрения, согласно которой динарцы-носители культуры бронзового века развились в сирийских нагорьях, где сейчас присутствует похожий брахицефальный тип, чем попытаться выводить их издалека.

Другим событием бронзового века, связанным с расовыми перемещениями, было постепенное исчезновение из-за ассимиляции шнуровиков и дунайцев и появление промежуточной длинноголовой формы. Эта последняя, населявшая огромную территорию от Германии и Австрии до Алтайских гор, заняла среднюю позицию в общем списке средиземноморских расовых вариаций.

В Австрии и Богемии сохранились высокий свод и узкое лицо как шнурового, так и дунайского типов, но от южной России до Алтая своды были ниже, а лица шире. Таким образом, появились два варианта – западный и восточный. Существуют свидетельства того, что восточная группа по меньшей мере была частично, если не в основном, светловолосой. Как западную, так и восточную группы можно с определенной уверенностью сравнить с «нордическими» народами, исторически появившимися в железном веке.

В конце бронзового века на период два или три столетия завеса кремации падает над расовой историей Европы. Когда в раннем железном веке дым рассеется, мы увидим, какие изменения произошли за время этого темного периода.

Глава шестая Железный век

1. Расы, языки и европейские народы

В предыдущих главах мы посчитали необходимым использовать археологию как систему ориентиров, по которой мы строили карту движений человеческих групп и их взаимоотношений: такое изучение расы в терминах культуры было необходимым. Идеи возникали, распространялись и сохранялись людьми, а люди смешивались. Полное и неожиданное замещение одной культуры другой говорит о резкой смене населения, а постепенное слияние новой культуры со старой должно равным образом включать сохранение, по крайней мере частичное, старого населения. Следуя этим правилам, мы видели, что расовые и культурные передвижения в самом деле связаны, и ни в одном случае не видно никаких противоречий, если достаточно скелетных материалов.

Хотя культура в археологическом смысле была ценным для нас проводником, предметом этой книги является раса, а не культура. Но как только мы подходим к историческому периоду, мы больше не обязаны иметь дело лишь с котлами, топорами и типами захоронений: мы можем рассматривать народы как языковые и политические группы с известными нам этнонимами и этническими связями. Это уже было возможно при рассмотрении доантичных цивилизаций – таких, как египтяне, шумеры, вавилоняне, и до определенной степени критяне и хетты, чьи письмена пока что не предоставили или предоставили мало документальной информации. То же касается и древних предков греков.

Население Центральной и Северной Европы обрело письменность только в относительно поздние времена – в большинстве случаев только после начала нашей эры, а в некоторых случаях только в этом тысячелетии. Но их отличительные особенности во многих случаях известны нам из записей античных географов и историков, а в Средние века – также из арабских источников. На востоке – в Средней Азии – большую помощь оказало усердие китайских историков. В нашем изучении раннего железного века археология нам все еще понадобится; но к началу нашей эры для наших целей станет возможным почти полностью обойтись без нее, так как в работе с историческими и живыми культурами язык служит наиболее известной, наиболее легко обозначаемой и самой удобной системой для обозначения общностей, подходящих для расовых исследований.

До сих пор мы мало говорили о языке. Речь народов, с которыми мы до сих пор имели дело, почти во всех случаях нам неизвестна. Исключений немного: как мы знаем, египтяне говорили на языке хамитской группы со значительным семитским влиянием. Вавилоняне и ассирийцы говорили на семитских языках, а шумерский язык, хотя его и можно читать, все еще определенно не связан с любым другим языком или языковой семьей³⁴⁷. Таким образом, в III тысячелетии цивилизованные народы использовали семитские и хамитские языки и все еще неклассифицированный шумерский.

³⁴⁷ Предполагаемое родство между шумерским и финно-угорскими языками не может быть выведено так просто, в основном из-за пропасти в три тысячи лет между их формами. Обе группы агглютинативны, но грамматическая структура шумерского также имеет глагольные префиксы, часто с личным тоном, неизвестным в современных финских или угорских языках. Шумерский, как и современные финские, угорские и тюркские языки, видимо, имел сингармонизм гласных. В словаре схождений немного. В целом это родство в настоящий момент не может быть ни доказано, ни опровергнуто. – Личное общение с д-ром Дж. Дайнли Принсом. Тж. см. Прологомены к его *Materials for a Sumerian Lexicon*.

Кроме этих языковых групп, обнаруженных в древности, существовала другая группа или скорее совокупность языков, на которых говорили в Восточном Средиземноморье и в Малой Азии. К ним относятся лидийский и, возможно, произошедший от него этрусский; кавказские языки, некоторые из которых существуют до сих пор; несколько гималайских языков, таких как бурушаски³⁴⁸; и целая группа языков Греции и Эгейских островов (и, возможно, еще более западных областей), известных нам только по топонимам. Язык острова Крит, вероятно, также принадлежал к этому классу языков.

Школа лингвистов, возглавляемая покойным профессором Марром, а также главный ее поборник в англоязычном мире д-р Эфраим Шпайзер³⁴⁹ группируют все эти языки, включая целый ряд вымерших языков, тянувшихся вдоль так называемого «плодородного полумесяца» от Сирии до Элама, вместе. Эту группу они называют «яфетической», что дополняет пару из семитских и хамитских языков до библейской троицы. Современные примеры этого предполагаемого класса или семьи языков, а именно грузинский и черкесский, имеют большое количество звуков, незнакомых индоевропейской, семитской и хамитской семьям, и напоминают языки американских индейцев.

Никто не отрицает широкое распространение и значимость этих языков в древние времена, но есть серьезные сомнения в том, что их можно объединить в единую группу, сравнимую с семитскими, хамитскими, индоевропейскими и другими языками. Более вероятно, что такая группировка включает некоторое число независимых семей, но в настоящее время слишком рано говорить, какими они могли быть; особенно из-за того, что большинство из них вымерли и никогда более, по всей видимости, не возродятся. В любом случае, вероятно, что некоторые мореплаватели позднего неолита и бронзового века, мигрировавшие на запад по Средиземному морю в Италию, на Итальянские острова и в Испанию, а оттуда в Британию, Францию и Скандинавию, говорили на языках, родственных восточносредиземноморским. Более того, возможно, что современный баскский язык может быть единственным потомком этой языковой миграции, но это предполагаемое родство, на которое мы ссылались в предыдущей главе, ни в коем случае не должно считаться доказанным.

Нам неизвестны языки свиноводов раннего неолита, внедривших производящую экономику в Испании и Западной Европе, включая берега озер Швейцарии, и вряд ли мы выясним, на каких языках они говорили. Далее, мы не знаем, какой язык использовали дунайцы, выполнившие ту же функцию первопроходцев в другой части. Речь шнуровиков также неизвестна нам, а старые идиомы остатков населения палеолита на дальнем севере, населения Дании культуры кухонных куч и азильцев Швейцарии – это реконструкция отдаленного прошлого. В нашей попытке связать языки с культурными или расовыми группами в Европе мы должны начинать только с железного века.

Сегодня члены белой расы говорят на языках следующих языковых семей: семитской, хамитской³⁵⁰, индоевропейской, урало-алтайской³⁵¹, баскской и различных языков Кавказа и Гималаев, которые было бы бесполезно здесь перечислять. Сегодня две самые важные из них – это индоевропейская и урало-алтайская. Тем не менее, в древности, пока цивилизации первой волны были в руках хамитов, семитов и шумеров, все индоевропейцы и, вероятно, большинство урало-алтайцев, если они существовали как таковые, были неграмотными варварами.

³⁴⁸ Lorimer, D. L., The Burushaski Language.

³⁴⁹ Speiser, E., Mesopotamian Origins.

³⁵⁰ Сегодня хамитские языки не выделяют в отдельную языковую семью. Вместе с семитскими языками их группируют в одну афразийскую семью языков. – Прим. перев.

³⁵¹ Что касается вопроса об урало-алтайском единстве, см. гл. VII, стр. 242.

Сегодня на индоевропейских языках говорят больше белых людей, чем на всех остальных, вместе взятых, в несколько раз. Люди, говорящие на индоевропейских языках, монополизировали культурные достижения современной науки; но нельзя забывать, что еще в Средние века семиты, тюрки и китайцы были более продвинутыми, чем большинство индоевропейцев. Лингвисты говорят нам, что индоевропейцы первыми не одомашнили ни одного полезного животного или растения.

Лингвистически индоевропейские языки, вероятно, являются относительно недавним феноменом, возникшим уже после приручения животных и культивации растений. Последние исследования обнаруживают, что они произошли от изначально смешанного языка, чьими главными составляющими элементами был уральский (элемент А) и какой-то необозначенный элемент Б, который был, возможно, одним из восточносредиземноморских или кавказских языков³⁵².

Растения и животные, на которых была основана экономика древних индоевропейцев, соотносятся со словами, происходящими в основном из элемента Б. Медь и золото уже были известны, и слова для этих предметов происходят из Месопотамии.

Где-то на равнинах южной России или Центральной Азии произошло смешение языков, в результате давшее индоевропейскую речь³⁵³. Этот продукт, в свою очередь, распространился, разделялся и дифференцировался далее из-за смешения с языками народов, которым он был навязан в той или иной форме. Некоторые из теперешних индоевропейских языков, кроме этих поздних добавлений из неиндоевропейских языков, содержат больше от элемента А, чем другие, содержащие больше от элемента Б. Единство первоначальных индоевропейцев не могло быть долгим, если вообще оно было полным когда-либо.

Они разделились – возможно, очень рано – на две группы, обозначаемые по судьбе палатальных взрывных звуков группы К. В одной группе, так называемой группе «сатем», она изменилась в спира́нт (S). Другая, названная «кентум», сохранила первоначальную форму этого звука, который также доминировал в элементе А или финно-угорском элементе. Язык группы кентум делится на большое число ветвей, из которых живыми членами являются кельтские, германские, итальянские и греческий языки; группа сатем включает славянские и балтийские, армянский, индийские и иранские и, возможно, фракийские³⁵⁴ языки – в том смысле, что они внесли свой вклад в современный албанский. Другие – такие, как лигурийский, иллирийский³⁵⁵ и тохарский Б (все группы кентум) давно вымерли.

На индоевропейских языках говорили люди, совмещавшие земледелие с животноводством, у которых была патрилинейная организация с по меньшей мере зачатками дифференцированной классовой системы, и которые поклонялись олимпийскому пантеону богов. Первоначальное формирование индоевропейской языковой семьи при помощи смешения произошло не ранее эпохи металлов; общая культура самых древних носителей индоевропейских языков, насколько она существовала как единое целое, имеет много общего с культурой как народов Эгейских островов и Малой Азии, так и Центральной Азии. Например, мифология алтайских тюрков так похожа на мифологию древних скандинавов, что некоторая общая близость не в таком уж далеком прошлом представляется необходимой³⁵⁶. Далее,

³⁵² Уленбек (AA '37) отказывается идентифицировать элемент Б или назвать его кавказским. Однако Неринг (Nehring, A., WBKL, vol. 4, 1936, pp. 7–229) определенно считает, что элемент Б принадлежал к группе, часть которой могли составлять кавказские языки.

³⁵³ Теории о составном происхождении индоевропейского праязыка, разрабатываемые в первой половине XX в., в настоящее время потеряли свою популярность. – Прим. перев.

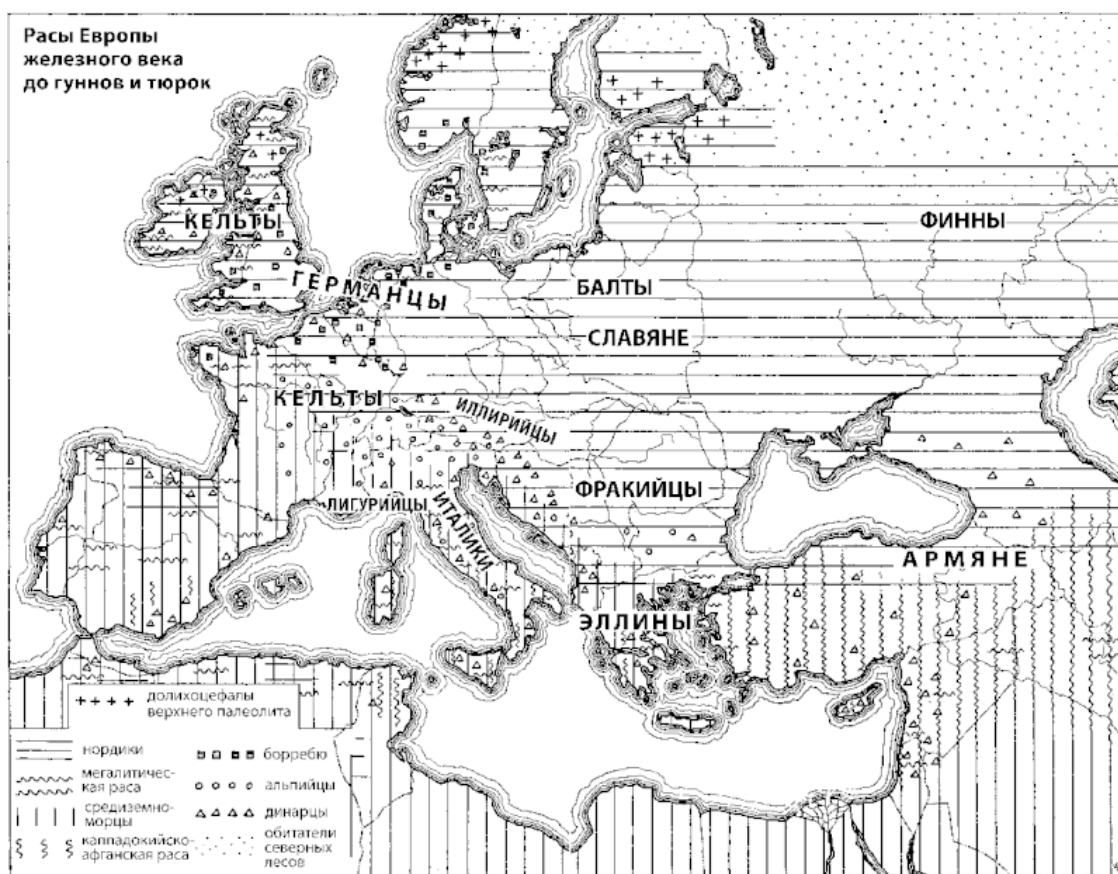
³⁵⁴ Lowman, G. S., Language, vol. 8, 1932, p. 271.

³⁵⁵ Он также мог внести свой вклад в современный албанский.

³⁵⁶ Chadwick, Nora K., JRAI, vol. 66, 1936, pp. 75–112.

ритуал конского жертвоприношения³⁵⁷ является настолько общей чертой как индоевропейцев, так и алтайцев, что само по себе недавнее разделение не может этого объяснить.

Индоевропейские языки, как мы их знаем, должно быть, появились в восточном крае Европы или на западе Центральной Азии в не очень отдаленное время. Их распространение по большей части Европы и последовательно по западному полушарию, Австралии, большим частям Азии, в которых их первоначально не было, – это часть общего движения, в которых играли свою роль как раса, так и культура. Тем не менее, мы не можем с полной уверенностью связывать какую-либо древнюю культуру ранее железного века с какой-либо особой формой индоевропейской речи. Хотя герои Гомера сражались бронзовым оружием, мы точно не уверены, когда и как именно додорийские греческие диалекты появились в расово и культурно сложном эллинском мире; также мы не знаем, кто принес хеттский язык в Малую Азию.

Целая школа европейских археологов и лингвистов связывает с распространением индоевропейской речи население культуры шнуровой керамики³⁵⁸. Неринг в недавней работе, очень подробной и авторитетной, делает первоначальными индоевропейцами дунайцев³⁵⁹. Он объясняет схожесть с алтайской культурой, разделяя индоевропейскую культуру и словарь на два элемента: 1) ранний уровень, в котором самым важным домашним животным в экономическом плане был вол, а главным занятием – земледелие; 2) поздний уровень косвенного алтайского влияния, в котором первичным элементом была лошадь, а вторичным – земледелие.

³⁵⁷ Koppers, W., *Anthropos*, vol. 24, 1929, pp. 1073–1089; WBKL, vol. 4, 1936, pp. 279–411.

³⁵⁸ Возглавляемая Коссиной, который также выводит индоевропейскую речь с Балтики. См. Kossinna, G., *Ursprung und Verbreitung der Germanen*.

³⁵⁹ Nehring, A., WBKL, vol. 4, 1936.

В данный момент появляется все больше свидетельств того, что определенные формы индоевропейской речи имеют очень древнюю историю в нескольких частях Средиземноморья. Уотмо определенно идентифицировал лигурийский язык как индоевропейский³⁶⁰, а лигурийский оказался очень древен в Италии и в долине Рейна. Сепир видит в языке филистимлян форму индоевропейского³⁶¹, и сделал бы Ковчег Завета вместилищем духа на колесах, как плетеные склепы у поздних монголов. Но ни одна из этих идентификаций не ведет нас к более древним временам, чем беспорядки в Месопотамии в конце III тысячелетия, когда северяне стали причиной бессонных ночей вавилонских царей, а гиксосы завоевали Египет. Именно после этих беспорядков колесницы впервые появились в Ливии; оттуда первый южный натиск кочевников на лошадях мог повлиять на оба берега Средиземного моря, какие бы языки они ни принесли с собой.

Дата первого точного появления индоевропейцев – это примерно 1900 г. до н.э., когда диалект наили, вошедший в хеттский, появился в Малой Азии. Вероятно, что древние греки появились в Элладе в то же время. Около 1400 г. до н.э. предки ариев Индии пересекали афганские перевалы, идя к долине Инда, а примерно шестьсот лет спустя их родственники – предки иранцев – основали Персидскую империю. Примерно с 1000–900 гг. до н.э. – и это самая ранняя из возможных дат – носители гальштатской культуры в Центральной Европе распространили железо вокруг, и они, скорее всего, говорили на иллирийском языке. В Италии, без особых сомнений, население культуры вилланова распространило итальянскую речь по полуострову, а некоторые формы иллирийского были привнесены большим количеством народов, среди которых, возможно, были венеты.

Все эти индоевропейцы, начиная с 900 г. до н.э., определенным образом связаны с распространением железной металлургии из центра, который еще предстоит определить. Чаще всего его помещают в северную Анатолию и на Кавказ³⁶². Какой бы ни была история распространения индоевропейской речи в прошлом, с пришествием железа некоторые ее ветви, видимо, стали распространяться с большой скоростью. Гальштатский период в Центральной Европе сменился латенским, поздним железным веком, длившимся от 500 г. до н.э. до начала н.э.; и это был период кельтской экспансии и кельтского владычества, более ранний, но похожий на распространение римской власти и латыни в Средиземноморье. После феноменального и бурного рассеяния кельтов, которым было суждено уцелеть в языковом отношении только на западном краю Европы, далеко от центра своего распространения, в дни Римской империи германские народы начали свой натиск из Дании, южной Швеции, северной Германии, Голландии и берегов Норвегии. Они достигли всех стран Европы, а также Северной Африки. В отличие от распространения кельтов во многих частях Европы воцарилось культурное и языковое постоянство.

За распространением германцев последовало распространение славян – самых молодых индоевропейцев, переживших большое увеличение численности и миграции. Это происходило уже в исторические времена, в VII и VIII вв. н.э., но, к сожалению, в той части Европы, в которой происходила большая часть их распространения, свет истории был слабым.

Предшествующее отклонение в область сравнительного языкознания имеет прямое отношение к проблеме расового состава современной Европы. Хотя нашей первичной задачей не является определение физического типа или типов неразделившихся предков индоевропейцев, если они на самом деле были едины, но можно обнаружить общий расовый знаменатель, однородный или смешанный, распространителей индоевропейской речи и

³⁶⁰ Whatmough, J., *The Foundations of Roman Italy*.

³⁶¹ Sapir, K., *JAOS*, vol. 56, 1935, #2, pp. 272–281.

³⁶² Wainwright, G., *Antiquity*, vol. 10, 1936, pp. 5–24.

сопутствующих ей культур железного века по Европе и частям Азии. Как только мы отделим это общее, мы можем надеяться определить его положение на шкале расовых типов, уже известных нам – так как это должен быть тип или типы, с которыми мы уже познакомились в предыдущей части нашего исследования, а не *deus ex machina*, вызванный к жизни лингвистами и политиками.

2. Иллирийцы

В начале нашего обзора индоевропейских народов железного века мы полагаем оправданным выбрать самый древний пример, при рассмотрении которого можно определенно отождествить язык с культурой и расовым организмом. Это верно в отношении так называемой гальштатской культуры, связываемой с иллирийской ветвью индоевропейской речи. Обычно классифицируемый как язык кентум, иллирийский, как и тохарский Б, принадлежал к древней форме индоевропейского, возможно, предшествующей разделению на группы кентум и сатем³⁶³.

Эта культура с центром в южной Германии и Австрии возникла в Центральной Европе вскоре после начала I тысячелетия до н.э. Она развивалась из местной культуры полей погребений бронзового века, а также из унетицкой культуры. Ее достигали другие влияния среднего и позднего бронзового века, особенно влияние курганной культуры южногерманских нагорий; таким же образом как кремация, так и использование железа были привнесены со стороны. Тем не менее, несмотря на сложность археологических деталей, гальштатскую цивилизацию можно рассматривать в первую очередь как продукт автохтонного населения Центральной Европы с незначительными добавлениями, если таковые вообще были.

Гальштатская культура распространилась во многих направлениях, включая юго-восток, где она проникла в Боснию и, наконец, в Албанию. Она медленно двигалась на север, пока не достигла Скандинавии и северной Германии, относительно поздно принеся железо в эти регионы; на юго-западе она пересекла Францию и проникла в Каталонию. Непосредственно на юге она таким же образом распространилась через Альпы в Италию, где завоеватели-иллирийцы раскололись на большое количество местных племенных групп, включая венетов. Было бы нелепо утверждать, что каждый могильник гальштатской культуры несет в себе кости или пепел иллирийцев. С определенностью это можно утверждать только о центральной области и смежных с ней, а для запада довольно очевидно, что только какая-то часть гальштатского населения была на самом деле кельтской.

Гальштатские черепа из Австрии, включая собственно Гальштат, составляют умеренно однородную, совершенно длинноголовую группу³⁶⁴ (см. приложение I, кол. 32). Эта группа является законным местным наследником унетицкой культуры, и, как и последняя, она во многих отношениях напоминает дунайцев неолита. Однако в определенных чертах она отклоняется от них в направлении шнуровиков, и таковые черты включают увеличение орбит, а также сужение и удлинение носа. Отдельные черепа определенно относятся к шнуровому типу. Как морфологически, так и метрически большинство из этих черепов без затруднений можно назвать «нордическими»: их надбровные дуги умеренные, лоб умеренно покаты, затылки выдающиеся, теменные кости уплощенные, скулы сжатые, нижняя челюсть глубокая. Рост, очевидно, был умеренно высоким³⁶⁵.

³⁶³ Whatmough, J., *The Foundations of Roman Italy*, p. 177.

³⁶⁴ Сочетая несколько серий, можно собрать 24 мужских черепа. Hochstetter, F. von, *MAGW*, vol. 7, 1878, pp. 297–318; Rosendprung, L., M., *MAGW*, vol. 66, 1936, pp. 338–344; Schliz, A., *AFA*, vol. 37, 1910, pp. 201–251; Schurer von Waldheim, Hella, *MAGW*, vol. 48–49, 1919, pp. 247–263; Weisbach, A., *MAGW*, vol. 18, 1888, pp. 51–52; Zuckerkandl, E., *MAGW*, vol. 13, 1883, pp. 89–118.

³⁶⁵ Матейка (*MAGW*, vol. 41, 1911, pp. 348–387) не может отделить длинные кости гальштатцев от унетицких: оба этих типа одинаковые, со средним ростом 168 см.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 249,90р. (на 09.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.